

Тюменский научный центр
Сибирское отделение РАН
Центр прикладной этики

Финансово-инвестиционная корпорация «Югра»

ЭТИКА УСПЕХА

ВЕСТНИК ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ, КОНСУЛЬТАНТОВ И ЛПР

ВЫПУСК 3/94

Соредакторы: В.Бакштановский, В.Чурилов

Редколлегия: Г.Батыгин, Ю.Казаков, С.Керр, И.Клямкин,
А.Согомонов, Ю.Согомонов, В.Шпильман

Адрес редакции: Тюмень, 625000, а/я 1230

Центр прикладной этики

Телефон (факс) в Тюмени (83452) 240-226

В Москве (8095) 203-9817

322-9746

Центр прикладной этики, 1994
Тюмень – Москва 1994

Аннотация

Начиная с третьего номера редколлегия Вестника "Этика успеха" намеревается практиковать тематические выпуски. Вестник N 3 собран вокруг темы "Российская модель профессионального успеха".

Идеалы, ценности и нормы профессиональной деятельности "человека состоявшегося", этика и это с успеха в профессиональных сообществах и индивидуальных карьерах, потенциал солидарности в корпорациях успешных профессионалов, сходное и различное в советских и постсоветских моделях профессионализма - таков круг вопросов, в обсуждении которых "встретились" исследовательские и практические интересы учредителей Вестника и Центра "Стратегия". Следующий тематический номер Вестника будет посвящен исследованию Духа, Кредо, и Кодекса корпоративного успеха.

Вестник "Этика успеха" N 3 издан при участии и спонсорской поддержке Гуманитарного и политологического Центра "Стратегия".

ОГЛАВЛЕНИЕ ВЕСТНИКА N 3

МЕТАФИЗИКА УСПЕХА

Г.С. Батыгин. Профессионалы в расколдованном мире	6
Г.Л. Тульчинский. Российский духовный опыт и проблема успеха.....	12
Р.Г. Апресян. Ориентация на успех как моральная проблема	17
А.Б. Франц. О русской модели Блага и его будущем	21

ЭТОС УСПЕХА: СФЕРЫ ДЕЛА

Г.Э. Бурбулис. Потенциал солидарности успешных профессионалов в стратегии российской модернизации	30
В.И. Бакштановский, Ю.В. Согомонов, В.А. Чурилов. Этика политического успеха: продолжение дискурса	36
Я. Эйдельман. Деловой успех в групповом сознании работников промышленности	43
Г. Беккер. Природа профессионализма.....	46
О.Г. Чайковская. "Профессионализм дилетантов": суд присяжных	54

НОМО LUDENS: ПРАВИЛА ЧЕСТНОЙ ИГРЫ

Д. Гранин. "... Праведность нельзя награждать успехом"	59
--	----

МОДЕЛИ УСПЕХА: ЦИВИЛИЗАЦИЯ И ПОСТСОЦИАЛИЗМ

Л.А. Аннинский. Успех "по-русски"	63
Р. Хубер. "Моральные дилеммы успеха"	66
И.М. Клямкин. Ценность профессионализма в сознании постсоветского человека	71

А.С. Панарин. Модель успеха: дискурс в чрезвычайных обстоятельствах	82
А.С. Ахиезер. Достижительный характер либерального идеала: прогноз тенденции	87

НОВОЕ ПОКОЛЕНИЕ ВЫБИРАЕТ УСПЕХ?

С. Соловейчик. "Вы блестящий учитель, у Вас блестящие ученики"	93
Ю. Козлов. Утолит ли жажду конь Мюнхгаузена?	99
В.Н. Шубкин. Система образования и воспроизводство новых элит	103

ДУХ КОРПОРАЦИИ

А.Ю. Согмонов. Текст корпорации: "страх успеха" или "дух сотрудничества"	112
--	-----

Этика и этос корпорации. "Круглый стол" Вестника "Этика успеха" 1:

В.И. Бакштановский. Становление этоса корпоративной солидарности.....	117
В.А. Чурилов. О "белых воронах" в партийной системе и в современной корпорации.....	118
Ю.В. Согмонов. Дух корпорации и успешный профессионализм.....	120
М.Г. Ганопольский. Мозаика корпоративности	121
Н.В. Колотова. Легитимность как дух корпорации	124
А.В. Филипенко. Правила игры между государством и корпорацией.....	125
М.В. Богданова. Предпринимательский рационализм и корпоративность.....	126
В.И. Шпильман. Дух взаимодействия.....	127
Ю.В. Казаков. "Mens sana": "корпорация как взрывное устройство?.....	129

БИОГРАФИЯ ПОБЕД И ПОРАЖЕНИЙ

М. Массарский. "... Влиять на ход и исход событий"	132
Э.А. Памфилова. "... Остаюсь романтиком в политике"	139

ПРОФЕССИОНАЛЫ В РАСКОЛДОВАННОМ МИРЕ

Первоначальный смысл слова "профессия" заключается в открытом заявлении о принятии монашеского обета. "Профессия" начинается, таким образом, с ритуала, сценарий которого напоминает уход от мира в жизнь бесконечную. Предыдущая (допрофессиональная) жизнь становится смутной и расплывчатой, взамен же приобретает право на профессиональное послушание. До того, как Новое время разрушило иерархию мироустройства, стремясь восстановить то, что казалось естественным порядком, профессионалами считались преимущественно особы духовного звания, юристы, медики и впоследствии военные. Остальные, как предполагалось, должны в поте лица своего есть хлеб свой. Профессионалы же не работают, а служат: они отдали себя своему делу и ничего не просят взамен.

В известной степени и сегодня профессионалы сохраняют в своем облике и манерах поведения некоторые черты, присущие традиционному (сословному или кастовому) корпоративному строю. Это качество - быть профессионалом - не наследуется и не является "приписываемым" статусом. Однако, вступая в довольно замкнутую систему явных и неявных профессиональных норм, обычаев и символов (в том числе жаргона и иных средств распознавания своих), человек принимает на себя некоторый обет отдавать им предпочтение перед внешними обстоятельствами. В этом отношении профессия - не что иное как расколдованный аналог харизмы, благодатной способности свершать святые таинства, оставаясь при этом обычным человеком.

Подобная двойственность, с трудом воспринимаемая неискушенным в догматике мирянином, вполне естественна для этоса клирика: его харизматический дар нимало не теряет своей силы при впадении в грех, разумеется, если грешник не извергнут из сана. Пресвитеры и епископы - лишь предстоятели в церковной общине. Но богослужение открывает в них сакральную сторону, непостижимую для мира. Так и профессионалы: они не обладают никакими преимуществами по сравнению с профанами, но как только начинается воспроизводство знания, обнаруживается, что царство профессии - не от мира сего.

Профессиональное призвание клирика не является исключением. Его профессия обнаруживает избирательное сродство не только с наукой, медициной и юстицией - основными университетскими "хабилитациями", но и искусством, в том числе ремеслами. Профессия возникла из орденов и корпораций, а также цеховой организации производства, где членство в гильдии означало одновременно право на профессиональный успех при условии соблюдения кодекса сословной чести, в частности, "справедливой цены".

Современность внесла существенную коррективу в регламент воспризнания профессионала: начиная свою карьеру, он вынужден отныне осуществлять личный выбор из открывающихся возможностей и рационально оценивать жизненные перспективы и средства, которыми он располагает, чтобы добиться успеха. Средневековый подмастерье, как правило, не обладал возможностями выбора, поскольку был обязан наследовать дело своего отца или стать мастером после смерти наставника. Открыть свое дело в условиях господства профессиональных корпораций было практически невозможно. Исключение составляли маргиналы и авантюристы, среди которых В. Зомбарт особое значение придавал евреям - они заполняли ниши, связанные с обращением капитала.

В известной степени профессиональные корпорации представляют собой "суперструктуры" по отношению к социальной и культурной дифференциации. Эта их особенность была отмечена Г. Зиммелем, который писал о "республике ученых" в эпоху Ренессанса как о новом типе интеллектуального и духовного единства людей, принадлежащих к совершенно различным классам и сословиям средневекового общества. Вслед за Э. Дюркгеймом Зиммель рассматривал корпоративные профессиональные организации

как универсальный механизм воспроизводства "общинности" - спасительную альтернативу растущему отчуждению и аномии, обусловленным специализацией и разделением труда. Такой подход несет на себе определенный отпечаток утопии, поскольку профессиональные структуры могут с полным основанием трактоваться как элемент рационально-технической дифференциации общества. В этом отношении значительный эвристический потенциал заключает веберовская концепция профессиональной бюрократии как административного аппарата, основанного на экспертизе. Предполагается, далее, что несмотря на приверженность профессиональным ценностям, бюрократия может использовать экспертизу для достижения собственных "материальных" целей. Отсюда следует важное заключение о "неформальности" профессиональных норм в организациях, формальные структуры которых используются в частных целях. Так возникает конфликт между профессиональным долгом и склонностью к достижению успеха во внепрофессиональной сфере.

И в традиционном, и в современном обществах профессиональный успех обладает важной этической составляющей, ограничивающей его от успеха непрофессионального: профессия является по преимуществу целью, а не средством и, тем самым, ее мотив приобретает характер категорического императива. Как только профессионал выходит на рынок, его победа на этом многоликом поприще становится поражением - здесь не любят автономии долга.

М. Вебер рассматривал процесс профессионализации как переход от традиционного социального порядка к современному типу общественного устройства, где статус индивида определяется рационально осмысленными целями его деятельности. Профессия, по Веберу, это радикальная форма спасения посредством принятия аскетического обета в расколдованном, лишенном харизмы мире. Профессионал также обещает соблюдать высокие требования своего ордена и нередко эта процедура приобретает форму торжественного ритуала. "Клятва Гиппократова", произносимая врачами, - лучший пример профессионального обетования. Служение чиновника и военного оформлено детально регламентированными чинами, званиями и знаками различия. Это указывает на преимущественно иерархическую организацию профессий в современном обществе, которая призвана обеспечить эшелонированный социальный контроль и корпоративную поддержку профессиональных ценностей в столкновении с расколдованным миром. Э. Дюркгейм в своем анализе профессий исходил именно из корпоративной природы профессиональных сообществ, функция которых - создавать солидарность между индивидами, разобщенными частными интересами. Дюркгейм указал также на высокое предназначение профессии как надвидеальной "высокой" солидарности.

Значительная роль, которая принадлежит профессиональным корпорациям в современном обществе, рассматривается (в частности, У. Эко) как свидетельство возрождения типичных для Средневековья сословно-коллегиальных структур, обеспечивающих нормативную регуляцию поведения. Эти структуры часто имеют неформальный характер по отношению к формальным организациям, в рамках которых они возникают. Профессионализм как этическое требование содержит в себе в значительной степени чуждые обществу универсальной конкуренции элементы "элитарного равенства". Термин "элитарное" в данном случае используется условно, поскольку профессионалы не имеют оснований считать себя элитой в том смысле, в котором современное общество создает рейтинги популярности и систему определения "первых". Элитарность означает, скорее, неприменимость стандартных измерений дохода, власти и престижа к внутренним профессиональным регуляторам.

С другой стороны, "равенство" посвященных отнюдь не равнозначно новоевропейской эгалитарности. Внутри профессиональной корпорации существуют иерархически организованные позиции и соответствующие ритуалы чиновничества, которые делают профессиональное равенство совершенно нераспознаваемым для профанов. Равенство

посвященных предполагает применение критерия внутренней экспертизы к каждому члену корпорации без каких либо ссылок на статусные привилегии, несмотря на то, что они постоянно артикулируются. Например, С. Стауффер показал, что приказы и распоряжения, проходящие по формальным каналам в воинских частях и подразделениях эффективно выполняются лишь при условии неформального коллегиального взаимодействия. В противном случае используются механизмы имитации выполнения приказов. Таким образом, профессионализм создает своеобразную форму равенства - коллегиальность, отличающуюся от коллективности субординацией экспертов.

Т. Парсонс разработал развернутую теорию профессиональных ролей и статусов, основанную на трактовке профессии как формы господства. Господство вытекает из права обладающего знанием диктовать свою волю профану по рационально артикулированным правилам. Так, врач обладает властной прерогативой перед больным, учитель осуществляет господство по отношению к ученику, и чиновник диктует стандарт поведения гражданину. В отличие от права сильного, господство профессионалов не имеет отношения к их личному волеизъявлению и ценностному освоению мира. Наоборот, профессиональные действия, в том числе властные, выполняются "для блага больного (ученика, гражданина, подсудимого)".

В 1968 г. Т. Парсонс и Н. Сторер указали на четыре особенности профессии как функционального элемента социальной организации. Во-первых, это ответственность за хранение, передачу и использование специализированной суммы знаний. Именно обладание такими знаниями отличает профессионалов от "непосвященных" и это обладание, будучи продемонстрировано, получает название "Экспертизы", - пишут авторы (Парсонс Т., Сторер Н. Научная дисциплина и дифференциация науки /Пер. с англ. Л.А. Седова // Научная деятельность: структура и институты: Сборник переводов. М.: Прогресс, 1980. С.28.). Во-вторых, профессионалы обладают высокой автономией в области привлечения новых членов и контроля за их профессиональным поведением. Третья особенность профессии состоит в покровительстве со стороны общественного окружения, а также в охране от непрофессионального вмешательства. В-четвертых, профессионалы обладают контролем над вознаграждением и, если профессионал стремится заработать вознаграждение со стороны непрофессионалов, он испытывает соблазн изменить своей профессии (там же, с.29). Это относится преимущественно к "обслуживающим" профессиям, интегрированным в экономическую систему. Но и "чистые" профессии функционируют при условии налаженной системы обмена с сообществом. В качестве вознаграждения здесь выступает профессиональное признание, предполагающее, в свою очередь, предоставление некоторых материальных благ.

Отмечая тенденцию к усилению коллегиальности в бюрократических организациях, Т. Парсонс связывал ее преимущественно с привлечением профессионалов в частный сектор экономики и правительственные учреждения. Он назвал это явление "профессиональным комплексом" (Parsons T. Politics and social structure. New York: Free Press, 1969. p.505,508.). Решающее различие между профессиональным и коммерческим отношением к делу заключается, по его мнению, в том, что профессионалы стоят на позиции "моральной ответственности" и "когнитивной рациональности".

Неофункционалистские исследования показали, что в организациях, где профессиональные нормы высокоинституционализированы, складываются сильные защитные механизмы против выраженных "материалистических" интересов и даже формируются общие антиавторитарные установки. В контексте профессиональной коллегиальности артикулируются антиматериалистические ценностные стандарты и цели социальной политики (Sciulli D. Voluntary action as a distinct concept: Theoretical foundations of societal constitutionalism // American Sociological Review. 1986. Vol.90. p.514-540). В отличие от участников общественных движений, профессионалы создают новые социетальные ценности, вовсе не стремясь участвовать в общественной жизни, а только посредством рутинного воспроизводства этоса коллегиальности. Меритократические версии современ-

ной утопии опираются как раз на предположение об экстраполяции норм профессиональной коллегиальности на структуры господства и подчинения.

Этос коллегиальности, воспроизводимый профессионалами, вроде бы находится в конфликте с авторитарной природой политических институтов. Отчасти этим объясняется и кажущееся противостояние интеллектуалов и власти, нашедшее особенно драматическое выражение в "веховской" проблеме. Однако, есть несомненная правота в утверждении, что право на экспертизу являет собой форму господства и противостояние профессионализма (с его коллегиальностью) и монархизма может оказаться и часто оказывается призрачным. М.Вебер, вероятно, не придавал значения этой контрверзе. В своем анализе исторических форм коллегиальности он исходил из распространенного в Европе со времен Римской империи равного права членов коллегии наложить вето на принимаемое решение. Таким образом исключалось преобладание единоличного волеизъявления. Более современная форма профессиональной коллегиальности связывалась Вебером с анонимностью административного действия, которое является результатом совместной работы множества членов бюрократической организации и не зависит от частного мнения ни одного из них. В то же время наблюдается обратный процесс: коллегиальная профессиональная экспертиза превращается в средство политического действия и в силу своей инструментальности уступает место единоличному принятию решений бюрократическим лидером.

Становление коллегиальных профессиональных структур в современном обществе основано на технической экспертизе, равенстве, консенсусе (участии всех членов организации в принятии решений), специализации. Коллегиальность определяется как доминирующая ориентация на консенсус, достигаемый членами организации экспертов, каждый из которых теоретически равен другому по уровню экспертизы, но специализирован в собственной области (Waters M. Collegiality, Bureaucratization, and Professionalisation: A Weberian analysis // *American Journal of Sociology*. 1989. Vol.94. No.5. p.956).

Профессионал, в отличие от профана, руководствуется прежде всего требованиями технической рациональности и подчиняет свою волю императиву долга. Он не допускает никакой отсебятины - только выполняет предписания. Это делает его равнодушным ко всему, что выходит за рамки профессиональной оптики. Любитель, обладающий высокой квалификацией, отличается от профессионала тем, что вкладывает в свои занятия душу. А у профессионала душа отделена от тела. Например, профессионально подготовленному врачу никогда не придет в голову огорчаться по поводу поведения больного; судья выполняет свои многообещающие действия безотносительно к чувствам симпатии, либо ненависти, которые он может испытывать к обвиняемому. Профессионал-продавец демонстрирует доброжелательное внимание к привередничающему покупателю, хотя мысленно уже назвал его сволочью.

Поэтому профессионализм не обязательно соотносится с определенным социальным статусом, например, статусом высококвалифицированного специалиста. Профессионал может быть и недостаточно квалифицированным. Профессионализм - скорее модус независимости по отношению к миру, где уже все расколдовано и превращено в материал для дела.

Этику профессионала можно определить как этику должностной автономии. В бюрократически организованных системах образования и науки автономия поддерживается системой распределения доходов, предполагающей получение профессионалом жалованья за отправление должности. Прибыль, зависящая от умения приспособиться к вкусам покупателя, должна быть отстранена на второй план. Суть дела заключается в том, что прибыль и зарплата зарабатываются индивидуально, а жалованье выдается в качестве денежного, котлового и вещевого довольствия.

Служебный компонент с наибольшей отчетливостью явлен в чиновничестве (в том числе и военном), с наименьшей - в сфере торговли, всецело ориентированной на внешние запросы покупателя. Близко к "служебным" профессиям стоит работа врача, для ко-

того считается неэтичным "делать деньги", хотя в Европе и Америке врач - одна из самых высокооплачиваемых профессий. Аналогичным образом не принято говорить о юристе, что он работает за деньги. Работа исследователя тоже совершенно автономна от меркантильных соображений. Все это означает одно: чиновник, врач, юрист и ученый работают хорошо вне зависимости от внешней оценки. В некоторых сферах деятельности, например, в науке, имеет значение даже форма получения вознаграждения - не индивидуальный заработок, а должностные оклады и ставки. В этом отношении профессия - анклав этики долга в мире борьбы всех против всех.

Независимость профессиональной позиции предполагает, что члены корпорации не могут рассматривать свою деятельность под углом зрения "найма", даже если соответствующий контракт действительно имеет место. Равным образом, профессионалы не должны проявлять личную заинтересованность, либо представлять интересы группы, как это делают политические лидеры. Нормы профессиональной экспертизы приобретают самодовлеющий универсальный характер.

Профессиональная этика существенным образом модифицирует тип карьеры, отличая его от обычного пути достижения жизненного успеха. Во-первых, карьера профессионала разделена - чаще всего институционально - на два этапа. Предварительный этап - "годы учения", необходимые не только для приобретения мастерства, но и для освоения дисциплинарных норм. "Экстернат" здесь неуместен, поскольку нормативная система профессионального сообщества (Р.Мертон показал это на примере сообщества ученых) амбивалентна: она содержит кроме норм, которые исполнять обязательно, нормы, которые исполнять не обязательно, а также нормы, которые обязательно не исполнять.

Такого рода нормативные системы не сводятся к артикулированным и, тем более, кодифицированным правилам, поскольку включают в себя правила нарушения правил. В определенной степени эти "отклонения" можно трактовать не как нарушения профессиональных норм, а как "рационализации" аутентичных профессиональным стандартам планов действия. Иными словами, профессионал должен руководствоваться не столько артикулированными, сколько латентными нормами, чтобы быть полноправным членом "ордена". Все это обязан усвоить подмастерье за "годы учения" посредством самостоятельного домысливания того, о чем не принято говорить на официальных заседаниях коллегий.

Особенностью профессиональной карьеры является также регламент перехода от одной ее стадии к другой. "Годы учения" не заканчиваются по воле и желанию претендента. Здесь необходим ритуал, напоминающий судебную квалификацию деяния. Такова, например, процедура соискания ученой степени и другие формы "хабилитации" научного сотрудника и университетского преподавателя. (Parsons N., Platt J. The American university. Cambridge:Harvard University Press, 1963.P.144.) Смысл этих действий состоит в демонстрации полной беспристрастности членов профессионального сообщества.

Вторая специфическая черта профессиональной карьеры - защита достигнутого статуса. Непрофессионал выполняет определенную работу и играет соответствующие роли. Лишение статуса автоматически влечет лишение роли. Профессиональный статус обычно закрепляется званиями и регалиями, относительно независимыми от эпизодов карьеры и превратностей личной судьбы. Они обеспечивают серьезную защиту от "мирского" давления и независимость профессиональной экспертизы.

Т.Парсонс ввел в социологию науки принципиально важное различие внутренней и внешней экспертизы. Популярный врач, у которого отбоя нет от клиентов, с точки зрения внутренней профессиональной экспертизы может считаться неподготовленным. Успех, достигнутый вне профессиональных канонов, считается несущественным. Поэтому этическая автономия профессионалов приобретает корпоративный характер и оснащается эшелонированной системой защиты от внешней среды. Функции защиты выполняют кажущиеся открытыми и либеральными демократические институты, регулирующие деятельность профессиональных сообществ. В науке - это система ученых степеней и за-

ний, в юстиции - ранги и звания, в чиновничестве - должности. Задача этих институтов - осуществлять внутреннюю профессиональную экспертизу.

Таким образом, класс профессионалов существует в той мере, в какой сохраняется корпоративная этика и соответствующие стандарты успеха. Профессиональный успех соотносится прежде всего с внутренней экспертизой: освоение знания и квалификации сопряжено с расширением области влияния в корпоративной среде и, как правило, влечет за собой рост жалования и статуса. Внешнее воспризнание является следствием "внутреннего". Если же успех достигается в профанной области, профессиональный успех дезавуируется. Например, исследователь, получивший высокий статус за заслуги перед политическим режимом, хорошо знает, что его реальный статус в "незримом колледже" снизился и поэтому возврат в профессиональную среду нежелателен. Вместе с тем, "служебные профессии" нередко ограничивают возможности материального потребления, ставят профессионалов перед альтернативой: профессиональное либо личное. Обладая значительной инерцией, профессионалы, как правило, обнаруживают неспособность к адаптации в условиях кризисного социального развития и разрушения социальной структуры общества.

Несомненно, профессия принадлежит к бюрократизированным социальным институтам и профессионал ценит не столько предоставляемые ей привилегии и вознаграждение, сколько свою посвященность в корпоративную "тайну". Ему много труднее сменить ремесло, найти лучшие условия оплаты труда. Отчасти это связано с завышенной самооценкой людей с высшим образованием, которые в России привыкли относиться к торгашеству несколько пренебрежительно.

Если переход из интеллектуальной профессии в "деловую" происходит успешно, вероятность достижения успеха более высока в группе людей с высшим образованием. Рыночные реформы в России поставили многих профессионалов перед дилеммой: работа или жизнь. особенно это относится к науке, образованию или культуре - традиционно неприбыльным областям. Однако, сохранение позиций в профессиональных корпорациях должно рассматриваться сегодня как более значительный жизненный успех, чем высокие доходы.

РОССИЙСКИЙ ДУХОВНЫЙ ОПЫТ И ПРОБЛЕМА УСПЕХА

Когда я несколько лет назад впервые заговорил с коллегами о проблеме успеха, завкафедрой профессор И.М.Болотников категорически заявил: "Успех - не наша проблема!". Я тогда отшутился: "Ну конечно же! Нам бы трудностей побольше, денег поменьше!". И оба были правы.

В российском духовном опыте успех понимается и оценивается качественно отлично по сравнению с отношением к нему в других культурах. Однако, такой простой констатации очевидного факта недостаточно, так же как уже недостаточно отделяться шутками и анекдотами по этому поводу.

Нарастающая интеграция России в мировое сообщество, формирующиеся новые экономические отношения, политическая культура и т.д. выводят на первый план нормативно-ценностное содержание современной российской культуры, мотивацию, оценку и самооценку личности, короче – содержание и контекст проблемы успеха.

Любая деятельность, однако, как говорили Конфуций и Платон, должна начинаться с исправления имен". В каком смысле будет говориться об успехе? И что такое духовный опыт? Тем паче российский ?

1. Успех: от признания к призванию. Свобода и ответственность

Успех, по сути дела, результат оценки мотивов, процесса и результатов деятельности. Чьей оценки? Социальной, т.е. окружения, группы, другими людьми и самой личностью тоже. Особо обращаю внимание на то, что оцениванию подвергается не только и даже не столько результат (что сделано), но и процесс, включая средства (как сделано), а главное - мотивы (зачем сделано).

Ранее (в работе "Разум, воля, успех. О философии поступка" мною были рассмотрены виды, точнее - уровни успеха, образующие своеобразную шкалу мотиваций и социальной зрелости личности.

Во-первых, это успех-признание - фундаментальный уровень социальной оценки личности, удовлетворяющий ее потребность быть чему-то сопричастной и в этой сопричастности не быть забытой, потерянной, быть замеченной, именованной, окликнутой. Этот вид успеха чрезвычайно важен для молодых людей, начинающих профессионалов. Но он же и нравственно опасен для социально незрелой личности, формируя у нее представления о собственной исключительности и "заслуженности", "справедливости" постигнутого ее успеха. Недаром испытание медными трубами выдерживает далеко не каждый. Тем не менее, без вовремя не пришедшего успеха-признания мотивация к деятельности может быть полностью утрачена. Это знают хорошие родители, менеджеры, тренеры, режиссеры, иногда даже программирующие пусть незначительные, но все же успехи своих подопечных.

Во-вторых, это успех-признание у авторитетов, у "значимых других", когда для личности становится важным не просто признание, а признание ее любимыми родителями, учителями, друзьями и т.д.

В-третьих, это успех-преодоление, отмеченная способность личности решать жизненные, профессиональные, деловые проблемы. В какие-то моменты эта мотивация может вести к своеобразному "каскадерству" (Дон Гуан, Скупой рыцарь - из таких типажей), а то и социально опасному поведению в духе постоянных самопроверок "могу или не могу".

В- четвертых, это успех-самопреодоление, самосовершенствование, когда личность стремится к наиболее совершенному и гармоничному воплощению своих стремлений. В этом случае можно уже говорить о формировании сознания мастера.

И в-пятых, это призвание, когда для человека важны не оценки его деятельности, а сама возможность ее реализации ("не могу иначе", "если не я, то кто?", "если я этого не делаю, то меня нет" - примеры такой мотивации).

Фактически перед нами шкала. Чего? От признания к призванию уменьшается зависимость личности от внешних социальных оценок, а критерии оценок своей деятельности и себя самой личность все более находит в себе, становясь нравственно автономной. На одном полюсе - полная зависимость от окружения, на другом - "концы ниточек" от личности упрятаны в ней самой. В то же время на этой шкале все более нарастает ответственность личности, в предельном случае призвания (фактически - нравственного долга, принимаемого на себя личностью) ставящая нравственно не простую проблему самозванства, когда человек начинает делать других счастливыми помимо, а то и вопреки их воле. Учитывая же соотносительность ответственности и свободы, данную шкалу успеха правомерно рассматривать и как шкалу нарастающей свободы.

2. Духовный опыт - российский и советский

Под духовным опытом в дальнейшем будет пониматься та сторона культуры, которая выражает способ осмысления действительности, общества, человека, его места в мире и в обществе, отношения к самому себе. Такое понимание духовного опыта сближает его с новомодным "менталитетом". Однако, я предпочитаю говорить именно о духовном опыте, поскольку менталитет, все-таки, характеристика именно ментальная, глубоко и принципиально внутренняя, малодоступная. Духовный же опыт выражается в мифах, эпосе, религии, художественном творчестве, философии, обыденном опыте и его дискурсе. Короче говоря, он то, что Ю.М.Лотман называл негенетически наследуемой информацией о социальном опыте человека, то, что, будучи выражением определенной культуры, собственно, и делает человека социальным существом и личностью.

О содержании российского духовного опыта написано и сказано достаточно много для того, чтобы лишь кратко напомнить основные его составляющие.

Прежде всего, это нравственный максимализм в сочетании с правовым нигилизмом. Честь, свобода, достоинство личности, право - как их гарант - на Руси никогда особой ценностью не являлись. Ценностью является личность, живущая по правде (не по лжи), готовая за эту правду пострадать, да и других не пощадить. Поэтому закон вторичен, главное - человек хороший или нет.

Более того, сам факт страдания является ценностью, знаком, свидетельствующим наличие нравственных ценностей, за которые страдают. Страдание в российском духовном опыте - факт испытания, готовящего личность к жизни иной.

Поэтому и реальная жизнь "здесь и сейчас" ценностью не является. Она лишь юдоль страдания. А ценностью является жизнь иная: в потустороннем мире, в светлом будущем, "за бугром", только "не там, где мы есть". И для того, чтобы достойно войти в иной мир надо пострадать в этом. Потому, чем более страдает личность, тем большие нравственные ценности ей приписываются в российской культуре. Достаточно напомнить российско-православный идеал святости как "самоистощания", культ униженных и оскорбленных в великой русской литературе, сюжеты политической биографии ряда современных политиков, обыденную жалость к страдальцам и обиженным, чтобы понять: на Руси человек не может страдать просто так - он всегда страдает за какую-то правду, за какую-то идею.

Речь даже не о пресловутом эсхатологизме русской духовной культуре, ее стремлении к концу света (этого мира) и установлению на Земле Царства Божия. В контексте пробле-

мы успеха важно, что российский духовный опыт не мобилизует человека к жизни в этом мире, не создает (помимо прочего) и мотивации к трудовой деятельности. Не удел человеческий думать об этом. Птицы небесные не сеют и не жнут, а корм имеют. "Птичка божия не знает ни заботы, ни труда...". В русской поэзии нет поэтики каждодневного труда (ср. например, ряд стихотворений Уитмена: "Я беру лопату..."), в русском эпосе нет ткача, ремесленника, даже кузнеца - персонажей, типичных для любого другого эпоса, редок крестьянин, зато он полон удалых богатырей - удалых как в княжеской службе, так и в княжеском застолье.

Плюс коллективизм, когда общность определяется не общими интересами, объединяющими людей, а просто наличием общности (один двор, одна деревня, очередь, нары и т.д.). И коллектив всегда прав, потому что он коллектив, а любой, начинающий говорить о своих интересах оказывается противопоставляющей себя коллективу - безнравственной! - личностью. И одновременно любой самозванец получает возможность говорить от имени коллектива (от имени всех русских, всех рабочих, "как мать говорю и как женщина"). Это создает особую невменяемость личности и истории, постоянное отсутствие ответственности и уход от нее, потому что лично кому то вменить практически ничего невозможно.

Поэтому даже в свете сказанного очевидно, что И.М.Болотников был прав. Для русского человека успех - вещь нравственно неоднозначная, если не подозрительная. В лучшем случае, успех значит успеть в смысле успения. "Вот и успел...". Не даром доски почета с ликами "успешных" людей до боли в сердце напоминают стенки в колумбарии, а реальным символом власти, непременным атрибутом ее дизайна является ель - растение кладбищенское.

Но это я уже забежал вперед. Важно подчеркнуть, что названные составляющие российского духовного опыта в советское время отнюдь не были отброшены. Наоборот, они были рафинированы, приобретя почти эйдетическую чистоту. Поэтому более точно было бы говорить не просто о российском духовном опыте, а о российско-советском. Разумеется можно и необходимо говорить об их отличиях - и они имеются. Но вместе с тем не стоит и закрывать глаза на очевидное единство и преемственность.

Каким же видам успеха отдает предпочтение этот духовный опыт? Какие акценты он расставляет на шкале видов и уровней успеха?

3. Акценты и предпочтения успеха в российском духовном опыте

Наименее значим в русской духовной культуре успех-признание. "Быть знаменитым некрасиво - не это поднимает ввысь...". Признание, известность не только нравственно подозрительна, но даже оценивается негативно, как нечто безнравственное. В этом серьезнейшее отличие русской культуры от западной и дальневосточной. В последней - еще более коллективистской, чем российская, тем не менее, чрезвычайно существенным является "сохранение лица", сохранение и рост социального статуса личности. Еще более разительны (и очевидны) отличия от роли и значения признания в западной культуре. Как отмечалось во фрагменте книги Р.Хубера "Американская идея успеха", опубликованном в первом номере "Вестника", в Америке успех означает делать деньги и с их помощью обеспечивать себе статус или становиться знаменитым. Причем, успех "неумолимо объективен и безличностен... Он обязательно должен быть признан другими людьми. Американский успех должен быть признаваемым успехом - не для Бога, который знает суть всех вещей, но для ваших соседей. Признание является сутью успеха".

Дело не только и не столько в честолюбии и индивидуализме. Главное - признание за личность ее зоны свободы и ответственности, маркировка "личностью" обстоятельств ее существования. Выше уже говорилось об обостренной потребности признания у молодых людей. Достаточно в этой связи напомнить известную "формулу счастья" У.Джеймса,

которую, кстати, очень любил Л.Н.Толстой. По Джеймсу счастье есть дробь, где в числителе успех, а в знаменателе - притязания. Толстой эту формулу прочитывал как счастье есть дробь, в числителе которой то, что говорят о тебе другие, а в знаменателе то, что ты думаешь о себе сам. Формула простовата, но в ней немалое зерно - быть счастливым очень просто: добивайся успеха или снижай уровень притязаний и будь счастлив.

Надо ли говорить в этой связи об ультрапарадоксальном состоянии души подростка. Ему, только вступающему в жизнь, во всюду без него плотный мир, только-только начинающему догадываться, что никто его в этом мире особенно не ждет - в лучшем случае родители, да и то не всегда, признание необходимо как воздух. Субъективно он видит себя всем, а объективно он еще никто. Если угодно, ноль делится на бесконечность. Это исключительно перегретое сознание ("легко ли быть молодым?"). Не даром этот возраст дает такое количество "немотивированного" суицида.

И вот такому молодому человеку говорят: "Хорошо учишься - это будет твой вклад в борьбу за мир". В реальное творчество - не лезь. В реальный бизнес - целое событие. До сих пор немыслимо на Руси в 16-18 лет стать миллиардером на честном бизнесе. Своими руками вырыли подростки "экологическую нишу" в культуре, так ее еще и обнесли красными флажками: вот это твоя молодежная музыкальная культура.

В русском и советском историческом опыте много примеров ханжеского, если не хищнического отношения к молодежи, на костях, а иногда и крови, которой предпринимались экономические и военные авантюры. "А потом пройдут пионеры - салют Мальчишу!".

В отношении к этому виду успеха на Руси можно найти объяснение и казусам политической жизни, когда предпочтение отдается неизвестному аутсайдеру только в пику известному деятелю, провалы некоторых рекламных кампаний и т.п.

Отношение к признанию у значимых других в российском духовном опыте не менее специфично. Главная проблема даже не в авторитете и его признании таковым. Главный вопрос - а кто сказал, что он авторитет (с подтекстом "а ты кто такой" вместе со своим авторитетом, "много в Бразилии Педров"). В конечном счете авторитетом оказывается субъект властной воли - тот, кто начальник, кто главнее. Именно такова нравственная атмосфера оценок общественного мнения, отношения к экспертизам специалистов. Кстати и статус последних в общественном сознании зависит от освященности их близостью к власти, но отнюдь не объективной квалификацией и компетентностью. Правда, в силу амбивалентного отношения к власти (о чем еще речь впереди), авторитетом может стать преследуемый властью, ею обиженный и от нее страдающий - но тут уже включаются упомянутые выше нормативно-ценностные механизмы. Просто специалист, даже самой высокой квалификации, мастер ценится только на уровне обыденного личного опыта (врач, слесарь, адвокат и т.п., способные решить мои сиюминутные практические проблемы). В общественном же сознании квалификация и компетентность ценятся только освященными либо властью, либо страданием.

Успех-преодоление в русском контексте ценен как подвиг, то есть при условии самоотречения "во имя..." - желателен некоего "общего дела". В этом существеннейшее отличие российско-православной нравственности, например, от протестантской, в которой идея подвига, в общем-то, бессмысленна: ценностью является праведная жизнь (буквально-методически правильно выстроенная) и никакой подвиг не гарантирует искупления и спасения. На Руси же "не согрешишь - не покаешься, не покаешься - не спасешься"-подвиг способен искупить любое прегрешение. Главное - найти великое общее дело, "подвигнуть" его и..., фактически, цель оправдывает средства. Есть идея - храм построить. Денег нет - не беда: пару купцов ограблю, пару старушек угрублю... Зато храм поставлю. Очень русский сюжет. С ним, помимо прочего, связаны и феномены маниловщины, и специфически русского душегубства, и глубоко религиозно-нравственного оправдания террора - как индивидуального, так и массового. "Иже бо аще душу свою богубит мене ради, спасет ю".

С другой стороны российское понимание успеха-преодоления порождает мотивацию своеобразного жизненного и профессионального, а то и личного, каскадерства - вплоть до опасного поведения профессионалов. Трудно ли в этой связи привести множество примеров такого каскадерства (самопроверок типа "могу или не могу", приводивших к авиационным, железнодорожным и прочим авариям и катастрофам. Один Чернобыль чего стоит!) ?

Успех-самопреодоление, стремление к самосовершенствованию в российской культуре ценится преимущественно в быту, но не в официальных или публичных отношениях. Особенно ценится мастерство, позволяющее решать конкретные жизненные бытовые проблемы - искусство врача, слесаря, юриста и т.д. Если смог помочь решить жизненную проблему (спас от смерти, от суда ...), то тебе гарантируется признание и передача тебя из рук в руки своим близким, знакомым. Дополнительную ценность придает такому успеху непризнанность официальной культурой, а то и гонения с ее стороны.

И наконец, успех-призвание. На Руси он трудно отличим от самозванства - желания делать других людей счастливыми помимо, а то и вопреки их собственной воли. В духе Бармалея из кинофильма "Айболит-66": "Я вас всех сделаю счастливыми, а кто не захочет - в бараний рог сверну, в порошок сотру и брошу акулам!". Речь ведь идет не только и не столько об историческом самозванстве, примерами которого полны и наше прошлое и наше настоящее, сколько об обыденном самозванстве, как атрибуте нравственной культуры общества.

Существует ли граница между призванной творческой личностью, святым - с одной стороны, и самозванцем - с другой? Этот вопрос относит нас к глубинам (или высотам?) метафизики нравственности. Он заслуживает специального разговора и обсуждения. Поэтому его стоит оставить на будущее. А пока имеет смысл подвести предварительный итог.

Главное его содержание состоит в том, что российская метафизика успеха произрастает из метафизики воли, а не свободы. Российская нравственная культура - и культура успеха в том числе - есть выражение идеи воли. И прежде всего - воли властной и воли к власти. Внешне это может выглядеть и трагикомически: "Ты начальник - я дурак, я начальник - ты дурак". Но дело именно в метафизике нравственности - ценно и является успехом то, что либо ведет к власти, либо с нею связано. И тут же парадокс, обусловленный амбивалентным отношением к власти. Ведь у власти на Руси, как хорошо известно особенно российскому интеллигенту, всегда "не те", кто бы ни отправился в очередное "хождение во власть". Амбивалентность отношения к власти, своеобразная амбивалентность добра и зла и порождают столь парадоксальное отношение к успеху в российской духовной культуре.

ОРИЕНТАЦИЯ НА УСПЕХ КАК МОРАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА

В словосочетании "этика успеха" первое слово может казаться малоуместным, если не сказать, неискренним: у успеха есть своя логика, своя эстетика, свой этикет, наконец. Если же говорить об этике, то не надо - об успехе. Это - понятия из разных сфер жизни, из разных опытов человека. Этика отторгает успех, успех отторгает этику.

Что такое успех в строгом смысле слова? - Достигнутость результатов, близких к тем, что были замыслены в качестве цели. А также достигнутость результатов, общественно признаваемых как ценные и достойные результаты. Успех больше, если результаты были достигнуты с наименьшими усилиями и затратами. То есть успех характеризует не только результативность деятельности и ее общественный резонанс, но и эффективность деятельности. Однако таков строгий смысл этого слова.

В обычном словоупотреблении операциональная сторона успеха решительно, хотя и не демонстративно, отодвигается на задний, а точнее, "заднейший" план: под успехом понимается именно полученный (не обязательно в результате собственных усилий) результат. Успех порой ценится выше, если получен из ничего; успех ценится больше всего как удача, причем такая удача, которая получает общественное признание как успех в строгом смысле слова. При такой установке на понимание успеха этика воспринимается как ограничение, как всего лишь морализирование. И потому желательно успех отделить от каких бы то ни было притязаний этики.

В строгом этическом (философско-моральном) плане возможно два подхода к феномену успеха. С точки зрения этики И.Канта, шире - кантианской этики, успех в самом деле представляет собой материю неморальную; предметом морали является сфера мотивов, сфера обоснования действий; моральная чистота обнаруживается в свободе от какого-то практического содержания, т.е. в свободе от мыслимого результата. Человек может быть морально последовательным, с этой точки зрения, если он действует только руководствуясь голосом совести, не приспособляясь к обстоятельствам, не думая о своем интересе. Успех же, как понятие практического сознания, непосредственно отражает именно то, как реализуются интересы человека в его борьбе с обстоятельствами или в приспособлении к ним.

Другая точка зрения представлена традицией, идущей от Дж.С.Милля. Согласно ей, моральность деяний заключена именно в том, к каким результатам они приводят: результаты не должны наносить ущерб другим людям, призваны содействовать благу самого деятеля, а также других людей и, в конечном счете, содействовать благу всего человечества. Казалось бы, утилитарианская этика Милля вводит понятие успеха в этику. Это так, но вводит на условиях иных, чем те, которые предполагаются обычным, жаждущим успеха сознанием. "Не наносить ущерба другим людям", "содействовать их благу" и "благу человечества" воспринимаются успехо-ориентированным сознанием как безусловное ограничение и, хотя и опять-таки недемонстративно, отвергаются.

Именно поэтому и возникает необходимость говорить об этике успеха, пусть и в стороне от высокой моральной философии. Возможное отвержение успехо-ориентированным сознанием любой этики уже само по себе демонстрирует определенную этическую позицию и в качестве таковой заслуживает специального внимания.

"Успех", как ясно из сказанного, это категория, которая выражает особого рода реальность. Успех - это одна из положительных характеристик практической деятельности человека. В широком значении это определение может прилагаться к любым усилиям человека, в том числе, например, интеллектуальным, а также нравственным или аскетическим. Но в случае с последним резко ограничивается существенный для успеха момент общественного признания; нравственное совершенство или аскетический подвиг по са-

тому своему содержанию не укладываются в схему успеха. Во всяком случае не на успех эти опыты, также, как и интеллектуальные, ориентируются. Между тем, любая практическая, материально-практическая деятельность ориентируется именно на успех. Если говорить о типе ценностного сознания, который активизируется такого рода деятельностью, то это прагматическое, или утилитаристское сознание [1].

Очевидно, что сама по себе ценность успеха нравственно нейтральна. Моральная проблема возникает тогда, когда инструментальной, практической ценности успеха придается исключительно положительное моральное значение. Как показывает социально-нравственный опыт, предприимчивость и стремление к успеху, когда успех воспринимается как определяющая ценность, могут оборачиваться тем, что успех начинает искажаться любой ценой и сам по себе. Так что максима практического сознания "Стремись к успеху" перетолковывается следующим образом: "Все, что ведет к успеху, является благом" или "Успех оправдывает любые усилия". И это прямо служит оправданию попыток достижения успеха недостойными, несправедливыми, нечестными средствами - за счет партнера, потребителя, ценою сверхэксплуатации социальных и природных ресурсов, наконец, ценою девальвации высших ценностей и смыслов. Можно сказать, что названные формулы представляют собой крайнее выражение прагматизма. Однако же они задают определенные стереотипы мышления и действия, при которых человек как агент деятельности, его намерения, планы, цели оказываются доминирующими в иерархии ценностей; человек как личность и индивидуальность отступает на второй план, а то и вовсе пропадает.

Следует еще раз оговорить, что данное рассуждение отнюдь не направлено к отказу от ценности успеха. Необходимо лишь осознавать действительное место этой ценности. Трудность этого связана вообще с тем, что понятие "успех" как практическая ценность гораздо ближе каждодневному, действительному и жизненному опыту человека. Это понятие сплошь и рядом оказывается тем уникальным "маркером", с помощью которого легко обозначить реальные результаты жизненных и профессиональных усилий человека. Тем более, что успех вырывается за пределы собственно практических усилий и имеет то важное смысложизненное значение, которое непосредственно коррелирует с ценностью свободы и чувством свободы. Опять-таки как свидетельствует социально-нравственный опыт, мера социальной независимости и свободы человека пропорциональна уровню успеха, поскольку успех (как общественная признанность значимости полученных результатов) выступает своего рода апробацией усилий, тактики и техники действий (решений). Успех - это не просто личное достижение, это и подтверждение того, что человек сумел овладеть ситуацией и заставил ее служить своим интересам. Успешная деятельность в большей или меньшей степени изменяет обстоятельства, микросреду, модифицирует действующие правила и нормы. Достижение успеха как бы означает то, что человек освободил себя от ограничивающих норм, от стереотипов, диктуемых обстоятельствами и ввел свои установления в том социальном пространстве, которое завоевано им благодаря собственному успеху. Успешная деятельность ведет к определенному изменению социальности, следовательно, к сужению границ действительности старых правил и норм, к созданию условий для их обновления. Человек, решившийся взять на себя ответственность за действия, модифицирующие социальность, оказывается и суверенным в обустройстве измененной социальности. Хотя в первую очередь он оказывается суверенным как самоопределяющаяся и неподвластная личность. Это как будто еще раз подтвердил многоликий и разноречивый отечественный опыт нового частного предпринимательства: переживший пьянящее чувство неподотчетности "государственному дяде" как правило уже не способен на добровольно-барщинную работу.

Но именно этот опыт чреват разнообразными нравственными коллизиями. Во-первых, овладение ситуативными нормами и предписаниями, возможность диктовать собственные принципы в рамках своего успеха, т.е. в рамках сферы своего влияния и доминирования, может восприниматься как возможность диктовать собственные принципы дру-

гим, - возможность "свободного" отношения и к нравственным ценностям, иными словами, как возможность морального скептицизма, цинизма, нигилизма.

Во-вторых, сама независимость при этом может рассматриваться не как самодовлеющая, но как инструментальная ценность, как предпосылка дальнейшей успешной деятельности. А это значит, что в условиях, когда достижение успеха потребует не независимости, а конформизма, будет выбран конформизм, то есть сознательно принимаемая индивидом зависимость от мнения других людей, группы, с отказом, не обязательно искренним, от собственных принципов в угоду тем, от кого зависит личное благополучие. Прагматик, с одной стороны, целенаправленно формирует и расширяет сферы своего влияния, но с другой - одновременно вынужден приравниваться к условиям. Если взять предпринимательство как деятельность, наиболее ярко воплотившую в себе нормы и ценности прагматизма, то эти тенденции описываемого типа ценностного мышления станут совершенно очевидными.

В-третьих, и это наиболее показательно, в прагматистском моральном сознании собственно нравственные ценности - самостоятельность и суверенность личности, гармоничность межлических отношений, смысложизненность практической активности - могут приноситься прагматиком в жертву своим практическим целям, рассматриваться им лишь как средства. Сама по себе культура практической деятельности предполагает развитую "потребность в вооруженности",- потребность, выражающуюся в том, что человек заботится о средствах (знаниях, умениях, инструментах) загодя, впрок. Вооруженность в этом смысле отличает профессионала от дилетанта; без достаточной вооруженности деятельность не может быть продуктивной. Однако прагматик не просто "вооружается"; фактически вся его деятельность, вся его жизнь инструментализируется, технологизируется; он мыслит лишь в категориях средств. Более того, и успех, который мыслится поначалу как цель деятельности, оказывается ценным не сам по себе, а как средство для прагматического самоутверждения, как показатель солидности и благополучия того, кому он принадлежит, успех оказывается ценным как ступенька, то есть средство для иного, нового успеха.

В-четвертых, определение степени успешности некоторой деятельности предполагает ее оценку с точки зрения мотивов и целей, ее сопоставление с результатами аналогичных усилий, предпринятых в другое время или другими людьми. Отсюда порой делается вывод, что успех - это вообще то, что принадлежит другим, а как наше собственное достояние - это мираж. (Так же, как счастьем иногда называют то, на что человек надеется или то, что он уже пережил, но что невозможно как актуальное состояние). Если это и так, то только в том смысле, что человек редко бывает удовлетворен своими результатами, он стремится к лучшему и надеется на лучшее, всегда имея перед глазами тот или иной образ совершенства. Но в предположении о том, что успех всегда принадлежит другим, отражаются особенности фиксации успеха в ценностном сознании: успех всегда должен быть признан, должен быть выражен и воспринят в определенных, хотя и разных - у разных общественных групп, в разных обществах,- символах. Это может быть плодотворное приложение своих талантов и умений, статус в профессиональной среде, обладание какими-то вещами, принадлежность к элитной группе и т.п. Для разных людей доминирующими могут выступать то одни, то другие символы. Но при этом само по себе доминирование символа говорит о том, что символы утрачивают непосредственную связь с отображаемым явлением, приобретают самостоятельное значение - так что преуспевание нередко связывается именно с обладанием символами, а не с результатами напряженной деятельности. Соответственно, символы успеха становятся более ценными, чем сам успех. "Деньги не пахнут", - эта древняя сентенция оказалась потрясающе жизнеспособной; однако она, как маяк, предупреждает и об опасностях такой жизненной позиции, когда деньги действительно воспринимаются как не имеющие запаха, а приобретение считается предпочтительнее, а то и важнее дарения, когда страсть к обогащению и преуспеванию настолько доминирует, что заставляет отвлечься от всех посторонних мотивов и ориентиро-

ваться на деньги как концентрированное выражение могущества. Но тем самым неизбежно задаются границы добродетели, ей предписываются условия и отношения зависимости. Если в этих границах, обусловленных своекорыстием, и остается место для добродетели и долга, то в таком виде, который исключает полноту жизненных проявлений человека. Можно сказать, что прагматизм как деловитость не может быть последовательным в своекорыстии. И не только потому, что подлинной деловитости противоречит ограниченность и частичность устремленного в погоню за прибылью сознания. Прагматик всегда готов отказать себе в чем-то во имя завтрашнего блага и не станет на завтра откладывать решение проблем, которые стоят перед ним сегодня. Однако и ориентация на перспективу, и социальное новаторство, и гибкость мышления подчинены у прагматика одному - преуспеянию, иначе он перестает быть прагматиком, то есть человеком, "делающим дело".

Выяснение социального смысла прагматизма, а в более широком плане - социального пространства, в котором не просто утверждает себя чистый успех, но которое немислимо без принципа успеха, а именно, пространства реализации, переплетения и столкновения частных интересов, позволяет иначе взглянуть на соотношение этики и успеха. Даже фрагментарное рассуждение на тему "этика успеха", аналогичное нашему, показывает что этика успеха так или иначе начинается с нравственной критики сознания и нравов, исключительно на успех сориентированных. Это не значит, что успех не может быть этичным. Это значит, что он может быть достойным и приличным лишь в определенных императивно-ценностных рамках, лишь в соответствии определенным этическим стандартом. Как показал М.Вебер, протестантская этика явилась в истории европейской цивилизации тем духовным фактором, который во многом положил предел, именно нравственный предел безудержности своекорыстия и меркантилизма. Конечно, компромисс между добродетелью и успехом невозможен; во всяком случае невозможен в плане разрешения реальных жизненных противоречий. Но строгий анализ требует уточнить постановку этого вопроса: какой морали и в каких отношениях противоречит принцип успеха? Безусловно, он противоречит этике наслаждения: если утилитаризм требует социальной активности от человека, то гедонизм осуществляется; как правило; в рамках межличностного, индивидуального общения, проявляясь в тех или иных фигурах ухода, эскапизма. Утилитаризм предполагает достаточно высокий уровень толерантности, конформности. Гедонизм, наоборот, нередко становится единственно возможным способом протеста против конформизма и корпоративности, царствующих в социальных институтах, формой отстаивания личностного начала в общественном бытии человека. С позиций принципа наслаждения, принцип пользы мог бы быть скорректирован следующим образом: "Успешно осуществляя свой интерес, во всей полноте, насколько это возможно, удовлетворяя свои потребности и оставаясь верным себе". Принцип успеха, безусловно, противоречит высокой морали универсальных принципов совершенства и милосердной любви. С позиции перфекционистской этики, прагматизм в своих исключительных воплощениях становится фактором меркантилизации и дегуманизации человеческих отношений, а потому принцип успеха может быть скорректирован так: "Успешно осуществляя свой интерес, стремись к гармонизации человеческих и общественных отношений и не относись к другим людям только как к средству". С позиции же этики любви, принцип успеха как моральный принцип преобразуется в принцип солидарности и взаимопомощи: "Успешно осуществляя свой интерес, содействуй благу других".

На этой критической основе и с учетом действительного практического опыта возможно построение позитивной этики успеха. Но это - уже задача другой работы.

1 См. об этом подробнее: Апресян Р.Г. Ценностные контрверсии предпринимательства // Общественные науки и современность. 1993, N 2. С.19-26; Его же. Этика пользы // Будь лицом: Ценности гражданского общества. Т.1. Томск, 1994. С. 174-192.

О РУССКОЙ МОДЕЛИ БЛАГА И ЕГО БУДУЩЕМ

Начало расследования. Словари.

Нет, в самом деле, подозрительная это вещь - успех! Загляните, например, в "Толковый словарь живого великорусского языка" Владимира Даля. Найдете вы там "успех"? Нет, не найдете. Где ты, успех, а-у - нету! "Успение" есть. "Успитки" есть. А "успеха" - нет! Между прочим, в конце XIX века издан словарь. Не имелось, стало быть, в живом великорусском языке "успеха"; еще сто лет назад не имелось.

Впрочем, у Сергея Ивановича Ожегова "успех" уже в наличии. И то сказать - первый однокоренный словарь, вышедший после 1917. Точнее - в 1949 году. Что там?

УСПЕХ, 1. Удача в достижении чего-н. *Полный у. Добиться успеха.* Развивать у. (достигнув успеха идти дальше). С тем же успехом (перен. с тем же результатом). 2. Общественное признание. *Шумный у. спектакля. Книга имеет шумный у.* 3. мн. Хорошие результаты в работе, учебе. *Дочка делает успехи по математике. Производственные успехи. Как ваши успехи?* (как дела?; разг.) **С успехом** - легко, успешно, без затруднений. *Газ с успехом заменяет многие виды топлива.*

Итак, в конце XIX века "успех" еще не осознается как слово живого языка, а в середине XX с "успехом" уже все в порядке. Есть и прямые значения, и переносные, и разговорные варианты наличествуют. Так, может быть, это - проникшее к нам иностранное слово?

Заглядываем в "Словарь иностранных слов", впервые увидевший свет ненамного позже словаря С.И.Ожегова. Опять не подходит! После "урсулинок" идут сразу "устрицы". И, естественно, никакого "успеха". Стало быть, слово нашенское, а никак не иностранное. Правда, если мы откроем, например, "Англо-русский словарь" проф. Мюллера на слове "success", то обнаружим примерно те же значения, что и у С.И.Ожегова: to be crowned with... - увенчаться успехом, далее - опять же произведения, пользующиеся признанием, удача в достижении и т.д.

Иными словами, мы обнаруживаем два смысловых ряда в слове "успех" Первый - *достижение какой-либо цели*. По формуле замечательного советского мультика: "мы строили-строили и, наконец, построили... Ура!" Второй смысловый ряд - *общественное признание*. Которое опять-таки относится к плодам человеческих усилий, к тем целям, к которым вопреки всем препятствиям стремился человек: успех пьесы, книги, строительства и т.д. Вот мы его построили, а оно после этого пользуется успехом.

Об этом свидетельствует и "Словарь синонимов русского языка". Каковы синонимы "успеха"? 1. *Достижение, завоевание, победа, триумф, торжество; свершение* (книжн) 2. *Лавры* (книжн) - о шумном успехе; *фурор* (книжн) 3. *Удача*.

Итак, успех, с одной стороны, есть достижение цели, завоевание какой-либо позиции, свершение чего-либо; с другой же стороны это есть общественное признание свершенного, плодов вашего стремления к поставленной цели. Вообще говоря, все достаточно тривиально. Одно вот только непонятно, почему у Даля нет его - этого "успеха"?

Но давайте поставим следующий вопрос: возможно ли помыслить себе успех, если мы вынимаем из нашего мышления такое понятие, как "цель"? Давайте на одну минуту представим себе, что нет в нашем словаре такого понятия. Вот не существует "цели"! Возможно ли тогда существование "успеха"?

- Ну, как же, - могут мне сказать, без цели? Мыслимо ли вообще без нее?

- Еще как мыслимо! Надо только знать, откуда зайти.

Экзистенциальные уровни бытия

Попробуем зайти от экзистенциальных типов характера. Что это такое? Здесь опять-таки все достаточно просто. Даже на обыденном уровне мы запросто отличаем человека "нормального" от человека "не от мира сего". Это интуитивное различие двух экзистенциально различных типов человека. Они не просто различны. Нет, они живут в совершенно несоизмеримых системах координат. И это еще очень большой вопрос: каждому ли экзистенциальному человеческому типу присуща такая координата, как "успех"? Впрочем, разберем этот вопрос чуть более подробно.

Культуролог с мировым именем Ж.Дюмезиль, исследовав практически все языческие пантеоны индоевропейцев, пришел к весьма любопытному наблюдению. Везде, будь то древнегреческие, древнегерманские, индийские, древнеиранские и т.д. боги, можно выделить как бы три уровня божественных функций.

(1) Центральная и наиболее яркая - функция власти. Это боги-воители, властители, цари. (2) Не столь яркая, но в известном смысле высшая функция - сакральная-всеобщая. Это боги-выразители высших и всеобщих установлений, предельной и окончательной истины. И, наконец, (3) боги-покровители или выразители "низшего". Здесь правда, не все так однозначно, ибо в одних системах "низшее" - это просто быт, обыденная деятельность по поддержанию жизни. Тогда как в более развитых сакральных системах "низшее" несет в себе уже ярко выраженный оттенок морального зла.

Аналогичное троичное разделение уровней существования мы можем наблюдать на примере китайского понятия "добродетели" - *ли*.

Ли — принципы, идеал, порядок, справедливость, истина, закон всеобщей упорядоченности, закон внутреннего соответствия, всеупорядочивающий закон, внутренний природный закон, внутренний закон вещей, принцип высшего мирового закона, суть (вещей), рассудок, принципы мира,...

ли — ритуал, обряды, этикет, церемониал, правила, нормы поведения, нормы морали, этические нормы, благопристойность, установления;

ли — выгода, польза, прибыль

Здесь мы точно так же наблюдаем три функции добродетели: (1) *идентификация высшего сакрального порядка*; (2) *идентификация властной простроенности и упорядоченности этого мира*; (3) *идентификация обыденной деятельности по поддержанию жизни*.

Массу аналогичных культурологических материалов можно отыскать, например, в африканистике, в частности - троичные цветовые классификации - однако, это уведет нас слишком далеко от нашего собственного предмета. Ясно одно: существует как минимум три фундаментальных экзистенциальных уровня, каждый из которых выстраивается по своим собственным законам. Каждый из которых оснащен своим собственным арсеналом мотиваций. И далеко не в любом арсенале мотиваций мы обнаружим понятие "успеха". Именно эти три уровня существования и определяют три фундаментальных человеческих типа (не путать с психологическими классификациями характеров, каковых на самом деле великое множество).

Человек быта

Что такое нижний тип? В древнеиндийской классификации это-"домохозяин", человек который кормит себя, свою семью, да еще и представителей всех остальных человеческих типов в придачу. Один мой армянский приятель как-то спросил меня:

- Ты знаешь, почему армян не селят в московских гостиницах?"

- Нет, - честно ответил я.

- Потому что уже на третий день проживания они начинают застеклять лоджии, наклеивать новые обои и вообще перестраивать жилище по своему вкусу и усмотрению.

Это, конечно же, шутка. Но это, кроме всего прочего, и замечательный пример, характеризующий данный тип "в чистом виде".

Домохозяин - это человек "эстетического гомеостаза". Человек, все внутренние потенции которого направлены на то, чтобы установить наиболее приемлемое и приятное для него равновесие своего *быта* и окружающей среды.

Можно совершенно органично и естественно представить себе какого-нибудь латыша или эстонца, все свободное время "облизывающего" свой особняк, подделывающего здесь, подмазывающего там, заменяющего простое стекло кухонной двери на витраж, подбирающего мебель под цвет обоев, а обои под цвет мебели и т.д. Но можно ли сказать, что этот человек "поставил цель" сделать себе роскошный дом, "достиг в этом успеха", и теперь его дом "пользуется общим признанием"? Бред какой-то. Никак не лезет "успех" и сопутствующие ему понятия в данную картинку.

Потому что здесь и "цели"-то как таковой нет. А есть просто внутренняя потребность в простраивании своего быта, жизни, судьбы с каких-то иных позиций. С позиций, внутренне выражающихся в простых вещах, типа "а вот эта рифленочка здесь будет очень на месте", "у мальчика хорошие рисунки, надо будет подыскать ему подходящего учителя", "для гостиной лучше подойдет бронзовый светильник", и т.д.

Дом, благополучие семьи - вот смысловые доминанты *домохозяина*. Все остальное - лишь средства. Человек может быть занят бизнесом, работать государственным чиновником, грабить поезда, быть университетским профессором, но все это не имеет для него смысла в самом себе. Это не есть самоценная "цель" для *домохозяина*. Нет, все это лишь средство для поддержания на должном уровне *дома и рода*.

И, конечно же, жизнь *домохозяина* достаточно редко мыслится в терминах "постановки цели", "достижения цели", "публичного признания" достигнутого. То есть, в категориях *успеха*. (А если и мыслится, то неорганично, подгоняя общеупотребительные термины для обозначения совсем иных вещей). *Дом и род самоценны для домохозяина, и эта самоценность имманентна, т.е. невыразима в каких-то иных, посторонних понятиях. Его жизнь есть пестование дома и рода, все остальное - суть лишь средства, которые могут варьироваться.*

Другое дело, что Новое Время - это время фундаментальных сдвигов в троичной структуре уровней человеческого бытия. Ибо именно тогда структуры власти начинают выстраиваться в теле материального благосостояния (для Древности такое немислимо). Именно тогда возникает парадоксальное смешение человека *быта* и человека *власти*. Экзистенциальные ниши *властителя* и *домохозяина* неожиданным образом смешиваются, порождая невообразимую смысловую и самое главное - мотивационную путаницу. Для того, чтобы избежать этого смешения, рассмотрим центральный из трех экзистенциальных уровней, уровень власти в чистом виде.

Человек власти

Человек власти есть человек *доминирующий*. Доминирующий, неважно в чем. Быть мощнее, лучше, значительнее, чем ближний твой, превосходить его - вот смысловая доминанта человека *власти*. Власть - и есть доминирование. Как справедливо поет по этому поводу Борис Гребенщиков, "я мэн крутой, я круче всех мужчин", - именно таково самоощущение *человека властвующего*.

Собственно, сам переход из недр *родового быта* в ведущую к современности *социальность* связан с возникновением феномена *власти*. Именно "вождество" (chiefdom - у английских и американских антропологов), объединяющее в единой социальной структуре аборигена и пришельца, побежденного и победителя, становится точкой отсчета современной социальности.

Быть *человеком* равнозначно в этой структуре быть *победителем*. Анализируя структуру клана, Макс Вебер отмечал, что лишь человек, способный быть воином, мог являться членом клана. Но клан - это схема любой доиндустриальной социальности. Ска-

жем, в античной Греции человек мог быть горожанином, т.е. гражданином лишь постольку, поскольку он был членом *фратрии* - древнегреческого клана. И это - правило. Именно здесь культурная доминанта "быть круче всех" легитимируется, обретает свою поэзию, философию, свой этос.

Впрочем, здесь мы тоже пока что не находим и намека на "цель". Равно как и на "успех". Философия *доминирования*, присущая человеку власти, пожалуй наиболее доступно и ярко описана у Джека Лондона в "Морском волке". Жизнь - это квашня, в которой без порядка, цели и смысла кружатся куски закваски - люди. И надо быть самым большим куском закваски, чтобы поглощать других и не дать поглотить себя. О какой "цели", о каком "успехе" здесь можно говорить?! Понятно, что *этос* власти создает вокруг феномена *доминирования* свою мораль, эстетику, поэзию, культуру, вершины которой освещены немеркнущим блеском человеческой гениальности. Но ни одна из этих вершин не содержит понятия "успех". Не содержит до определенного момента.

Что же это за момент? А это момент, когда доминирование одной человеческой *воли* над другой перестает реализовываться непосредственно при помощи меча, копья, алебарды, стрелы, боевого топора и других столь же убедительных инструментов *власти*. Когда власть начинает выстраивать себя там, где раньше человек *власти* не мог себя и помыслить. В производстве богатства, благосостояния.

Человек вкладывает свою волю в вещь, и вещь становится орудием его доминирования, его власти. Вот тут-то и появляются основы той поведенческой модели, одним из измерений которой является "успех".

В самом деле, если мы рассмотрим экзистенциальный уровень *власти* в любой доиндустриальной социальности, то понятие "благо" всегда описывает здесь нечто, изначально присущее самому человеку, его телу по праву *рождения*. Благо есть врожденное качество человека *благо* - родного. (Разумеется, на сакральном экзистенциальном уровне дела обстоят иначе, там благо - есть принадлежность высшей силы, Бога и т.д. Но на уровне власти *благо* есть врожденная принадлежность *благородного* тела).

И вот ситуация коренным образом меняется. Доминирование-власть начинает реализовываться уже не через непосредственное противопоставление мощи одного человеческого тела другому, а совсем иным образом, - через мир вещей, товаров. Английский язык, например, чрезвычайно отчетливо передает эту трансформацию: *благое* (good) превращается в *блага-товары* (goods).

Теперь человек власти уже не несет *благо* в самом себе, в непосредственной мощи своего тела, рода, клана. *Благо* оказывается теперь *вне его*, во внешнем мире вещей. Человек власти (называемый в этом новом мире "деловой человек") еще должен "достичь" блага, достать его, дотянуться, добыть, очертить во внешнем мире вещей-благ свой собственный сегмент, добиться со стороны всех остальных *деловых людей* признания своего суверенитета над этим сегментом мира *благ*. И постараться *успеть* сделать это до того, как кто-то иной *успеет* сделать это.

Именно так лет эдак триста назад (а где и поболее) постепенно рождается поведенческая модель "успеха". Архетип власти остается здесь тот же самый, древний как сама человеческая цивилизация: всемерное расширение доминирования своего собственного тела. Но если в доиндустриальном мире речь шла действительно о телесности (тело-род-клан), то в Новое Время расширяется уже *материальное* тело. Доминирование-власть осуществляется в построении маленьких, даже миниатюрных или больших финансовых империй. И "успех" - не более, чем мера продвижения на этом пути. Куда? Туда же, куда двигались все известные человечеству империи на всем протяжении его существования - в бесконечность. До тех пор, пока ближние тем или иным способом не перекроют этот процесс или, хотя бы не ограничат его своей собственной властью.

И именно здесь рождается господствующая сегодня культурная "мерка" для измерения степени обладания *благом* во всех остальных сферах человеческого бытия. Оно и понятно: *властитель* на то и *властитель*, чтобы навязывать свои собственные понятия

о жизни все остальным. И начинают говорить об "успехе" художника, об "успехе" музыканта, "успехе" ученого и т.д. Хотя все это, конечно же представители *сакрального* уровня человеческого бытия (разумеется, если это человеком еще осознается и не произошла безоговорочная коммерциализация деятельности). Здесь работают уже свои собственные понятия, ибо, как известно, не продается вдохновение. Хотя, понятное дело, рукопись можно и продать.

Сакральный человек

Ну, а что же *сакральный* человек? Чем он отличается от человека *власти*, от *домохозяина*? Основное его отличие я бы сформулировал следующим образом. Если человек *власти*, принявший в Новое Время облик *делового человека*, занят тем, что бьется за свою долю в общественном пироге, проявляя в этой борьбе чудеса энергии, ловкости, дисциплины, изобретательности и т.д., то не таков *сакральный человек*. Он не бьется за свою долю. И не потому, что глуп, ленив или бездарен. Нет, просто *ему мало не только доли, ему мало и всего пирога*. Не говоря о том уж, что он не способен размениваться на такие *мелочи*, как дом, семья и т.д. Большого, неизмеримо большего желает сакральный человек.

Подумаешь, кран течет. Для *домохозяина* это было бы поводом к немедленным действиям по устранению течи. Для *сакрального* человека это ничтожная мелочь "по сравнению с мировой революцией". Но не следует обвинять его в "лени". Увлечшись идеей, он способен работать 24 часа в сутки, вот только где она, идея?

Идеальным типом *сакрального* человека Оможет служить, пожалуй сын царя Давида - Екклесиаст:

Я предпринял большие дела, построил себе дома, насадил себе виноградники...приобрел себе слуг и служанок, и домочадцы были у меня...собрал себе золота и серебра, и драгоценностей от царей и областей, завел себе певцов и певиц...Чего бы глаза мои ни пожелали, я не отказывал им...И оглянулся я на все дела мои, которые сделали руки мои, и на труд, которым трудился я, делая их, и вот, все суета и томление духа, и нет от них пользы под солнцем...

Для человека верующего, если он принадлежит к *сакральному* человеческому типу, *благо* есть Бог ("потому что в этом все для человека" Еккл.). Для ученого, если он принадлежит к этому же типу, *благо* - высшая и абсолютная истина, для художника - внеземная красота, и т.д. Но можно ли использовать понятие "успех", говоря о приближении человеку к Богу, абсолютной истине, внеземной красоте? Ведь все это, *по определению* недостижимо!

Клавиры музыканта могут пользоваться бешеным спросом ("успех"?), а сам он при этом может быть глубоко несчастен, ибо удивительная гармония, приходящая к нему иногда во сне, так и остается неуловимой, невыразимой в имеющихся у него звуках. Можно ли говорить об "успехе" Эйнштейна, отчетливо осознавшего, что открытое им - не более чем маленький кусочек истины, видимый в узкую щель; все же последние годы, потраченные на создание единой теории поля, на расширение этой щели, ушли впустую. Так достиг ли Эйнштейн "успеха"?

Увы, тот словарь, где обитает "успех", не применим для описания жизни *сакрального человека*. Осознавая недостижимость желаемой цели, сакральный человек и не мыслит себе ее достичь, *преуспеть*. Для него существует совсем иной словарь, где место "успеха" занимает понятие "служения". Служения тому божееству, которому сакральный человек себя *предал* душой и телом.

Культурная доминанта православия

Это для нас особенно важно понять. Дело в том, что те мыслительные структуры, смысловые возможности, культура духа, которые были сформированы у русского человека православием, содержат в себе смысловую доминанту именно *сакрального* типа. С

известными натяжками можно сказать, что русский пост-православный человек и сегодня по преимуществу является человеком *сакрального типа*.

Вне всякого сомнения, мы можем наблюдать массу отклонений и исключений. Ибо любой народ имеет *все* в человеческих характерах. Однако, если отслеживать доминирующую тенденцию национальной ментальности, то это *сакральная культурная доминанта*⁰. Если этническое формирование европейцев было как правило замкнуто на идею *территории*, то российский этнос формировался на *нетерриториальной основе*.

Кто такой русский? - *Крещеный!* ОНемец, татарин, еврей, приняв православное крещение, считались *русскими*. Даже в XIX веке эта этно-культурная процедура была в силе. Иначе говоря, если национальная идентификация в европейском смысле существовала как *альтернатива* сакральной христианской идентификации, то в России все происходило с точностью до наоборот. Русская национальная идентификация существовала как *синоним* сакральной христианской идентичности.

Более того, само восточное христианство, развиваясь в совершенно иных условиях, по сравнению с западным, оказалось в значительно большей степени ориентированным именно на сакральную доминанту человеческого бытия.

Давайте вспомним, что собой представляла западная Церковь распадающейся Римской империи. Великое переселение народов. Готы, вандалы, лангобарды, франки... Римская администрация практически перестает функционировать. Какое-то подобие Власти можно наблюдать лишь в двух источниках: городские магистратуры и властные структуры варварских племен, королевств. Все это чрезвычайно неустойчиво, изменчиво, ненадежно.

В этой ситуации единственно устойчивыми, органичными структурами оказываются структуры церковной администрации. И западные диоцезы христианской Церкви весьма быстро приобретают очертания епископальной церкви. Влияние пресвитеров, т.е. духовных лидеров христианских общин, достаточно быстро идет на убыль, тогда как епископы – административные лидеры - становятся ведущей силой в церковной иерархии.

Иначе говоря, западное христианство самой принудительной силой обстоятельств вынуждено принять на себя функции *мирской власти*. Конечно же, в той мере, в какой будут вырывать и укрепляться властные структуры варварских королевств, поделивших между собой бывшие территории Западной Империи, церковь вынуждена будет уступать властные полномочия. *Но сам экзистенциальный проект западного христианства будет к тому времени уже "заражен" обращенностью к миру, к посястороннему бытию, к реальности.*

Социальный проект католической церкви - проект теократический, где церковь - не только носительница христианского духа, но и мирской лидер и организатор, *власть*. Святость, святое всегда разбавлялись западной Церковью множеством насущных забот: овладением и расширением мирской власти Церкви, политическими интригами, заботой об обогащении. Возвышаясь над светской властью, западная Церковь несла на своих плечах и множество светских забот, притягивающих ее вниз, к земле, все дальше от недостижимого и возвышенного предела святости.

Иное положение занимала восточная Церковь, избавляемая от мирских забот сначала сильной властью византийских императоров, а затем и московских государей. Восточное Христианство всю свою историю существовало "за спиной" у Власти. Ему не было никакой необходимости обращать свой духовный взор к делам этого мира, ведь для этого существовал светский властитель, помазанник божий. Именно он управлял реальной жизнью от имени Бога. В компетенции же Церкви оказывались дела духа, но не мира.

Да и начальные условия формирования их были совсем не равны. Ну можно ли сравнить западные диоцезы единой еще Церкви, основанные весьма практичными, но не слишком грамотными латинянами, и восточную церковь, с ее александрийской - еще греческой - ученостью. Неудивительно, что вплоть до пятого века вся богословская и религиозно-практическая инициатива шла с Востока на Запад.

Именно поэтому в православии дух христианской святости был унаследован в значительно более рафинированном, законченном и очищенном виде. Сравните католическую скульптуру, заполняющую храмы Европы, и православную икону. Вот зримое воплощение телесности, материальности, "посюсторонности" католического христианства по сравнению с бесплотностью, предельной идеальностью, "неотмирностью" православия. Христианская идея - одна и та же для обеих Церквей, нашла на востоке значительно более концентрированное и законченное выражение, ибо не была отягощена заботами этого мира.

Отношение к успеху в бизнесе

Иначе говоря, господствующий архетип *блага*, исторически сформированный в теле православного этоса, связан с *выходом* за пределы обыденного, *посюстороннего*. Или, применяя старую добрую терминологию философской классики, благо для данного типа восприятия *трансцендентно*, т.е. начинается там, где заканчиваются дела и заботы этого мира. Хорошая, *благая* жизнь - это всегда "прыжок" за пределы обыденного, привычного, разумного, полезного. Это всегда что-то невиданное, почти чудесное.

Дабы как-то оживить этот тезис, давайте взглянем на отношение сегодняшнего "среднего русского" к успеху в бизнесе, коммерции, предпринимательстве вообще. Пожалуй, это что-то среднее между завистью и негодованием (в меньшей степени это выражено у молодежи, уже сориентировавшейся в "американской" модели успеха; но погода делается, думаю, не здесь). Это может сердить и обижать наших деловых людей, это может вызывать презрение с их стороны, но это так. И едва ли мы сможем по этому поводу иметь другой народ. Он один и, какой уж есть.

Более того, надежды на то, что "брошенный в воду" рынка, этот народ когда-нибудь переменится и станет уважать и восхищаться умением культурно делать деньги, на взгляд автора мало основательны. В самом деле, это восхищение ведь есть и сейчас! Но чем сегодня восхищаются? Тем, как "круто" тот или иной предприниматель ведет дело, так что "американцам всяким до него, как до Луны". Восхищение теми, у которых "все схвачено и они все могут". Восхищение теми, кто сумел "миллиардное дело из ничего создать". Восхищение небывалой ловкостью обитателей Брайтон-Бич, которые "обставляют американцев как хотят". И так далее. Работает здесь архетип Левши, который "аглицкую блоху подковал".

Иными словами, ценностью в глазах "среднего русского" оказывается не само по себе предпринимательство, способность обустроить дело, но *возможность вырваться за пределы нормального хода вещей, за пределы обыденности и "посюсторонности"*. Возможность жить "небывалым", "невиданным" образом. "Они" живут нормально и культурно, а мы их взяли и обскакали, сделали так, как им и не снилось. Вот подоснова восхищения. Взяли аглицкую блоху, да и подковали ее. Хотя бы в области балета, но быть впереди планеты всей. Причем не просто впереди, а скорее "сверху", там, куда голова "нормального" человека даже и подняться не может. До тех пор, пока русский бизнес переживает период бури и натиска, пока он дает возможность вырваться за пределы *нормального, посюстороннего*, - всей этой нищеты, тесноты, отсутствия комфорта и т.д. - он будет иметь некоторый отклик в культурной подпочве русской ментальности. Но есть большие сомнения, что когда-нибудь станет действительно позитивной и общезначимой ценностью просто умение хорошо вести дело, зарабатывать на нем на достойную жизнь и т.д. Просто хорошо вести дела мало! Необходимо делать такое, чтобы все вокруг Ах! - ахнули; как это имело место в истории с Левшой. Вот тогда это почтенно, по-нашенски. Выход за пределы обыденности совершен. Сакральный человек удовлетворен.

Родина сакрального

Ну, хорошо, а есть ли сферы деятельности, где *трансцендирование* за пределы обыденности было бы не исключением, а правилом? Да, есть! Это наука, искусство, рели-

гия, мистика. Именно здесь находится духовная родина *сакрального* человека, именно здесь только и может чувствовать он себя в своей тарелке (если, конечно же, Бог дал таланта). Но, как мы уже видели, понятие "успех" здесь достаточно чужеродно. Ибо рождено в иной экзистенциально нише, а сюда лишь притянуто.

Служение Истине, служение Отчизне, служение Музам, служение Богу, - таково правильное словоупотребление на родине *сакрального человека*. Поэтому, если и можно говорить о "российской модели успеха", то она покрывается двумя словами: *безупречное служение*.

Это, разумеется, не означает, что наш соотечественник не может существовать в других культурных координатах. Очень даже спокойно может. И сколько угодно среди "новых русских" таких, чьи мотивационные и смысловые доминанты гораздо ближе, скажем, к американской модели успеха.

И ничего в этом нет плохого, кстати. Другой вопрос, насколько это органично для них самих? Если органично, то слава Богу! Значит, это на его счастье не *сакральный человек*. А если нет? А сколько сегодня таких, вполне успешных предпринимателей, которые - если вдруг обнаружится свободная минута поднять голову от круговерти дел - неожиданно находят в своей собственной голове неприятный вопрос: "А зачем мне, вообще говоря, все это надо?". И хорошо, если нет ее, этой свободной минуты. Ибо о сакральном человеке и для него сказано: *И оглянулся я на все дела мои, которые сделали руки мои, и на труд, которым трудился я, делая их, и вот, все суета и томление духа, и нет от них пользы под солнцем...*

И не просто так старые русские купцы и предприниматели, своим талантом и усердием поднимавшие Россию, все же жертвовали огромные суммы на замаливание грехов. Каких грехов?! У этих-то, которые всю жизнь только и делали, что работали не покладая рук?! Да самого главного в их жизни греха: что заботились они о нуждах *этого мира*, не имея возможности, а может и желания выходить *за его пределы*, к Богу. Это вам не протестантская этика! Это этика православия, и "успех" здесь не предусмотрен.

И уж конечно же не просто так старые русские предприниматели меценатствовали. Артисты и художники для них вовсе не были очередной *купленной* забавой. Нет, они скорее были для них *проводниками* в мир *иного*, своего рода "жрецами". И отношение к ним было соответствующее. Никак не втискивающееся в формулу: я тебе плачу, а ты мне пляши.

О будущем сакрального человека

Невольно возникает вопрос: полно, да не реликт ли, не архаизм ли этот самый сакральный человек? Может, он просто не пригоден для современной жизни, где "крутиться надо"? Что ж, вполне возможно, что в смысле индивидуальных судеб сегодняшние русские *сакральные люди* находятся в незавидном положении. И если есть для них перспектива на будущее, то она связана с технологической мощью науки. Ведь наука - это то, что принадлежит к их духовной родине.

Здесь следует сделать еще одно отступление футурологического плана. Среди современных идей постиндустриальной цивилизации особо почетное место занимает гипотеза *информационного общества*. Само понятие информационного общества было введено в научный обиход такими фигурами, как Д.Белл, О.Тоффлер, З.Бжежинский, Нейсбит и др. Так вот, дело в том, что эта идея имплицитно включает в себя другую идею - о преобладании в обществе *информационного труда*, а в более широком плане, - о господстве *информационного производства*.

Что это значит в нашем контексте? Это значит, что место различных особенных Овидов труда, порожденных индустриальной цивилизацией, будет занимать - в качестве основного, базового - *всеобщее* производство, т.е. - производство *всеобщего* продукта. Этот всеобщий продукт - прежде всего *знание, информация*. И если действительно удастся запустить в работу постправославные культурные доминанты, связанные с особым от-

ношение к *всеобщему*, т.е., в потенции, к *знанию*, то можно рассчитывать на совершенно неожиданные сегодня подвижки именно в рамках информационной цивилизации. Цивилизации производства *знания*.

В принципе, можно рассматривать информационную цивилизацию как завершение того замысла, который изначально несло в себе Христианство. Замысла *всеобщности человеческого бытия*. Но замысел этот реализуется в социальной ткани общества. И в этом смысле у русского народа есть отличный шанс. Шанс вписаться в мировую цивилизацию своими собственными культурными доминантами *устремленности к всеобщему*.

Разумеется, принятие такой идеологии требует существенного смещения приоритетов государственной политики. Прежде всего - это усиленной внимание к имеющемуся у нас потенциалу высоких и сверхвысоких технологий. Приоритет сфере науки и образования.

Более того, в области гражданской жизни необходимо целенаправленное создание структур вертикальной мобильности по признаку интеллектуальной одаренности. Имеется в виду развернутая система конкурсов, олимпиад, викторин, телешоу, экзаменов, аттестаций и т.д., позволяющих быстро и эффективно занимать элитарные социальные позиции людям, демонстрирующим высокую способность к интеллектуальному труду.

Ибо совершенно очевидно, что властные структуры XXI века будут организованы в субстратах информационного производства, точно так же, как властные структуры Нового Времени организовывались в субстратах материального производства, а власть древних цивилизаций была связана с производством человеческого тела. Сегодня мы наблюдаем как бы зазор между двумя типами цивилизаций: индустриальной и постиндустриальной - информационной. И тот, кто сумеет наиболее успешно заполнить этот вакуум, может рассчитывать на *господствующие позиции* в завтрашнем мире.

Это - не "бросок на Юг". Это взрослые и серьезные дела, связанные с *властью* завтрашнего дня. И вот здесь-то *сакральные* культурные доминанты русского национального характера могут быть реализованы самым серьезным образом. Для этого есть все предпосылки.

Эпоха силовых империй в прошлом. Эпоха индустриальных империй заканчивается. Впереди - эпоха информационных империй. Разделение на центр и периферию будет осуществляться в виде разделения на мозговые центры и индустриально-сырьевые периферии. И есть (еще как есть!) у нас духовные и культурные предпосылки для занятия лидирующих позиций в этом переходе. Проблема лишь в заинтересованных и целенаправленных общенациональных действиях. Действиях, реализующих в этом мире *русскую идеологию*.

ПОТЕНЦИАЛ СОЛИДАРНОСТИ УСПЕШНЫХ ПРОФЕССИОНАЛОВ В СТРАТЕГИИ РОССИЙСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Я исхожу из того, что некорректно текущую ситуацию в России определять как ситуацию политической апатии. Речь должна идти не о политической апатии, а о смене политического содержания ситуации. Ее уникальность и новизна заключается в том, что вполне реальным политически активным и содержательно конструктивным слоем уже является становящийся слой профессионалов-прагматиков, а на поверхности социальных процессов еще продолжаете функционировать старый тип политической энергетики.

Сцена как бы занята, но ее действующие лица отработали номер, они уже не определяют содержание тех действительных преобразований в обществе, которые происходят. В некотором смысле меняется и сама политическая сцена. Те, кто продолжает сохранять старый, традиционный, из предыдущего этапа заимствованный тип поведения, переходят в разряд псевдодеятелей и остаются своеобразными зрителями - несмотря на весь свой суперактивизм, а те, кто еще как бы находится в зрительном зале, по сути своей, по месту удовлетворения базовых потребностей общества и государства, по вкладу в этот качественно новый этап - по обеспечению столь важной сегодня стабильности, столь необходимой определенности и предсказуемости, - перемещаются из зрительного зала на сцену, но реализуют себя уже в абсолютно иной форме.

Поэтому мы и можем говорить не о политической апатии, об обреченности и отчужденности от проблем власти и управления, от идейного и идеологического самоопределения, но об исчерпанности старых форм активности и востребованности новых форм, понимая, что эта активность характеризуется совершенно иной содержательностью, иными темпами, иной интонационностью, одним словом, иной энергетикой.

Я вижу здесь предмет специального исследования и предложу несколько исходных соображений, разъясняющих смысл исследовательской задачи по выявлению потенциала солидарности успешных профессионалов как абсолютно необходимой составляющей практической стратегии российской модернизации. Решение задачи потребует некой типологизации политического поведения и в этой связи я настаиваю на признании нового качественного этапа в состоянии общества и всех базовых структур государства, суть которого я определяю как полную исчерпанность конфронтационной политической логики, связанной с пафосным обличением прошлого, тоталитарного коммунистического строя, и острую востребованность нового типа социального поведения и, самое главное, нового актива - то есть, той действующей социальной базы, из усилий которой, из интересов и поступков которой, складывается эта новизна.

Сегодня уже есть объективные предпосылки смены типа социально-активного поведения. Предшествующие три года нам были остро необходимы люди, имеющие специфический социальный темперамент, ориентированные на мужественную публичную политическую деятельность, умеющие и охотно участвующие в коллективных и демонстративных формах взаимодействия (обобщающим образом этот период можно назвать "конфронтационно-митинговым", не вкладывая в это определение отнюдь никаких уничижительных характеристик, а лишь получая тем самым возможность наиболее точно выразить энергетику этого типа людей и особенность этого стиля социальной динамики). Сегодня страна находится в качественно новом состоянии, когда и жизненный вектор, и глубинная потребность, связанная с реализацией этого вектора, перемещаются в иную стилистику.

Я настаиваю на том, что происходит объективная принудительная смена социально-активного слоя страны. Мы сегодня уходим от конфронтационно-митингового типа поли-

тической деятельности, ибо страна живет бесконечным ожиданием и обостренной потребностью в стабильности, а лидирующее и определяющее положение в этом новом векторе начинает занимать иной тип людей.

Это люди, избегающие изнурительной политической борьбы, испытывающие органическую аллергию ко всякого рода идеологическим манифестациям в своем поведении. Они сосредоточены на достижении высочайшего профессионализма в своем конкретном деле. В основе их жизненной программы заложены деловой успех, результативность, определенность, предсказуемость, надежность.

Можно сказать, что если первый тип актива - это очень важная и необходимая социальная среда, которая ориентирована на некое нравственное мужество в противостоянии социально-политической неопределенности и готова на социальный риск как элемент самоутверждения, то второй тип связан с переносом своей энергии, своей активности на достижение конкретных результатов в конкретной профессионально обеспеченной сфере деятельности. Если первых можно обозначить как политиков-активистов, то вторых - как прагматиков-утилитаристов.

Поняв принципиальную новизну этого качественного состояния сегодняшнего общества (независимого от того, какую активность могут разыграть по инерции представители первого типа, какие явочные роли они сегодня выполняют на поверхности социальных процессов, мы можем сформулировать новые стратегические задачи современной политики. Прежде всего, это фундаментальная задача поиска скрытых ресурсов в культивировании новой социальной базы в ее определяющих характеристиках. Далее - задача реабилитации ценностей профессионализма и делового успеха, как в сфере российской элиты, так и в сфере массового сознания. Наконец, встает задача определения самих признаков профессионализма и профессиональной солидарности, без выяснения которых трудно этот слой организовать.

Вполне возможна и необходима фиксация внутренних противоречий в рамках этой объективной тенденции - в процессе формирования нового стиля политического поведения и активного слоя его носителей, которых мы обозначим термином "успешные профессионалы". Вполне возможно, что нам понадобится и типология внутри этого класса людей. В этом случае предстоит строго зафиксировать признаки успеха - точнее сможем говорить об успешных профессионалах, отделяя их от "нормальных" профессионалов, и еще легче - от тех, кто сегодня находится в переходной ситуации: "мое мастерство является моими окулярами на весь остальной мир, и я его уже вижу не только вдохновенно, увлеченно, возвышенно, но и ответственно". Как люди, сейчас разрабатывающие стратегию, мы обязаны понимать: если попытки организовать деловое общение или сотрудничество не будут предварены корректной формой рабочего диагноза модели профессионализма, типа профессионального поведения, то сами мы в этой работе будем непрофессиональны.

Наша работа должна исходить из той классической, проверенной в веках социологической закономерности, суть которой в том, что определяющая общественное развитие тенденция связана с целенаправленной деятельностью определенного активного слоя общества, конкурентная и самореализующая деятельность которого и является заданно лидерской для всего остального населения. Мы долго обсуждали нашу проблему не вводя никаких серьезных ограничений и полагали, что реализуя желание предложить общественной практике некий обдуманый проект ее модернизации - "решаем конкретные текущие проблемы дня, улучшающие жизнь конкретных людей в конкретных условиях", - мы одновременно создаем базу для полноценного гражданского общества и государственности во всех остальных параметрах. Очевидно, что мы стеснялись говорить о селективной задаче, поскольку отсутствует представление об элитной среде, которая была бы признана обществом и культивировалась как государственной, так и образовательно-воспитательной политикой. Понятно, что мы обязаны этот подход реабилитировать, учитывая, что традиционно элита формируется по своим законам и функционирует в такой

форме и такой стилистике, что не нуждается для своего появления в общественном признании, возникает естественно. Элитность - это не демонстративность перед всеми остальными, а как бы общая потребность всего населения в таком уровне и таком типе самореализации.

Обозначая некоторые параметры проблемного поля для исследователя - философа, социолога, психолога, - должен отметить, что для меня это не только исследовательская, но и конструктивно-практическая задача. Здесь нет ничего взаимоисключающего, поскольку осмысленная практическая задача, в которой осуществлена профессиональная процедура целеполагания, не возникает без серьезной - и требующей дополнительно самостоятельных профессиональных навыков - исследовательской, экспертной и интегративной работы. Существует органичная связь объяснительно-разъяснительного процесса с процессом, организующим некую социально-политическую волю, социально-практическую систему действий по достижению тех целей, которые не просто заявлены, не просто услышаны и подхвачены, а осмысленно выработаны и поставлены. Это означает, что в любой попытке обсуждать российскую действительность и действовать внутри нее в рамках некой стратегии, мы обязаны осознано и с соблюдением вполне фиксируемых процедур осуществить этот механизм целеполагания, вне которого мы либо превращаемся в одержимых практиков, либо в рафинированных экспертов, а нужно добиться внутри себя этого важного и редкого сочетания.

Полагаю, что то содержание процессов, которые я пытаюсь сейчас зафиксировать в качестве объективных, и ту качественную новизну, которая, на мой взгляд, уже реально себя проявляет, не могут быть увидены с традиционной точки зрения. В этом смысле я подчеркиваю, что новизна существует в обществе в формах, нуждающихся в дополнительном оформлении. Она нуждается в специальных усилиях, которые могли бы быть, во-первых, употреблены на придание этому своеобразному слою людей некой, пока не свойственной им, самоопределенности в обществе; во-вторых, способствовать включению представителей этого слоя в процесс решения конкретных проблем жизнедеятельности на стыке их профессиональных интересов и, тем самым, втягивать их в межпрофессиональное, взаимовыгодное сотрудничество; и, в-третьих, направлены на нужную и важную инвентаризационную экспертно-селективную работу, открывающую глаза абсолютному большинству людей, которые до сих пор не осознают, что чем больше в стране слой состоявшихся профессионалов и людей, достигших делового успеха, тем лучше их собственная жизнь - независимо от той психологической реакции, которую сегодня, как правило, вызывает этот тип людей. Оказывается, что это новое содержание существует в виде утверждающейся тенденции, но носит в меру латентный характер, не очевидный сегодня для многих и многих, и наша задача выработать такую стратегию, которая бы на данном этапе дала бы возможность избежать форсированного вовлечения этого специфического слоя (некоторые особенности его мы попробовали выше обозначить) в демонстративную политическую деятельность, воздержаться от форсированного перевода его в план социально-политических координат и удержать его в своем, очень важном для него и обеспечивающем все его достоинство, всю его самооценку качестве профессионалов, не переходящем этот освоенный участок жизнедеятельности.

Речь идет о том, что стремясь включить людей этого типа в стратегию российской модернизации, мы обязаны сохранить тот конкретный интерес, который сформировал у них эту качественную специфику, учитывая, что не зная друг о друге и часто даже вступая в конкуренцию друг с другом, они являются носителями некой общей для них жизненной энергии. При этом условии ненавязчивое включение их в солидарную деятельность, выявляющую их типологическое единство и сопряженность по стилю жизненного поведения, откроется для них как привлекательное, стимулирующее и очаровывающее.

Очень важный момент: не форсировать социально-политические последствия этой солидарности, а сохранить в ней прежде всего утилитарно-практический интерес, реализуя который мы втягиваемся в некое новое пространство. Я думаю, что разъяснить эту

мысль, как и во многих других случаях, может помочь идея, отраженная в хорошо известной притче о Шартрском соборе. Мы каждый раз как бы спрашиваем человека: "Что ты делаешь?". И каждый раз с вызовом и одновременно с гордостью он отвечает: "Таскаю свою тачку". Это могут быть медик, финансист, бизнесмен, могут быть предприниматель новых форм организации хозяйства, администратор, управленец и политик. Гордясь тем, что он осознал свою тачку в виде исчерпывающего знака в этой межсоциальной ориентации, и, одновременно, совершенствуясь в своей "тачке", в профессии, он обеспечивает свое все более благополучное, все более независимое материальное положение - иначе трудно было бы этим гордиться в полной мере. При этом мы понимаем, что каждый раз результат конкретной профессиональной деятельности по своим последствиям так или иначе изменяет все жизненное пространство, включая социальную действительность. Важно суметь оценить эту профессиональную гордость - "я таскаю тачку" - и одновременно вывести из этой практической утилитарной позиции незримые следствия для совокупного общественного прогресса и на этом материале реабилитировать профессионализм.

Может вызвать естественную и справедливую скептическую реакцию сам признак солидарности профессионалов, и я бы хотел разъяснить свое понимание этой реальности.

Абсолютно опрометчиво было бы трактовать солидарность профессионалов в традиционном понимании - как безусловное, корпоративно соорганизованное действие, имеющее ясные, внятные публичные признаки и предполагающее некие заочные обязательства перед всеми другими каждого, кто конкретно в это сообщество включается. На мой взгляд, мы обязаны учитывать то специфическое обстоятельство, что человека, вкусившего деловой успех и освоившего некий уровень мастерства в определенном деле, одним словом, человека, достигшего статуса профессионала, должно отличать от всех остальных, условно - непрофессионалов, совершенно особое отношение ко всем искусственным формам коллективистской деятельности.

Мы имеем дело с тем типом личности, где индивидуальное самоутверждение является основой успешной деятельности. Мы имеем дело с типом личности, где лидерство является визитной карточкой, причем это необязательно стремление быть лидером в своем окружении, но обязательно в отношении самого себя, в рамках своих вчерашних устремлений в их отношении к завтрашней судьбе. Поэтому признак солидарности для этого социального типа специфичен.

Солидарность профессионалов заключается в признании права за каждым другим человеком добиваться достойных результатов в жизни в конкретном деле как права безусловного. Классический нравственный императив приобретает в этой сфере особый смысл. Солидарность профессионалов - это желание, способность и умение добиваясь собственного успеха, испытывать удовлетворение от успеха любого другого человека в любой другой сфере деятельности, от успеха любого человека как родственного по способу жизни, по ментальности и поведению.

Второй специфический признак заключается в том, что у успешных профессионалов вырабатывается некая особая мировоззренческая координата. Такой тип людей, достигая определенного совершенства в своем деле и обретая состояние успешности, вынужден в этом состоянии видеть всю социальную действительность в целом, оценивать разные общественные, политические и жизненные явления в некой общей подсветке. В свое время я охотно воспроизводил тезис, согласно которому человек, достигший мастерства и совершенства в каком-либо конкретном профессиональном деле, обретает при этом некую общую картину мира, определенную устойчивость собственного мировоззрения или, не строго говоря, философию жизни, которая сближается с состоянием философа и в этом качестве - в состоянии социального стратега.

Человек, достигший достаточного мастерства в своем профессиональном деле, обречен на то, чтобы в рамках этой оптимистической координаты ответственно рассматривать и все остальные составляющие собственной жизни. Он постепенно втягивается в вековеч-

ные вопросы, предельные вопросы собственного бытия, и в поиске ответов на них естественно перерастает свою профессиональную сферу, перешагивает свое изначально индивидуализированное и внешне неприкосновенное социальное поведение. В итоге он вынужден принимать на себя дополнительную ответственность в жизни.

Именно этот тип солидарности важен в рамках обсуждаемой сегодня проблемы: возможно, наши рассуждения позволят более точно квалифицировать и более строго сформулировать само понимание стратегии российской модернизации в ее необходимых и достаточных признаках.

Дело в том, что признак модернизации и то содержание, которое мы вкладываем в этот термин, нуждается в уточнении. Самое простое было бы понимать модернизацию как некое целенаправленное комплексное усилие по совершенствованию социальной системы в условиях прямых и откровенных препятствиях этому процессу. Иначе, модернизация - это то, что противостоит застою, кризису, что противоположно тому и другому по содержанию.

Мы же осваиваем представление о модернизации как некоем жизненном модусе, говорим об удобном сегодня термине, вбирающем в себя классическую систему философских понятий, где самыми близкими являются "развитие" "прогресс". Особенность использования термина "модернизация" заключается сегодня в том, что он позволяет удерживать жизненный вектор в некой, вполне узнаваемой, подсветке: модернизация как желанное и востребованное обновление, улучшение жизни. И я бы хотел, чтобы этот термин обрел не только квазинаучное, не только специализированное звучание, но стал бы благозвучным и для массового сознания. Вчера "модернист" - это тот, кто нарушает каноны, кто как бы противостоит "реалисту", и тот, кто конструирует новую реальность во многом демонстративно ко всем остальным и ко всему остальному. Сегодня - в пространстве глубинного исторического перехода, трансформации одной социальной системы в другую - модернизационный процесс становится неким паролем нового исторического времени.

Конечно же, существует незримая связь между культом профессионализма и модернизационными результатами. И нам очень важно реабилитируя ценность профессионализма, одновременно стимулировать становление этой новой мировоззренческой координативной; свежая, инновационная, привлекательная, реально улучшающая действительность, жизнеактивизирующая - все это вбирается в наше понятие модернизационного процесса.

Мы заявили благозвучное сочетание "стратегия российской модернизации", но до сих пор не брались за очерчивание тех предельных оснований, базирясь на которых оно обретает онтологическую определенность, становится осмысленным, позволяет включать его в понятийную практику достигает уровня коммуникативной востребованности, осмысленного общения и, в конечном счете, адаптируется к восприятию различными слоями общества, находящимися в разной, в том числе и профессиональной, степени готовности к такому восприятию.

Я убежден в том, что потенциал солидарности успешных профессионалов России сегодня столь существенен, что нам удастся найти те конкретные проблемы, которые могут объединить практиков, добившихся реальных результатов в зримых видах деятельности.

Вчерашний аспирант сегодня является частным собственником с немалым личным финансовым капиталом.

Врач в эти трудные годы сумел не только сберечь свою профессиональную культуру, но и соорганизовал вокруг новаторской методики врачебный коллектив.

Политик, состоявшийся в своем неповторимом профессиональном предназначении, оказался способным отвлечься от текущей конъюнктуры властных отношений, игры ролей и соблазна публичности, обрел возможность видеть действительность сквозь маскаранный, конъюнтуризованный мир текущей политики в неустоявшейся системе гражданского общества и правового государства. Это не тот, кто эксплуатирует все боли и проблемы переходного периода и, как огурец на грядке, выскакивает на политический подиум после того, как разгребли листья; это профессионал, осознающий свое призвание

и предназначение в том уникальном качестве, которое я в свое время пытался прояснить через образ социального художника. Этот образ вбирает в себя ответственность за выработку базовых целей, ценностей общественного и государственного развития и функционирования, умение трепетно слышать музыку жизни (то есть без насилия над действительностью внимать реальным процессам в их многомерности и многоголосье), способность свою политическую волю, реализуемую в рамках хорошо осмысленных интересов, утверждать в диалоге с другими интересами и политическими волями и, тем самым, культивировать коалиционное конструктивное солидарное сотрудничество.

Можно еще и еще перечислять желанные признаки профессиональной самоаттестации базовых сфер жизни общества и государства, сочетая усилия которых и ненавязчиво соорганизовывая в перспективное сотрудничество мы увидим зарождение той профессиональной солидарности, основной признак которой таков: конкретный бизнес этого типа людей и их успех в деле возможны только тогда, когда в стране сохраняется некая нормальность, а ее отсутствие является прямой угрозой их собственному делу. С пониманием этого признака успешные профессионалы перерастают естественный эгоизм индивидуализированного делового поведения и начинают столь же заинтересованно и ответственно, как в сфере собственного дела, относиться к делу социальной упорядоченности. ценя себя в свое профессии, они достигают такого уровня независимости, что охотно ценят профессионализм и в других видах человеческого дела, включая и такую уникальную, как профессия политического поведения, политической деятельности. Это и есть желанная солидарность.

В.И. БАКШТАНОВСКИЙ
Ю.В. СОГОМОНОВ
В.А. ЧУРИЛОВ

ЭТИКА ПОЛИТИЧЕСКОГО УСПЕХА: ПРОДОЛЖЕНИЕ ДИСКУРСА

Напомним, что предыдущая статья, опубликованная во втором выпуске Вестника "Этика успеха", была лишь преддверием к дискурсу относительно характера взаимодействия этики, политики и успеха. Была проделана необходимая подготовительная работа для уяснения проблем, связанных с постановкой основных сюжетов этики, "приложенной" к политической сфере. При этом речь шла разве что об эмбрионах политической этики в прошлом, об ее архетипах. На каком же этапе Истории возникает долгожданное право во всеуслышание сказать о завершении инкубационной фазы, о подлинном рождении этой этики? И чем сие обстоятельство было обусловлено?

Если ограничиться предельно сжатым ответом, то вполне допустимо следующее утверждение: политическая этика порождена настойчивыми и неотложными запросами функционирования гражданского общества и плюралистической, "конкурентной" демократии Нового времени. Именно тогда автономизировались как политическая сфера социума, так и сама мораль, хотя, ясно, бродильные процессы шли в изолированных пунктах - и шли достаточно долго - еще в пределах Старого времени.

Приступим к делу с напоминания общеизвестного, даже банального. Возникшая политическая система неявным образом исходит из того, что достижение пресловутого "морально-политического единства народа" (оно могло называться и как-то иначе) невозможно без массированного и долгосрочного применения социального насилия, без революционных потрясений и даже антропологических катастроф. "Конкурентная" демократия легитимизирует как различия корпоративных, профессиональных, классовых, социодемографических, этнотерриториальных и иных интересов, так и конфликты этих интересов. Как в подобных условиях формируется и проявляется единая политическая воля, без чего - согласитесь - трудно даже представить себе дееспособное государство?

Общая воля возникает в процессе открытой конкуренции групповых интересов. Но чтобы общество при этом не оказалось заложником таких интересов и не было ввергнуто в состояние постоянных потрясений и катаклизмов, требуется наличие некоего общекультурного "ценностного минимума", на основании которого только и возможно действие механизмов сдерживания и противовесов. Этот минимум охватывает не что-то там малосущественное в ценностном мире общества, не какие-то его задворки, захолустье, маргиналии. Все как раз обстоит наоборот: минимум включает в свой состав наисущественные ценности "родовой", общечеловеческой этики.

Именно на их основе складывается консенсус между взаимодействующими и нередко даже противоборствующими интересами, между выражающими их политическими партиями и движениями, в результате чего и достигается общественное благо. Хотя каждая партия и движение могут по своему трактовать данное благо, они сходятся в том, что под этим надлежит иметь ввиду стабильное развитие общества в условиях личной и групповой свободы. При "конкурентной" демократии не одобряется практика регулирования, "коррекции" (если прибегнуть к эвфемизму) убеждений и мнений, навязывание предпочтений одной группы или организации всем другим, отклоняется принудительная ориентация на всевозможные эсхатологические идеалы, содержание которых заранее ведомо власти имущим, ориентация на всеобщее счастье, так сказать, по предписанию и расписанию. Во всяком случае, подобная практика морально табуируется. Иначе говоря, конкуренции интересов и партий не дозволяется переходить определенных границ, прочерченных на основе "ценностного минимума" - за ними испытывается предчувствие граждан-

ской войны, холодной или горячей. Но как же оказывается возможным данное самоограничение?

Обычно, отвечая на этот вопрос, обращают внимание на то, что в гражданском обществе неравенство групп в материальном, имущественном, властном, образовательно-культурном и тому подобное отношениях не является чрезмерным и неустойчивым, во всяком случае, для значительного большинства. Во многом это обеспечивается наличием сильного "среднего класса", медиатора между состоятельными и не очень, "убогими, да сирыми", между властью имущими и безвластными, между укорененными и "людьми воздуха". Все это сокращает социальные дистанции и если не исключает, то, во всяком случае, ограничивает возможности раскола общества. Такое неравенство, подобные дистанции не воспринимаются в инфернальном свете, в "багровых тонах", оказываются сравнительно легко переносимыми психологически, не вызывающими приступов массового недовольства, отчаяния, зависти, не порождают человеческой деструктивности.

Но достаточно ли для достижения общественного согласия и исключения узурпации власти одних лишь политико-правовых регулятивов и гарантий? Таких, как господство закона и контроль над политической властью с помощью институтов представительной демократии? Таких, как разделение властей, гарантий прав отдельных граждан и различных меньшинств - от электронных, конфессиональных, этнических до самых экзотических и дискриминируемых? Способны ли они само по себе, в отрыве от морали, быть эффективным средством сдерживания? Способны ли создать прочную и глубоко эшелонированную линию защиты порядка в демократическом обществе и не будут ли все изобретательно придуманные регулятивы, гарантии, механизмы сдерживания и балансировки власти опрокинуты при первых же серьезных социальных недомоганиях и кризисах?

Исторический опыт показал, что "конкурентная" модель демократии смогла эффективно функционировать, выдерживая различные потрясения, лишь при наличии этико-культурных подкреплений, а для этого потребовались принципиальные перемены в нравственном сознании общества, способные породить рациональную мораль (о чем говорилось в первой нашей статье), потребовались смещения в типах политической культуры. С одной стороны, возникает профессионализм в отправлении властных функций, а с другой - массы стали превращаться, пусть не повсеместно и не очень последовательно, из объекта политического регулирования в самостоятельного субъекта политического диалога и действия.

"Ядром" этой партиципационной политической культуры и стала этика политического успеха, в которой доминируют активизм, а не патернализм, принципы неразделенности власти и ответственности (а не простая политическая лояльность), терпимость к инакомыслию и инакочувствованию, чуткость в отношении к чужим интересам, отказ от конфронтационного поведения, от силовых политических разборок в пользу компромиссов, переговоров, сотрудничества. Общекультурный "ценностный минимум" и устойчивые правила политической игры образуют фундамент данной этики.

Мы можем предложить следующую ее дефиницию: совокупность ценностей и норм, разрешений и запретов, ориентирующих и регулирующих действия как профессиональных политиков, так и всех тех, кто по своей воле (или против нее) оказался вовлеченным в бурные водовороты политической жизни современных обществ.

Здесь необходимо пояснение. Политическая этика регулирует не только поступки политиков, но и всех граждан - когда дело касается "большой", общегосударственной или "малой", "низовой" политики. Демократические начала пронизывают все общественные структуры, что предполагает ответственных, рационально мыслящих, умеренно настроенных, способных скалькулировать собственные аффекты граждан. А не равнодушную к публичной сфере жизни толпу, тем более - не разнузданный охлос, чернь, которая побуждается сиюминутными вожделениями, ветренными выкладками, импульсами, постоянно испытывая потребность в инъекциях политической демагогии, в духовных поводьях (которые и сами часто оказываются политическими слепцами), а заодно - в жест-

кой полицейской рукавице. Политическая этика воздействует на поведение граждан и тогда, когда тем предстоит явиться к избирательным урнам, не уклоняясь от свободного и ответственного выбора (поэтому можно говорить об этике избирателя, которому вовсе не безразлично: в чьи руки достанется кормило власти и которого не может удовлетворить лишь имитация избирательного процесса), и тогда, когда они в иных формах предъявляют нравственные требования к действиям облеченных властью лиц.

Императивы политической этики, ее оценочные шаблоны, соответствующие идеологемы носят, на наш взгляд, универсальный характер. Они или есть, и тогда утверждается "конкурентная" модель демократии, или же их нет, но тогда и отсутствует такая демократия. Но что означает подобное признание?

Во-первых, нормы и правила этики политического успеха нуждаются во всеобщем принятии, которое достигается отнюдь не путем отказа от той или иной политической доктрины, от идеологической полихронии, от собственного "лица" всех участников политического процесса. Этика не только присущими ей средствами ОПРАВДЫВАЕТ стремление этих "лиц" и организаций к политическому успеху, но и прямо ПОБУЖДАЕТ к этому: лишь тогда политическая система способна уберечь свойство быть фактором жизнеспособности общества, когда наибольшее число участников процесса стремятся к выигрыванию в политической игре, в том числе к победам в избирательных компаниях, к персональному успеху в должностном плане, в достижении эффективности социального управления. Без подобных устремлений политическая жизнь оказывается безжизненной.

В то же время общий интерес заключается в том, чтобы при этом претенденты на власть и те, кто уже приобщился к ней, соблюдали бы в полном объеме, без изъятий, весь свод требований этики успеха, осуждая действия, обусловленные беспринципной борьбой за власть на политической арене. В силу всеобщего признания этики успеха система ее требований и оценок не дает преимуществ ни одной стороне политического соперничества. И выгодна она любым крыльям политического спектра, за исключением разве тех, кто стремиться к узурпации власти. А потому отказ от норм этой этики косвенным образом свидетельствует о наличии у "отказника" поползновений на узурпацию власти, чем он обрекает себя на изоляцию, пусть даже она некоторое время и покажется "блестящей".

Универсализм означает, во - вторых, признание лишь общецивилизованной парадигмы, канона этики политического успеха, отклоняя при этом любые попытки навязать униформу политического устройства страны в различных регионах и субцивилизациях и, соответственно, облечь в строгую униформу самую эту этику. В различных культурных контекстах просто не может быть тождественного понимания ценностей успеха, норм этики успеха, кстати, не только политического. Весьма уязвимыми оказываются аргументы тех, кто полагают, будто существует некая единственно "истинная" демократия и приложенная к онной "истинная" этика политического успеха, которую можно - прибегая к упрямству и нетерпеливости "модернизаторов" - навязать народам во всех культурно-региональных ареалах в качестве экспортируемой беспочвеннической социальной технологии.

Но означает ли это, что правы те, кто недооценивают эталонный характер, универсализм, парадигмальность модели "конкурентной" демократии? Кто не учитывает атрибутивного динамизма этой модели, ее прометеевской воли, открытости, последовательности, высокой степени пластичности, социокультурной адаптивности? Дело тут в том, что всякий раз "рандеву" национального характера, политической антропологии и психологии с универсальным каноном политической активистской культуры и этики успеха оборачивается непредсказуемым актом исторического творчества (который мы постфактум подверстываем под некие закономерности и которому даем каузальное объяснение). В томительном ожидании такого акта пребывает сейчас и наше Отечество.

Будучи моралью в полном, а не в усеченном, смысле этого слова этика политического успеха не просто оказывается средством подкрепления политико-правовых регулятивов и гарантий, но и особым каналом выражения недовольства качеством правления и

управления, средством нелицеприятной критики наличных политических нравов, которые "урби эт орби" являет власть и претенденты на нее. Подобный канал нельзя считать резервным способом "выпускания паров" или своеобразной формой релаксации, когда всего-навсего "срывают гнев", раздражение от жизненных передряг на политиках, на специально подставленных с этой целью "мальчиков для битья". Мы предпочитаем думать, что речь должна идти совсем о другом - о никому неподвластном действии политической совести (но не "ручной", не авторитарной совести) граждан, о том, что некогда Дж.Ф. Кеннеди назвал "политическим мужеством". Совесть, способной приказать сделать нечто, противоречащее тому, что исповедует в данный момент общество, даже противоречащее воле большинства избирателей. Совесть, не способной мириться с грязной политической практикой, с отклонениями от норм политической морали, со столь частыми проявлениями цинизма и морального оппортунизма - политика представляет собой зону повышенного морального риска! Вместе с тем она не позволяет согласиться и с догматом, по которому политика всегда и везде заведомо квалифицируется как "помойка", что наруку лишь пройдохам, ибо порядочных людей уводит от исполнения гражданского долга.

Тема политической совести побуждает поставить вопрос о природе власти, о месте политической этики во властных отношениях. Нам не хотелось бы углубляться в чащу понятийных операций и в затяжные споры, которыми насыщены политологические штудии. Власть - необычайно широкое и многообразное понятие. Можно говорить о власти во всяком человеческом общении, о родительской власти, едва ли не первой формы власти, о власти художников над умами и чувствами людей и тому подобное. Существует и "микровласть", как писал М. Фуко. Но мы, прибегнув к жертвующему гамбиту, сразу же ограничим понятие власти до масштабов одной только политической власти.

Главное затруднение заключается здесь в том, что такая власть по своему генезису, назначению и функциям просто не может уместиться в каком-то вполне однозначном определении, не может быть дана в одном ключе. Она основывается и на использовании материальных ресурсов, которыми не располагают в достаточном количестве подвластные, и на физическом принуждении или же на угрозе его применения, на духовном давлении, на манипулировании сознанием. Парадокс власти, однако, таков, что она может основываться и на добровольном повиновении каким-то командам, установленным властью правилами поведения, которое вовсе не всегда можно истолковать в духе известного "добровольного рабства" Этьена де ла Боэси или "романтического рабства" у истоков тоталитарных режимов. Во многом политическая власть сочетается, а в чем-то даже и совпадает с социальным управлением и самоуправлением - необходимой функцией, осуществляемой в интересах всех слоев и групп общества (хотя в разной степени). Но власть, утрачивая своих атрибутивных свойств, при этом отдает предпочтение диалогическим, ненасильственным методам управления, а что касается самоуправления, то это вообще просто власть над самим собой.

Как же быть? Определять власть как принуждение и даже насилие? Но тогда прощай этика. Или же как "влияние"? Неужели придется прибегнуть к старинному эквилибриуму: с одной стороны, нельзя не сознаться, а с другой - нельзя не признаться? Увы, придется. Власть в различных пропорциях в каждом конкретном случае означает силу, могущество, способность навязывать свою волю вопреки сопротивлению подвластных, но одновременно она является и авторитетным полномочием. В этом случае политическая власть - а это лица (политики, лидеры, вожди, отчасти чиновники и т.п.), группы (партии, элиты, истеблишмент, группы давления и т.д.), структуры (государство и отдельные его звенья, органы самоуправления и т.п.) - осуществляет свою волю не столько вопреки сопротивлению других, сколько побуждая их силой авторитета к действиям, способным изменить порядок вещей, социальные обстоятельства.

Нам импонирует такой подход к политической власти, в котором ее понятие существенно соотносится с моральной ответственностью всех субъектов власти. Иначе говоря, недостаточно рассуждать на злополучную тему "власть и мораль", необходимо дополнить

ее темой "мораль во власти". Метафора первой темы, по словам одного американского политолога, - "власть над...", тогда как метафора второй - "власть для...". В первом случае, когда власть рассматривается как господство, обремененное насилием и всевозможными пороками, с насилием неразлучно связанными, дискурс почти наверняка приведет нас к скорбному мандельштамовскому заключению о том, что "власть отвратительна, как руки брадобрея". А потому для человека порядочного путь во власть заказан: она либо притягивает к себе людей с порочными наклонностями, либо быстро прививает пороки им. Между тем как во втором случае политическая власть вовсе не кажется до дна исчерпанной отношениями господства и подчинения: она предстает как поле, где не только давят, но и влияют, где убеждают или разубеждают в чем-то, и тогда власть выступает как вполне цивилизованный способ достижения общественного согласия, примирения, смягчения противоречий и интересов.

Понятно, что данный случай доминирования характеризует политическую власть прежде всего в открытых демократических системах, в точке пересечения гражданского общества и общества политического (гибкая суперсистема "общества обществ"). Здесь мы имеем дело с политической властью, которая не может не считаться с правами человека, с властью, оснащенной прочной сетью сдержек и противовесов, сопровождаемой аппаратами контроля со стороны общественности (избирательные системы, средства массовой информации, независимая судебная власть и т.п.). Везде, где образуется слаженный "социальный оркестр" (а не "маленький оркестрик под управлением любви"), где управляющие и управляемые имеют какие-то общие интересы и задачи социального партнерства, там политическая власть не предстает в облике оппозиции брутальности и моральности, оказываясь влиянием, проистекающим из признания другими - легитимности не существует без определенной моральной "подпорки"!

Оставим в покое - не надолго - многотрудную тему моральной ответственности власти для того, чтобы прежде обсудить тесно связанный с такой ответственностью вопрос о мотивах политической активности. Без попыток отыскать приемлемое решение этого вопроса - тоже не из числа легких вопросов - нам будет трудно понять, как ВОЗМОЖНОСТЬ использования властных предначертаний с помощью влияния на подвластных (нормативными установлениями и распоряжениями) и достижения общественного согласия оказывается способной стать ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬЮ? По другому: как может общественное благо превратиться в цель субъекта политической власти, конкретизироваться в задачах его управленческих усилий, как власть может быть не самоцелью, не желаннейшей добычей победителей в политических схватках, а лишь средством (всегда, правда, опасным, амбивалентным) достижения такого блага - стабильности, порядка, социального динамизма, гармонизации общественных отношений и т.п.?

С другой стороны, что политики высматривают во власти такого, что разжигает аппетит на власть, побуждает множество желающих ("свято место пусто не бывает!" - достаточно известно и столь же тривиально) добиваться успеха в политической игре? Чем манит к себе она, какими прочнейшими цепями приковывает к политике и еще долго не отпускает? И еще вопрос в череде вопрошаний: достаточно ли сильные импульсы исходят от политической власти, чтобы стремиться стяжать лавры успеха в беспокойном акватории политических схваток и интриг, чтобы безоглядно пуститься в плаванье по этим водам даже тогда, когда приходится рисковать добрым именем, репутацией, кошельком, "куском жизни" и, нередко, ею самой?

Начнем - в незабываемой школьной манере - с последнего вопроса. Очевидно, политический успех, изнурительная борьба за него сулит обретение каких-то материальных благ и соответствующих символов. Мы имеем дело с корыстолюбивым мотивом, переходящим подчас даже в страсть, (хотя их и не следует смешивать с честным заработком политика-профессионала, имущественное положение которого побуждает жить за счет политической деятельности). В нашем обществе обретение этих благ было - и пока остается - напрямую связано с системой должностных привилегий и "сопутствующих льгот",

которые власть щедрой рукой отмеривает сама себе ("корыто власти"). Кроме того, политический успех - штука легко конвертируемая, и ценность ее для владельца заключается в возможности последующего размена на любые другие блага в нефиксированных заранее пропорциях. Тем более это верно для тех стран, где общество структурируется по вертикали политической власти, которая открывает дорогу у нестесненному распоряжению государственной собственностью и даже культурными ценностями общества. К тому же, меркантильные соображения неплохо поддаются лицемерной маскировке, и тогда кажется, что то, что хорошо для самого политика, то еще лучше для всей страны.

Не следует, однако, излишне концентрировать внимание на корыстолюбивых страстях, которые, собственно говоря, даже не встречаются в дистиллированном виде. Надо иметь в виду, что пути стяжания благ, во-первых, многообразны, и вряд ли путь борьбы за политический успех является самым протоптанным и легким. Приводят и иной солидный аргумент против гипертрофирования роли своекорыстных мотивов. Разве нам не известны случаи, когда люди состоятельные домогаются политического успеха (должности, звания, популярности, возможности влиять на принятие решений и т.п.) не только в расчете на умножение своего исходного к началу новой для них карьеры состояния, но и когда они проявляют готовность пожертвовать немалой толикой своего богатства ради успеха на новом поприще? Не только политическая история США изобилует подобными эпизодами, но и в наших палестинах политическая сцена стала пополняться волонтерами из состоятельных кругов, расположенными расстаться с частью своего достояния ради "хождения во власть".

Но есть и иной мотив политической активности - жажда славы, широкого признания, честолюбивые побуждения. Это такая разновидность успеха, когда его ценность всецело определяется признанием со стороны "значимых других" или широких масс. Такая мотивация политика на успех как две капли воды схожа с мотивацией на обретение популярности какой-нибудь кинодивы или шоумена. Диагностируется эта ориентация привычным образом как "звездная болезнь", опасность которой не всегда зависит от величины и яркости "звезды" на политическом небосклоне, так как она во всех случаях чревата зазнайством, самомнением, презрением к тем, кого обошли при восхождении, у кого мало шансов взобраться на вершины успеха. Такая страсть делает политика предрасположенным к "подвигам" Герострата и именно подобному роду успехов в политике противостоит ретритизм, акцентированная аполитичность и многократно зафиксированный исследователями психологический феномен "боязни успеха" в нашпигованной опасностями зоне политической деятельности. Но разве такая негативная реакция не чревата аморализмом, тем же аморализмом, которым характерна "звездная болезнь".

Меньше всего нам хотелось бы очутиться в стане записных морализаторов=зануд. Нельзя оценивать честолюбие в политике одномерно, не видеть в нем позитивных начал даже на "ярмарке тщеславия". Не говоря уже о том, что в некоторых ситуациях стремление завоевать популярность, например, "погоня за рейтингом", оказывается непременной частью профессиональной амуниции (не случайно в последние десятилетия возникла особая дисциплина - имиджиология, формируется профессия имиджмейкеров). И такое стремление - при должном контроле и самоконтроле - вовсе не всегда сопровождается симптоматикой "звездной болезни". Заболевание это хотя и весьма заразное, однако поддается купированию. Честолюбие, вообще-то говоря, через ряд опосредований оказывается увязанным с честью и достоинством личности, а потому важно уметь отличить его от тщеславия, особенно зловредного в мире политики.

Думается, что сильнейшим мотивом "хождения во власть" и готовности вступить в борьбу для достижения политического успеха служит ориентация на своеобразный политический гедонизм (если угодно, то даже на "похоть власти", на "камасутру политики"), то есть желание и готовность насладиться властью над людьми и обстоятельствами. Наверно, такая ориентация чуть ли ни в чистом виде воплощает установку "власти над...", власти как самоценности. Причем властолюбие, свидетельствует хорошо проверенный

опыт истории, может прекрасно уживаться с честолюбием и корыстолюбием - эти мотивы не только легко совмещаются, но и способны усиливать друг друга.

Властолюбие в сфере политики необычайно быстро приводит к этическому релятивизму, от которого уже рукой подать до цинизма и аморализма в их крайних формах ("фашизоидность"). Причем опять таки независимо от того, относится ли это к перворазрядному политику или уже к тому, кто едва успел вскарабкаться лишь на начальную ступеньку властной иерархии, к политику, который прямо-таки рвется к прилюдной демонстрации своих властных возможностей, или к тому, кто действует за авансценой, в тиши кабинетов, выступая "серым кардиналом", предпочитая втайне испытывать наслаждение своим властным могуществом.

Политическим гедонизмом трудно насладиться вдоволь ("власть влесть") и от него не просто добровольно отказаться, тем более, если политик пристрастился к нему как к наркотику. Хотя богатая событиями история политической жизни и дает нам впечатляющие примеры ухода с политической сцены и передачи власти другим ввиду пресыщения ею (Сулла, Диоклектиан, Карл V и другие), все равно примеры эти редки и даже вызывая восхищенное удивление, скорее подтверждают силу правила, нежели ставят его под сомнение.

Тема о мотивации к политическому успеху, неудержимого влечения к власти (в том числе и в случаях неуспешного ее использования) еще далека от исчерпания. Но сейчас нам предстоит сделать в своих рассуждениях решающий шаг и задать "роковые" вопросы: неужели кроме приобретательских побуждений, потуг тщеславия или честолюбивых страстей, тайного или же явного упоения собственным властным величием в природе человека нет места для таких мотивов домогания власти и пребывания в ней, которые можно было спокойно отнести к числу нравственных? Разве политическому гедонизму остается противопоставить только "добродетели" политического аскетизма? Неужели политический успех достигается только путем использования неблагоприятных средств, а всякий "благородный рыцарь" на ниве политики обречен на дон-кихотство? Разве политическая власть развращает в такой мере, что нет иных способов обезопасить политиков от саморазложения, кроме как поспешной эвакуации из мира политики? Неужели фигура, воплощающая известное единство власти и морали, может быть только трагической и никак нельзя поскользнуться на натертом до блеска паркете политики и не впасть во зло? И прав ли был мудрый Хайям, когда изрек: "власть над людьми - насилие над собой"? Неужели политика в такой мере источает грязь (и кровь), что там негде угнездиться нравственности? Положительный ответ на этот вопрос позволит продолжить обсуждение проблем этики политического успеха.

Совершить этот заветный шаг помогают этико-социологические разработки М.Вебера. Опираясь на них, рискнем предложить гипотезу, согласно которой на белом свете существуют политики истинные и - лишь отчасти - таковые. Не говоря уже о всевозможных проходимцах, о людях порочных, рвущихся к политическому успеху "любой ценой", невзирая ни на "какую-то там" этику успеха и политическую совесть. Жаждающие власти как самоценности часто, слишком часто, добиваются желанного, чтобы можно было надменно пройти мимо печально известных изречений о политике как "грязном деле". Некоторые психологи без затей уверяют, будто "политик - это уже диагноз" и там, где политика, там неизбежен запах серы - предвестник визита из преисподней. И все же политика, успех и этика - могут соотноситься и как "братание невозможностей" (по Шекспиру), и как невероятное совпадение. И еще напомним - политическая этика имеет дело не только с политиками, но и со всеми, кто соприкасается с политикой, и неужели только поэтому соприкоснувшийся обречен выпачкаться "в политике" или запятнать себя уклонением от гражданского долга? Обо всем этом - в следующем, четвертом, выпуске нашего Вестника.

ДЕЛОВОЙ УСПЕХ В ГРУППОВОМ СОЗНАНИИ РАБОТНИКОВ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Нет никакого сомнения, что реализуемая в России модель экономической реформы предполагает в качестве основного действующего лица в социально-экономическом театре человека, активно добывающегося делового успеха. Почти также очевидно, что возможность достижения целей осуществляемой "сверху" реформы прямо зависит от ее социальной базы. Нет смысла доказывать, что исходный уровень массового и группового сознания не соответствует ожидаемым результатам; поэтому особенно важным критерием оценки процесса реформирования экономики является изменение структуры массового сознания под воздействием происходящих в обществе перемен.

Одной из особенностей современной ситуации является то обстоятельство, что, пожалуй, впервые в истории изменения революционного характера происходят в условиях, позволяющих осуществлять эмпирическое наблюдение за всеми этапами происходящего процесса. К числу таких наблюдений относится и опубликованное в первом выпуске "Этики успеха" исследование А.Панарина "От патерналистской морали к морали успеха".

Ниже излагаются результаты исследования, проведенного владимирскими социологами в 1991-94 гг. и направленного на изучение динамики интересов и ценностных представлений работников промышленности в условиях смены форм собственности.

Наиболее достоверными являются выводы, полученные разными исследователями с помощью разных методик. С этой точки зрения очень важно, что в наших наблюдениях нашли однозначное подтверждение такие выводы, как относительно быстрое изменение идеологических стереотипов по сравнению с обусловленными социокультурой; большее значение ценностных представлений - по сравнению с экономическими интересами - для формирования отношения работников к экономической реформе (на пройденных ею этапах); отсутствие глубокого неприятия предпринимательства; меньшее, чем ожидалось, напряжение, связанное с экономическим расслоением общества.

Вместе с тем результаты нашего исследования дают меньшие, чем в работе А.Панарина, основания для оптимистических прогнозов, что связано, с одной стороны, с естественным различием в интерпретации результатов, а с другой - с различиями в объектах исследования (в нашем случае - свыше 13 тысяч работников 34 промышленных предприятий, расположенных во Владимирской, Рязанской, Самарской, Нижегородской, Иркутской областях и в Мордовии).

Патерналистские ожидания, свойственные подавляющему большинству работников, и ориентации на успех, разделяемые хотя и активной, но малочисленной частью работников, неодинаково выражены в разных группах; взаимосвязь между патерналистскими ожиданиями и ориентациями на успех неоднозначна и далеко не всегда носит характер несовместимости.

В среднем четверть работников разделяет самостоятельные ориентации, противостоящие патернализму, однако лишь от 3 до 10% работников изученных предприятий предполагают в случае безработицы заняться индивидуальной трудовой деятельностью или открыть свое дело. Рост образования работников, как правило, связан с более позитивным отношением к экономической реформе, однако инженеры предприятий и НИИ, работающих в области высоких технологий, отличаются более сильной государственно-патерналистской ориентацией по сравнению с менее образованными коллегами с других предприятий.

Патерналистские ориентации относятся к наиболее устойчивым элементам массового сознания. Громадные изменения, происшедшие в стране в 1991-93 гг., практически не повлияли на степень их распространенности. Для сравнения стоит указать, что такая важная

составляющая общественного сознания, как стереотип социальной справедливости, претерпела кардинальные изменения. Если в 1992 г. 60-70% рабочих и 50-60% служащих считали, что обеспечить справедливость можно только путем беспощадной войны с новоявленными миллионерами, то в 1993 г. распространенность этой позиции снизилась в 2-3 раза; зато представление о социальной справедливости как экономической свободе (праве каждого на неограниченные доходы в любой законной сфере деятельности) разделяли в 1992 г. 34-35% рабочих и 37-52% служащих, а в 1993 г. – соответственно 48-63% и 52-73%.

Заметно изменилось отношение к собственности, к проблеме эксплуатации, к проблеме безработицы, но патерналистские ожидания оказались устойчивыми и можно было ожидать, что дальнейшее накопление изменений социальной ситуации в стране с течением времени создаст высокую "разность потенциалов", способную "пробить" барьер патерналистского сознания. Однако, как показали последние наблюдения (1994 г.), наблюдается скорее обратная тенденция. Отсутствие положительных результатов реформы в течение длительного периода имело следствием некоторый сдвиг в сторону еще большего усиления государственно-патерналистских ориентаций, особенно среди рабочих (с 33-55% в 1993 г. до 50-65% в 1994 г.).

Характерно, что общая постановка вопроса о патерналистских или самостоятельных ориентациях (в первом случае - "долг государства заботиться о каждом своем гражданине, его работе и социальной обеспеченности, а долг работника - честно выполнять порученное дело", во втором - "все трудоспособные должны сами заботиться о заработке, а социальная защита должна быть обеспечена лишь тем, кто не может работать") показывает большее число самостоятельно-ориентированных работников, чем постановка вопроса о личных планах поведения каждого респондента в случае безработицы. Аналогичные соотношения получены при сопоставлении ответов на вопросы о критериях оценки наиболее уважаемых работников - 17-25% рабочих и 35-50% служащих считают таким критерием инициативность и предприимчивость и о личных требованиях к месту работы – возможность проявить инициативу и предприимчивость хотели бы иметь лишь 2-9% рабочих и 5-17% служащих.

Такое стремление может рассматриваться как ориентация на успех предпринимательского типа. Однако, было бы, видимо, неверно считать успех категорией, присущей лишь обществу с рыночной экономикой. Успехом, по нашему мнению, можно считать достижение личностью значимой цели путем осознанно направленной на эту цель деятельности. Тогда стремление иметь "возможность честным трудом заслужить уважение и доверие" также может рассматриваться как ориентация на успех (социалистического типа). Ее разделяют 7-18% рабочих и 7-21% служащих, причем более высокий уровень образования, более молодой возраст и более универсальная профессия способствуют повышению доли ориентированных на успех предпринимательского типа и снижению доли ориентированных на успех социалистического типа.

Предусмотренная анкетой оценка представлений о хорошей работе включала в себя также такие варианты ответов, как "возможность больше заработать тому, кто больше работает" (так ответили в среднем четверть рабочих и треть служащих) и "интересная работа" (меньше четверти рабочих и половина служащих), которые при определенных условиях также могут рассматриваться как связанные с категорией успеха. Однако, как и следовало ожидать, наиболее распространенные требования к месту работы (до 3/4 опрошенных) отражают сугубо патерналистские ожидания материальных и других благ (высокая заработная плата, улучшение жилищных условий, благоприятные условия труда) от кого-то, имеющего власть, а также ориентацию на хороший коллектив (в среднем 40% рабочих и служащих). Наконец, от 10 до 20% рабочих и служащих считают главным требованием к месту работы недопущение высоких различий в оплате труда разных категорий работников; такое откровенное стремление к уравниловке может рассматриваться как ориентация на "анти-успех". Все перечисленные представления распространены среди

работников в 1994 г. так же, как и в 1993 г., и лишь патерналистские ожидания высокой заработной платы и благоприятных условий труда в 1994 г. несколько усилились среди рабочих отдельных предприятий.

Таким образом, характеристики социальной структуры работников с учетом их динамики не позволяют ожидать скорой смены патерналистского сознания на самостоятельное и массового развития ориентаций на успех.

Оценка социального самочувствия работников с различными ориентациями показывает, что реальная ситуация на предприятиях, как правило, благоприятна для работников, ориентированных на успех социалистического типа, нейтральна по отношению к патерналистским ожиданиям и неблагоприятна (во всех случаях!) для ориентации на возможность больше заработать тем, кто больше работает. Ориентациям на успех предпринимательского типа способствует, а ориентациям на "анти-успех" препятствует ситуация на приватизированных предприятиях; ситуация на государственных предприятиях, не подлежащих приватизации, характеризуется обратными тенденциями. Указанные особенности социальной ситуации можно было бы расценить как воздействие на массовое сознание, ускоряющее формирование прорыночной психологии, в том числе - ориентации на успех. Однако в начале 1994 г. на большинстве исследованных предприятий начались сокращения, а потом и остановка производства, сокращение численности или принудительные административные отпуска персонала, что, безусловно, создает среду, противодействующую планируемому реформаторами изменению психологии работников. При проведении интервью большинство респондентов отмечает наличие, по их мнению, причинно-следственной связи между сменой форм собственности и ухудшением экономического положения предприятия (даже если такая же ситуация отмечается на расположенном рядом государственном предприятии).

К сожалению, сегодня можно говорить о потенциальной, а не о реальной социальной базе экономической реформы; ни рабочие, ни инженеры, ни управленцы, ни предприниматели не видят действий, направленных на создание благоприятных условий для их деятельности (напомним, что исследование проводилось только на промышленных предприятиях).

Что касается потенциальной социальной базы реформы, то о ней можно судить по социальным портретам работников с разными ориентациями, точнее, по отличительным признакам этих портретов. Признаком, характеризующим определенный тип работника, считается такой, который отмечен не менее чем у 50% членов данной группы, а отличительным признаком - только такой, который присущ не каждой из рассматриваемых типологических групп.

Патерналистские ожидания социальных благ свойственны женщинам-рабочим с низкой трудовой активностью; они считают, что акционирование их предприятия привело к снижению уровня заработной платы и усилению несправедливости в оценке и оплате труда; безработицу они считают недопустимой ни в коем случае; главным критерием оценки руководителей они считают его моральные качества; отличаются ярко выраженными государственно-патерналистскими ориентациями.

Типичные признаки работников, ориентированных на хороший коллектив и "анти-успех" (уравнительную оплату труда) практически такие же, лишь первый из этих типов рассматривает в качестве критерия оценки на наиболее уважаемого работника универсальные (пригодные для любой социальной системы) характеристики - умение работать больше и лучше других, а также умение ладить с людьми; второй из этих типов к отрицательным результатам акционирования предприятия относит, кроме перечисленных недостатков, также уменьшение возможности получения жилья, ухудшение материально-технического снабжения, снижение возможности защиты от несправедливости.

Интересная работа - это мотивирующий фактор для женщин-служащих с относительно высокой трудовой активностью; из результатов акционирования они негативно оценивают в основном снижение уровня оплаты труда; как и предыдущие типы, считают безра-

ботицу недопустимой, в оценке работников пользуются универсальными критериями; характеризуются государственно-патерналистскими ориентациями.

Работники, ориентированные на возможность больше заработать тому, кто больше работает - это рабочие (независимо от пола), негативно оценивающие изменение оплаты труда, справедливости в его оценке, возможности получения жилья и возможности защиты от несправедливости; безработицу они считают недопустимой, в оценке работников пользуются универсальными критериями и отличаются государственно-патерналистской ориентацией; для этого типа характерен заметный удельный вес рационализаторов.

На успех социалистического типа ориентированы в основном женщины-рабочие; безработицу они считают недопустимой; руководителей они оценивают по их моральным качествам, а коллег - пользуясь универсальными критериями; положительно оценивают деятельность непосредственного руководителя; отличаются явной государственно-патерналистской ориентацией; для этого типа также характерна относительно высокая доля рационализаторов.

Работник, ориентированный на успех предпринимательского типа - это мужчина-служащий с высшим образованием и с наиболее высокой по сравнению с другими типами трудовой активностью; считает, что акционирование предприятия необходимо и, как правило, видит положительные результаты проведенного акционирования; предпочтительной формой собственности считает коллективно-долевою; позитивно оценивает деятельность как непосредственного руководителя, так и директора предприятия; в оценке коллег пользуется критериями, характерными для традиционного общества; рассматриваемый тип - единственный, не считающий безработицу недопустимой и не характеризующийся государственно-патерналистской ориентацией.

Подобная типология, проведенная по нескольким важным критериям, позволяет оценить существующую и потенциальную базу экономической реформы, однако, она свидетельствует, с одной стороны, об абсолютном преобладании государственного патернализма в структуре социокультурных ценностных представлений, а с другой - о низкой трудовой активности работников, разделяющих традиционную или квази-социалистическую систему трудовых ценностей.

Возможно, решающим моментом в оценке динамики социальной базы экономической реформы должен стать ожидаемый уже к концу 1994 г. всплеск безработицы. Исследования показали, что с 1991 по 1994 гг. вдвое снизился удельный вес работников, уверенных, что безработица их не коснется ввиду их добросовестности и высокой квалификации, а также доля считающих небольшую безработицу полезной; вдвое увеличилась доля считающих безработицу недопустимой. И это несмотря на пока еще незначительный уровень безработицы в стране. Воздействие ожидаемого всплеска безработицы на массовое сознание нужно рассматривать сквозь призму устойчивой патерналистской морали, свойственной большинству социальных групп работников. Экстраполировать рост социальной напряженности можно лишь до определенного критического предела, после которого дальнейшее проведение экономической реформы станет возможным лишь при использовании репрессивных методов или вообще невозможным.

По-видимому, распространенное среди аналитиков противопоставление патерналистской морали и морали успеха является не вполне корректным. Отличающаяся наиболее современной рыночной системой Япония построила экономическую систему, не исключая патерналистских ориентаций, а опирающуюся на них. В России, как уже отмечалось выше, нет оснований ожидать в ближайшие годы значительного снижения патерналистских ориентаций или значительного роста ориентаций на успех. Следовательно, формирование рыночной экономики должно опираться не на негативные оценки этого фактора, а на сам этот фактор как данность.

ПРИРОДА ПРОФЕССИИ

(Howard Becker. The Nature of Profession // Sociological Work: Method and Substance. Chicago: Aldine Publishing Company, 1970)

1. Дискуссия

Вопрос "Что есть профессия?" не нов. Исследователями было предложено множество определений. Другие смыслы подразумеваются в повседневной речи. Представители распространенных профессий, просто интересующиеся этой темой и обществоведы - каждый использует это слово по-своему. Из-за противоречивости суждений не было достигнуто ни одного соглашения относительно точного определения термина.

А.Флекснер предвосхитил тон дискуссии в своей классической статье "Является ли профессией социальная работа?" (1). Он отметил: "В строгом употреблении термин профессия противоположен бизнесу или ремеслу и служит для обозначения специфического разграничения, скрывающегося за многообразием деятельностей. До сих пор он употреблялся достаточно беспорядочно". Флекснер выдвинул шесть критериев для отличия профессии от других видов деятельности ... С его точки зрения, профессиональная активность изначально была интеллектуальной, что влекло за собой персональную ответственность; базируясь на обширных познаниях, а не одной лишь рутине, она была поучительной; скорее она являлась практической, чем академической или теоретической; ее методам можно обучиться, и это составляло основу профессионального образования; она была четко внешне организованной; и, наконец, мотивировалась альтруизмом: профессионалы считают себя работающими на тот или иной аспект общественного блага.

Однако Флекснер, возможно, почувствовал, что его анализ становится слишком ригидным, слишком механистичным, и заключил свои объективные критерии следующей радикальной оговоркой: "Какова по преимуществу сущность профессии? В любом роде активности может быть обнаружен подлинно профессиональный смысл. В отношении корысти или эгоизма юриспруденция и медицина, так же как и другие общепринятые профессии, с этической точки зрения не лучше торговли. По мере честного продвижения вперед торговля имеет тенденцию приближаться к уровню профессии. Бескорыстное призвание (unselfish devotion) тех, кто сделал своей задачей подогнать мир под необходимые жизненные мерки, позволяет этим людям придавать социальной работе профессиональный смысл и таким образом до некоторой степени ставить ее над всеми разграничениями, на которые я потратил столько усилий". (2)

Попытка Флекснера найти дефиницию не была последней. Оглядываясь на более совершенные версии дифференцирующих критериев, трудно взять в толк, почему кое-кому хотелось бы внести такие изменения в формулировку Флекснера, чтобы сходство между ею и последующими версиями было выразительнее, чем различие.

Несколько примеров проиллюстрируют этот момент. А.Карр-Сандерс и П.Уилсон, конструируя идеально-типическую модель, пришли к заключению: "Приложение интеллектуальной техники к заурядному жизненному бизнесу, достигнутое в результате продолжительного специализированного тренинга, есть главная отличительная характеристика профессии".(3) Р.Тайлер обнаружил две существенные черты подлинной профессии, которые скорее являются общезначимым этическим кодексом, поддержанным группой дисциплин, или основой для разработки общих принципов, нежели руководящими указаниями или правилами мастерства. (4) Л.Блауч перечисляет следующие отличительные признаки профессии: специализированные навыки, требующие дополнительного обучения и тренинга; успех, более измеряемый качеством деятельности, чем финансовым критерием; организация профессиональных объединений для сохранения и совершенствования сферы деятельности, а также проведение в жизнь этического кодекса. (5)

В.Гуд полагает, что хотя эти определения отличаются большим единодушием, между нами сохраняется несоответствие. (6) М. Коган, автор тщательного и растянутого обзора литературы, пришел к следующему выводу: "Широкого принятия какой-либо из "авторитетных" дефиниций замечено не было". (7) Почему при такой высокой степени согласованности между исследователями проблемы оказалось невозможным их согласие по поводу определения?

Ответ на вопрос мы можем найти при рассмотрении некоторых неясностей в утверждениях Флекснера. Во-первых, он не понятен в следующем отношении: профессии должны быть определены с помощью объективных признаков организации и деятельности, или по отношению к похвальной моральной позиции людей, практикующих эти профессии? Он представляет перечень объективных критериев, относительно которых могут быть рассмотрены любые занятия. Но в конце концов он отрицает полезность этих критериев, а взамен полагается на наличие или отсутствие "подлинного профессионального духа", присущего бескорыстному призванию. Однако, какова связь между теми родами деятельности, которые обычно распознаются как профессии, - медициной, юриспруденцией и, возможно, инженерией, - и указанными в дефиниции объективными критериями? Являются ли все эти профессии планкой, относительно которой должен измеряться уровень других, а их собственный "профессионализм" не требует доказательств? Или эти роды занятий просто относительно хорошие, но все же не совершенные воплощения идеала, заключенного в определении?

Эти двусмысленности не случайны. Они возникают из-за того, что одному термину приходится выполнять две различные задачи. С одной стороны, мы используем "профессию" в качестве научного понятия. Тщательно сформулированный на основе вышеперечисленных различий, термин, по нашему мнению, должен указывать на абстрактный и объективно различаемый класс человеческих феноменов. Он является вербальным инструментом, с помощью которого обществовед выделяет определенный род профессиональной организации для последующего анализа и исследования. Употребляя этот термин, социолог подразумевает, что он должен быть таким же нейтральным и дескриптивным, как и другие, употребляемые им. Он хочет сделать достижимым выделение профессии как одной из общественных форм деловой организации. Таковым было и намерение Флекснера.

Но понятие профессии не является исключительным достоянием социальных наук. Это термин индивидуального сравнения и моральной оценки; прилагая его к определенному занятию, люди имеют в виду, что оно является морально поощряемым; отказываясь применять его к другим занятиям, они тем самым не удостаивают их репутации моральных. Очевидно, такое значение термина, каким пользуются представители профессий и непрофессионалы, и имел в виду Флекснер, когда отказался от первоначального перечня критериев и обратился к "подлинному профессиональному духу" бескорыстного как ключевому критерию.

В теории нетрудно сочетать эти два подхода к употреблению термина; нет причины, лишающей возможности использовать морально-оценочные критерии для создания объективно различаемого класса феноменов. На практике, тем не менее, возникают существенные трудности.

Аргументом не в пользу вышеприведенной дефиниции частично является несоответствие, ощущаемое между общепринятым употреблением термина "профессия" и результатами, которые могут быть достигнуты при строгом приложении моральных критериев к существующим профессиональным группам. Оно, возможно, повлечет вывод, к которому пришел Флекснер: некоторые виды работы фактически могут являться профессиями, и многие из тех видов работы, которые принято называть профессиями, могут не заслуживать этого названия.

Усовершенствование дефиниции заключается в попытках соединить традиционное словоупотребление и строгий набор моральных критериев таким способом, чтобы полу-

чить научный концепт. Но они почти неминуемо проваливаются, поскольку популярное словоупотребление изменяется и становится неточным под ударами согласованных действий профессиональных групп, завоевывающих почетный ярлык для своей профессии.

Аргументом не в пользу дефиниции также является несогласованность между представителями различных занятий внутри населения по поводу того, достигли ли определенные группы соответствующего почетного положения. Это отдельная часть основной проблемы. Социально-научные концепты связаны с представлениями людей, к которым они прилагаются, а также населения в целом. При создании абстрактных научных понятий мы стараемся не затрагивать представлений непрофессионалов. Более того, при попытке включить их в наши концепты мы сталкиваемся с неясностями, сопутствующими профессии.

Один из путей преодоления этой дилеммы - попытаться создать дефиницию, которая будет объективной и одновременно точно опишет мнение непрофессионала о занятиях как профессиях. Центральным для дефиниции является положение, что "профессия" - это почетный титул, термин одобрения. Оно дает понять, что профессия есть коллективный символ и символ высоко оцениваемый. Оно настойчиво утверждает, что "профессия" - это не нейтральный научный концепт, а скорее часть общественного устройства, названная Р.Тернером народным концептом - folk concept (8), при изучении которого нас интересуют способы его употребления и роль в социальных процессах.

Если мы принимаем такого рода дефиницию, возникают два вопроса для обсуждения. Во-первых, каковы по всеобщему соглашению черты трудовых групп, которые могут быть легитимно названы профессионалами?

Во-вторых, каковы фактические характеристики трудовых групп, считаемых профессиональными в настоящее время? Точнее, в каких отношениях реальность отличается от символа?

2. Символ

Более ранние попытки определить профессию были ориентированы на точное описание черт трудовой организации и деятельности, которые характеризовали занятия, признаваемые всеми за профессии, и только эти занятия, дифференцируя их от других. Такие определения, как мы видели, порождали напряженность между перечнем объективных различий и необходимостью брать в расчет субъективное понимание непрофессионалов, почему определенные занятия морально заслуживают титула профессии, а другие - нет. Поэтому, не стараясь усовершенствовать эти ранние попытки, я предложил рассматривать профессию как почетный символ, используемый в нашем обществе, и проанализировать его характеристики.

Проводя анализ, мы имели дело не с собственными характеристиками существующих профессиональных организаций, а с конвенциональными представлениями о том, какими они должны быть. Символ профессии включает комплекс идей о типе работы, присущей подлинной профессии; связях с представителями других профессий; внутренних связях; соотношениях между клиентами и основным населением; характере мотиваций представителей данной профессии и способах набора и обучения, необходимых для ее сохранения. В символе эти характеристики объединены соответствующей взаимосвязью.

Лучшим материалом для анализа символа могли бы стать сведения, полученные при исследовании смысла понятия "профессия", разделяемого членами нашего общества. Вместо таких исследований в качестве основы анализа я использовал определения, созданные более ранними исследователями проблемы. (9) Хотя эти определения (так или иначе) учитывали распространенные концепции, в них обнаружили соответствующие возможности для независимого построения символа.

Профессии обычно представляют в качестве занятий, монополизировавших некую эзотерическую и сложную часть человеческого знания. Оно считается необходимым для продолжения функционирования общества. То, что знают и могут делать представители

профессии, - чрезвычайно важно, и никто более не знает и не умеет этого. Архетипами здесь являются медицина и юриспруденция. Часть знания, монополизированная профессией, включает не технические навыки и плоды практического опыта, а скорее абстрактные принципы, вырабатываемые научными исследованиями и логическим анализом. Такое знание не может применяться шаблонно, а всякий раз осмотрительно и со знанием дела. Это имеет несколько следствий.

Во-первых, предполагается, что лишь наиболее талантливые люди располагают умственными способностями и необходимым темпераментом, чтобы усвоить и использовать подобные знания. Таким образом, пополнение должно подвергаться строгому контролю, гарантирующему, что неквалифицированные люди не станут представителями профессии. Во-вторых, предполагается, что строго контролироваться должно и вхождение в профессиональную практику, и что этот контроль в конечном счете должен находиться в руках самих профессионалов. Это означает, что должны использоваться политические силы государства для контроля посредством лицензирования. Но если знание, монополизированное профессией, настолько сложно для освоения, что ни один непрофессионал не может им овладеть, государственные структуры, предоставляющие лицензии, сами должны контролироваться профессионалами. Таким образом, санкции и полномочия образовательных институций и процедур также должны осуществляться представителями профессий. Короче, профессионал, благодаря эзотерическому характеру своего знания, свободен от непрофессионального контроля. И наконец, поскольку набор, обучение и вхождение в практику тщательно контролируется, любого члена профессиональной группы следует считать полностью компетентным для профессиональной службы.

Символ профессии отображает группы, чьи члены имеют альтруистические мотивации, а профессиональная активность направляется этическим кодексом, который особое значение отводит преданности делу и благосостоянию клиента и порицает употребление профессиональных навыков в эгоистических целях.

Предполагается, что клиент в состоянии брать в расчет лишь профессионала, который близко к сердцу принимает его основные интересы. Если клиент полностью доверяет ему, он должен чувствовать, что в профессиональной деятельности не существует интересов, более приоритетных, чем его. Среди интересов, считающихся нежелательными, могут быть связанные с институциями, внутри которых профессионал делает свою карьеру. Таким образом, идеальный профессионал - это частный практикант в собственном бизнесе. Он не подвержен давлению со стороны вышестоящих должностных лиц или бюрократической системы; его доход составляют вознаграждения, напрямую получаемые от клиента, а не от какого-либо третьего участника.

Перечисленные черты являются существенными компонентами символа "профессии". Повторимся, этот символ не описывает какое-либо из существующих занятий. Пожалуй, это эталон, который люди в нашем обществе используют для определения морального достоинства занятий. Символ являет собой согласие общества по поводу того, каким следует быть определенным типам трудовых групп, и потому не является точной копией какой бы то ни было реальности.

Какую роль этот символ играет в общественных процессах и функционировании трудовых групп? Во-первых он может рассматриваться как содержащий в себе идеологию оправдания и рационализации одного из важных аспектов ситуации в сфере труда групп, обладающих титулом. Профессионалы, по контрасту с представителями других специальностей, требуют и часто получают полную автономию в работе. Поскольку они располагают презумпцией быть единственными судьями своей деятельности, ни один непрофессионал или иной аутсайдер не могут судить о ней. Такой имидж оправдывает претензию профессионала на полную автономию и признание клиентом его собственного правосудия, ответственности и полномочий.

Поскольку символ легитимирует автономию работника, занятия, старающиеся возвыситься в мире, желают им овладеть, чтобы быть известными как профессии. Их успех не всегда бывает одинаковым как в присвоении необходимых признаков, так и общественном признании существующих притязаний. (Мера успеха обуславливает различия между профессиями, которые определил Карр-Сандерс, выделив собственно профессии, новые профессии, около-профессии (near-professions) и как бы-профессии (would be-professions). (10)

Познакомившись с профессиональным символом, мы должны вернуться к обсуждению реальностей производственной жизни. Каким образом занятия, обычно называемые профессиями, отличаются от символа?

3. Реальность

При сравнении профессиональной организации и практики с символом, который они стремятся воплотить, я не намереваюсь развенчивать что-либо. Люди часто допускают, что исторические профессии, в особенности медицина и юриспруденция, уже достигли полной идентичности с морально-одобряемым символом. Тот, кто скажет, что даже они отличаются от символа, может быть осужден за хамство или склочность.

Правильнее всего посмотреть на этот предмет без сентиментальности, не приписывая профессиям чрезмерной близости к идеалу и не осуждая их за несбывшиеся ожидания. Фактически отклонения от идеала не являются ни случайными, ни идиосинкразическими. Они встречаются систематически и порождаются действием социальных сил. Иными словами, они - неотъемлемые части социальных сил. Иными словами, они - неотъемлемые части социальной структуры профессиональной жизни и воспринимаются как отклонения постольку, поскольку не признаются морально одобряемыми.

Медицина и юриспруденция не выдержали состязания с символом в удержании монополии на эзотерическое знание или функции. Действительно, многие юристы глубоко огорчены конкуренцией с не юристами во многих сферах правоохранительной деятельности. Юристы проводят экспертизу налогообложения и оформляют завещания, но и счетоводы занимаются анализом налогообложения, а банковские служащие имеют доступ к оформлению завещаний. Юрист сохраняет монополию в одной сфере: появляться в суде, чтобы защищать клиентов. Но это репрезентирует лишь малую часть его работы. Подобным же образом врачи выполняют функцию лечения болезней. И они делят ее с представителями иных профессий: остеопатами, хиропрактиками, педикюрщиками, целителями и так далее. Это знание не принадлежит лишь кругу полностью обученных и патентованных докторов, поскольку большая его часть создана и усвоена теми, кто к ним не относится, - учеными.

Реальность отличается от символа и другом отношении. Члены профессии не являются одинаково компетентными, чтобы удовлетворять высшим служебным требованиям - "наиболее характерной черте профессионального акта" (11). Это происходит из-за огромной внутренней дифференциации и специализации, присущих современным профессиям. Дело даже не в существующем между ними производительном разделении труда, а именно в том, что высоким служебным критериям соответствуют лишь представители определенных специальностей. Но в этой связи мы обнаруживаем, что специальности настолько различаются по идеологии, ощущению своей миссии, трудовой активности и трудовой ситуации, что о них правильнее думать как об отдельных занятиях, нежели как о специализированных аспектах одного занятия.

Фактические отношения клиентов и профессионалов в огромной мере отличаются от предписываемых символом. В идеале клиент полностью доверяет свою судьбу профессионалу, чьими услугами он пользуется. Однако клиенты ведут себя не так. Они все время рассуждают о работе и способностях используемых профессионалов. Пациенты часто меняют врачей, решив для себя, - на основании собственных знаний и опыта или, часто, по совету друзей, родителей, соседей, - что другой доктор будет им более полезен. Коро-

че говоря, клиентам профессионалов свойственно сохранять за собой право суждения, в котором им отказывает символ.

В некотором смысле, нереалистичен символ трудовой группы, ограниченной этическим кодексом, защищающим клиентов. В каждой профессии есть лица, отступающие от него. Это неизменная черта социальной структуры престижных профессий, обратная сторона их дифференциации и специализации (хотя в этом случае дифференциация более связана с этичностью, чем с производством).

Наконец, практики, занимающиеся профессиональной деятельностью, не столь автономны, как убеждает нас символ профессионализма. Ограничения, которые корректируют содержание символа, коренятся в нескольких источниках. В традиционном типе частной практики, предполагающей непосредственную оплату, профессионалы могут быть ограничены в своих действиях желаниями клиентов. В той мере, в какой профессионал зависит от своей репутации среди обычных людей, он испытывает непрекращающееся давление, чтобы предоставлять именно такие услуги, которые в глазах пациента расцениваются как удовлетворительные. Э.Фрейдсон заметил, что медики общего профиля всех специальностей часто оказываются в подобной ситуации и наиболее независимы от пожелания клиентов в отношении методов лечения. (12) Находясь в существенной зависимости от обращающихся к нему лиц (стоя, как говорит Фрейдсон, в центре "непрофессиональной структуры оценивания" ("lay referral structure"), которая также включает друзей, соседей, родственников и аптекаря на углу улицы, медик старается реагировать на требования клиента в отношении новых лекарств и избегать процедур, которые, например, могут показаться пациентам не необходимыми и неприятными.

Профессионал может избавиться от ограничений, налагаемых своими клиентами, став частью организации, которая экономически или другим способом изолирует его от их притязаний. Так, О.Холл описывает тип медицинской карьеры, успех которой в первую очередь зависит от одобрения "внутренним братством" группы коллег, в которой отношения с пациентом не носят персонального характера. (13)

Такие доктора, обычно специалисты, освободили себя от требований пациентов. Но в результате они "отзывчивы к требованиям и выгодам неформальной организации медицинского сообщества", поскольку через нее получают пациентов. Теперь они часть "профессиональной структуры оценивания" ("professional referral structure) и опираются на профессиональный этикет. Чего они добываются при автономном *vis- a- vis* с клиентами, то они теряют при автономии *vis- a- vis* со своими профессиональными коллегами.

И наконец, в настоящее время многие профессионалы имеют то, что Фрейдсон именуется "организационными практиками". Это означает, что они работают в бюрократических организациях, как любые служащие, подчиняясь существующим правилам. Подобные профессионалы не ограничены ожиданиями клиентов и не ограничены ожиданиями коллег. Но достигая такую автономию, они потеряли автономию от бюрократической системы, внутри которой работают.

4. Выводы

Символы - полезные вещи. Они помогают людям и группам организовывать жизнь и одновременно воплощают концепции добра и достоинства. Они повышают возможность целенаправленного коллективного действия. Они делают более вероятной реализацию идеалов, поддерживаемых крупными сегментами общества.

Однако символы имеют свои патологии. Они могут настолько отрывать от реальности, что становятся непостижимым. По моему мнению, символ профессии переживает опасность подобной трансформации. Он игнорирует такие факты, как неспособность профессий монополизировать свою сферу сознания, отсутствие однородности внутри них, неприятие профессиональных оценок; постоянное присутствие аморальных людей, занимающихся практикой в интегрированном сегменте профессиональной структуры и организационные ограничения автономии профессионалов. Символ, который игнорирует

так много важных черт непосредственной жизни, не может быть адекватным ориентиром в профессиональной деятельности.

Образование, предполагающее учебные планы и программы, созданные на основании такого символа, оказывается неудачным с точки зрения подготовки студентов к будущей работе. Преподаватели должны проявить огромное старание, чтобы создать символ, более тесно связанный с реальностями трудовой жизни, символ, который мог бы явиться вразумительным и действенным моральным путеводителем в проблемных ситуациях выбора.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Flexner A. Is Social Work a Profession? Proceedings of the National Conference of Charities and Correction. Chicago: Hildman Printing Co., 1915. P.576-590.
2. Ibid, P.590.
3. Carr-Saunders A. M., Wilson P.A. The Profession. Oxford: Clarendon Press, 1933. P.491.
4. Tyler R.W. Distinctive Attributes of Education for the Professions // Social Work Journal. XXIII (April, 1952). P.52-62, 94.
5. Education for the Professions / Ed. by L.E.Blauch. Washington: Government Printing Office, 1955. P.1-8.
6. Goode W.J. Encroachment Charlatanism, and the Emerging Profession: Psychology, Sociology, and Medicine // American Sociological Review. XXV (December, 1960). P.903.
7. Cogan M.L. Toward a Definition of Profession // Harvard Educational Review. XXIII (Winter, 1953). P.33-50.
8. Turner R.H. The Normative Coherence of Folk Concepts // Research Studies of State of Washington. XXV (June, 1957). P.127-136.
9. Более подробный перечень характеристик содержится в указанной работе В.Гуда.
10. Carr-Saunders A.M. Metropolitan Conditions and Traditional Professional Relationships / The Metropolis in Modern Life / Ed. by R.M.Fisher. Garden City: Doubleday & Co., 1955. P.281.
11. Bucher R., Strauss A. Profession in Process // American Journal of Sociology. LXVI (January, 1961). P.328.
12. Freidson E. Client Control and Medical Practice // American Journal of Sociology. LXV (January, 1960). P.374-382.

Сокращенный перевод с англ. канд. филос. наук
Л.А.Козловой

О.Г. ЧАЙКОВСКАЯ

"ПРОФЕССИОНАЛИЗМ ДИЛЕТАНТОВ": СУД ПРИСЯЖНЫХ

"Схватиться за голову, это не значит взяться за ум", - читатель оценит глубину афоризма, - особенно если вспомнить, с каким отчаянием само наше общество, так сказать, схватилось за голову (все расплзается, крошится, рушится, куда не глянь - от основ экономики до личной индивидуальной нравственности), а на то, чтобы успокоиться и приняться за работу, на это у него словно бы сил не хватает. Значит есть настоятельная необходимость рассказать о тех, кто "взялся за ум" и принялся за работу. Кстати, с тем мы убедимся воочию, что далеко не все крошится и рушится - кое-что и произрастает. Кстати, и сам автор замечательного афоризма будет нам интересен, тем более, что имеет непосредственное отношение к нашей задаче - рассмотреть проблему профессионализма на материале тех преобразований судебной системы, которые происходят сегодня в нашей стране.

Сергей Пашин - начальник отдела Государственно-правового управления при президенте РФ. Убеждена, что будущие историки культуры назовут этого человека "отцом российской судебной реформы конца XX века". Хотя само слово "отец", предполагающее некую маститость, звучит тут не вполне уместно - Сергею Пашину нынче тридцать один. Его перу принадлежит ряд основополагающих законопроектов, уже вошедших в нашу жизнь - законопроект о судебной реформе, законопроект о Конституционном суде, проект уголовно-процессуального кодекса. Конечно, над этими документами работало множество людей, ученых экспертов, консультантов, сотрудников других ведомств, но писал он их от начала до конца своей собственной рукой.

Суд присяжных. Именно в связи с его введением С.Пашин сказал: "Через семьдесят шесть лет в Россию возвращается "суд улицы", "суд народа" - форма судопроизводства, позволяющая рассматривать правонарушения не только с точки зрения формально-юридических требований закона, но и нравственных позиций самого общества". "Суд улицы"! - согласитесь, вопрос поставлен остро. Ведь противники реформы как раз и возражали против "суда улицы", а сторонники ее как раз этого и боялись. И в самом деле, с каких это пор улица выражает нравственные позиции общества (есть тут и проблема более глубокая: каковы нравственные позиции самого общества - и с чем в конце концов их сравнивать?).

Но ведь улица - это вовсе не то место, куда приличных мальчиков не пускают гулять, на улицах - городских, деревенских, поселковых - живет все население страны, простые нормальные люди. Им, обычным, отобранным по принципу чистой случайности, поручил законодатель судить - и притом по самым сложным, трудным делам. Говорят, лучшего судоустройства человечество еще не придумало.

Итак, наша тема парадоксально преобразуется следующим образом: непрофессионализм и его преимущества.

Нынешнее введение в России суда присяжных вызвало немалую тревогу. Готова ли к этим переменам теперешняя судебная система - да и сама Россия? Нет ли тут очередной попытки перенести на нашу изуродованную почву судебное устройство, успешно работавшее и работающее в иных условиях? Достаточно ли хорошо знают жизнь, невероятную по сложности российскую действительность наши реформаторы?

Что до российской действительности, то они хорошо ее знают, во всяком случае ударились об нее едва ли не с самых первых своих шагов - на их пути стояли мощные препятствия: старая судебная система, уходящая корнями в большевистский режим насилия и произвола; правосознание народа, искалеченное этим режимом; законодательство, до-

пускающее произвол, безнаказанность властей, в частности того следственного аппарата, который мы называем "черным следствием"; слабость и подбострастие суда. Мало было создать хороший законопроект, нужно было подготовить для него здоровую почву. Нужно? Легко ли это, если самая эта почва отравлена ядом правового нигилизма, заросла диким бурьяном беззакония? Нужно было готовить кадры юристов, которым была бы понятна суть реформы и ее необходимость. Для начала выделили несколько регионов страны (кстати, в дореволюционной России тоже так начинали судебную реформу), - юристы этих регионов, правоприменители постепенно входили в ее теорию и практику на симпозиумах и семинарах, на деловых играх (о просветительской роли их я писала в "Литературной газете"), наконец, в ходе судебных процессов, пока еще тоже игровых, где судьи и прокуроры исполняли роль присяжных, подсудимых и т.д. Интересно шла работа, талантливо, весело: участники ее были увлечены, тем более, что чувствовали: умнеют день ото дня. Шел сильный тренинг, да и круг реформаторов сильно расширился. К тому моменту, как проект уже готов был стать законом, почва для него была вспахана и удобрена.

И все-таки это было еще полдела: предстояло почти невозможное - протащить законопроект через Верховный Совет, где было немало юристов крайне реакционного, "черного" направления. Сергею Пашину, защитнику законопроекта, нелегко пришлось на трибуне. Зал был угрюм, тогдашний Генеральный прокурор В. Степанков яростно пошел в атаку, утверждая, что суд присяжных в России ввести невозможно, да и не нужно, он будто бы помешает борьбе с преступностью. Чтобы показать уровень правосознания, любопытно привести аргументацию (цитирую по печати): "Если прокурор оказался умным, хитрым, изворотливым и сумел доказать вину - он ее докажет, - говорил Степанков. - Если хитрее, изворотливее оказался адвокат, то все на этом кончится". Что под этим разумеется - "все"? Оправдательный приговор, по-видимому? В сознании Генерального прокурора нет понятия истины и справедливости, есть одна изворотливость. И еще: в сознании Генпрокурора суд присяжных - обходится без самих присяжных.

И представьте себе, подобная логика убедила Верховный Совет: законопроект был отклонен. Казалось: российская судебная реформа на грани гибели. Только с третьего раза (и в отсутствии Генпрокурора) проект прополз через Верховный Совет, порядком ободраный, сильно израненный, но - живой.

Вот как работали эти юристы, вот как мужественно отстаивали свою позицию, какую машину завели в нашей бедной, стосковавшейся по закону и справедливости стране.

Можно ли говорить о том, что в нашей общественной жизни действительно прорастают новые силы? У нас есть возможность проверить это на практике. Сейчас в России прошло уже более ста процессов (и, что не менее важно, многие области страны стремятся и у себя ввести эту судебную систему) - есть уже некоторые основания для выводов. Но прежде, чем перейти к такой проверке, остановимся все-таки на некоторых предварительных сведениях - о том, каковы должны быть присяжные согласно закону. Это тем более необходимо, что в обществе, даже интеллигентном, укоренилось убеждение, будто присяжные заседатели - это в сущности то же самое, что и народные, только еще хуже: эти последние по крайней мере находятся под присмотром юристов, а присяжные уже окажутся без всякого присмотра, и неизвестно, что они наворочают с людскими судьбами. К этому соображению надо прибавить, что в последнее время, с "переходом к рынку" нарзаседатели перестали являться в судебное заседание - своему гражданскому долгу они (и те учреждения, что их выбирали) открыто предпочли денежный доход; их просто не отпускают с работы, да им теперь и самим не хочется. Это стало ужасом судебной системы: сидят участники процесса часами, днями сидят, ждут заседателей. Копятся горы незаслушанных дел, томятся в тюрьме узники, ждут суда. "А ваши "люди улицы", в числе уже не двоих, а двенадцати, и вовсе не соберутся", - говорят противники реформы.

Между тем, присяжные заседатели и нарзаседатели не только резко отличаются друг от друга - они во многом полярны по своему статусу, своим обязанностям и функциям. Это необходимо понять.

Прежде всего речь у нас пойдет об уважении и самоуважении.

Всякому понятно, что человек уважаемый сильно отличается от того, кто живет в непрестанном унижении. В том и состоит одно из самых резких различий: нарзаседатель унижен перманентно. И тогда, когда его выбирают в качестве самого худшего, просто ничемного, кого не жаль отпустить в суд. И тут, в суде, он тоже являет собой фигуру ничтожную, и сам он, бедняга, и все окружающие знают: сидит он тут для мебели. Он робок, боится и судьбы, и начальственного гнева "в случае чего".

А присяжный заседатель? Он, присяжный заседатель, - это ум и сердце судебного процесса. Тот, (повторим, по принципу чистой случайности) отобранный в число присяжных, разом становится человеком особым, личностью особого значения. Он как бы обведен невидимым кругом прав и привилегий. Он независим, эта его независимость специально защищена законом: всякий, кто вмешивается в его судебную деятельность, несет уголовную ответственность. Он неприкосновенен - и сам он и его семья, и его имущество состоят под охраной государства; в отличие от народного заседателя его работа в суде оплачивается. Никто не должен с ним общаться: речь не только о совещательной комнате - она, как всякому понятно, святая святых, - нет, даже прокурор и другие участники процесса могут обращаться к нему только с разрешением судьи.

Он как бы выключен из обыденной жизни в дни процесса, суть его существования состоит в самом процессе и только в нем.

Независимость и неприкосновенность присяжного - что может быть важнее для правосудия? Но есть обстоятельство, не менее важное - его непредубежденность, чистота и незамутненность его сознания, его внутренняя независимость.

Как вступает в дело народный заседатель? Нередко он заранее о нем знает (предположим, из ради выступления, незаконного, разумеется, прокурора, который назвал последнего преступника). Когда он (очень тихий и робкий) приходит в суд, ему предлагают ознакомиться с делом, и вот открывает он первый том - фотографии убийства! Открывает второй - фотография подсудимого, тот стоит, указывая пальцем в землю - тут, мол, мы его убили. Откуда знать нарзаседателю, что перед ним один из самых избитых приемов "черного следствия": если человек "признался", его приводят на место несовершенного им преступления и фотографируют вот так, с вытянутым пальцем. Доказательственной силы снимки не имеют, зато рассчитаны на впечатление - и заседатель действительно поражен. А когда в процессе судья читает обвинительное заключение, для нарзаседателя оно вообще уже звучит как приговор обвинительный.

А присяжный заседатель, придя в суд, не должен знать о деле ничего - равным счетом (его даже спросят, знает ли он об этом деле вообще, и если знает, это можно считать причиной отвода - даже так).

Перед началом суда в особом заседании, где нет присяжных заседателей, юристы - судья, адвокат, прокурор проверяют качество доказательств, если они недоброкачественны - предположим, те же фотоснимки "с вытянутым пальцем", - если добыты незаконными методами, их изымают из процесса, и присяжные, случайно отобранные и ничего не знающие, никогда о них не узнают.

Это незнание психологически обеспечивает внутреннюю независимость присяжного заседателя. Присяжный живет в атмосфере уважения, более того, почтения и сам переживает высокие минуты - это минуты присяги. Текст ее читает судья - от первых слов: "Клянусь исполнять мои обязанности честно и беспристрастно" - и до последних: "разрешать дело по своему внутреннему убеждению и совести, как подобает свободному гражданину и справедливому человеку". Здесь не просто торжественность минуты, здесь сознание ответственности в том великом и страшном деле, когда один человек судит другого.

И, наконец, главное: присяжные видят, что тут, в суде, действительно ОНИ самые нужные, для НИХ ведут допрос и прокурор и адвокат. ИМ доверены судьбы. На НИХ ответственность.

В кругу этого уважения, с сознанием этой своей ответственности, этой высокой власти, с ощущением этой своей независимости люди, люди те самые, случайно выбранные, начинают работать во всю силу той интеллигентности, которая заложена в каждом из нас.

Во всю силу своей интеллигентности. И я видела, как это происходит. Я смотрю на присяжных - какие непохожие люди. Совсем молодой простодушный паренек - и пожилой человек, на вид научный работник. Женщины явно самого различного уровня образования и разного социального статуса. Каким видится им старик Артюхов?

Мне пришлось уже писать об этом процессе, сейчас возвращаюсь к нему, чтобы рассмотреть его как бы глазами присяжного заседателя.

Ах, как нехорош был старик, сидевший на скамье подсудимых. Мал ростом, жилист, совершенно лыс, если не считать густых зарослей по самому краю черепа - не то перья, не то шерсть. Вместо кистей у него клешни (нехватка пальцев). Честно говоря, даже страшноват. И понимаешь, почему его адвокат задает вопрос присяжным, не вызывает ли у кого-нибудь из них "отрицательных эмоций" внешний вид подсудимого.

- У меня вызывает, - честно признается один из присяжных и его, разумеется, тут же отводят.

Заметим попутно: если до судебного процесса присяжных отбирают по принципу чистой случайности, то теперь, в суде, идет уже отбор-проверка. Этот отбор не пройдут ни ханурик, ни явный неврастеник, ни истеричная дама (кстати, у каждой стороны есть право двоих присяжных отвести безмотивно, не объявляя причин отвода). Надо ли говорить, что на этом этапе процесса проверяется, нет ли у присяжного какой-бы то ни было заинтересованности в деле, предубеждения и т.д.

Каким видится им старик Артюхов? Его обвиняют в убийстве соседа. Он стоит, встревоженный, похожий на сердитого петуха. Оказывается, он глух, не слышит, что говорят. Приходит врач со слуховым аппаратом. И вот теперь старик во всеоружии.

- Я заявляю и утверждаю, - говорит он не без высокомерия. - Все ложь, и я не виноват.

Его привели в милицию, - рассказывает он, - стали требовать, что-бы признался в убийстве, он вину отрицал, и тогда милиционер стал бить его книгой по голове.

- А что за книга была? - спрашивает находчивый прокурор.

- Не читал, - отрезал старик. - Не знаю.

Он стоит прямо, взгляд зоркий, аппарат в ухе, обе клешни цепко ухватились за барьер. Петух оказался бойцовым.

А что присяжные? По их лицам не поймешь, однако слушают внимательно.

А послушать есть что. Когда Артюхова привели к следователю (это была молодая девушка, только еще начинающая самостоятельную работу), и Артюхов объяснил ей, что не виноват, что он вынужден был себя оговорить. Эта девушка сняла трубку, сказала кому-то: "Он не признается", после чего вошел милиционер, а она вышла. Впрочем, во второй раз, когда она опять требовала, чтобы он признался, а он опять отрицал, она опять сняла трубку, опять сказала: "Он не признается", но когда снова вошел милиционер, уже не уходила, смотрела. Рассказ старика звучал тем более убедительно, что никаких доказательств его вины (если не считать его первоначального "чистосердечного признания") представлено не было.

Но почему в убийстве заподозрили Артюхова? Его покойный сосед приторговывал водкой, к нему ходили многие в деревне и из близлежащих деревень, любой пьяница мог его убить. На каких основаниях взяли старика под стражу? Это корневой вопрос правосудия: что позволит властям переступить барьер, который защищает наше священное право на свободу? Представьте себе, в нашей судебной практике на этот вопрос как правило ответа не ищут (неважно, мол, за что арестовали, важно, что вина доказана, а вина бывает доказана именно в условиях ареста, то есть принуждения, может быть, даже пытки). В суде присяжных этот вопрос поднял адвокат. И что же оказалось? - что Николая Ивановича арестовали вовсе не в связи с убийством, а совсем по другому поводу. На перво-

майские праздники Николай Иванович, сильно надрвавшись, висел на заборе своего соседа-директора, громко ругаясь матом. Вызванный в суд директор подтвердил - да, висел Николай Иванович на заборе и ругался матом, но он, директор, никакого значения этому не придавал, зная Артюхова как великолепного безотказного работника, который, однако, уходит порою в свирепый запой и тогда нехорош. Он, директор, о возбуждении по этому поводу дела слышит впервые, его даже в известность не поставили. Значит, арестовали старика по одному поводу, а били по другому?

- Да еще грозили, что убьют при попытке к бегству, - говорит Артюхов. - Вот так и был я все время под страстью.

Рядом со мной на процессе сидел американский юрист Стивен Тимэн.

- Посмотрите, - сказал он, - какие хорошие лица у присяжных.

Действительно, сосредоточенные лица, полные внимания, видно, эпизод с арестом произвел на них впечатление, и слова старика вызывают все большее доверие.

В кулуарах этого процесса произошел эпизод, который представляет для нашей темы интерес немалый. Речь шла о следователе, той самой девушке, что поднимала трубку и говорила: "Он не признается".

- Бедная девочка, - сказала о ней некая дама. - Сломают теперь судьбу.

Дама эта была юристом с многолетним стажем практической работы. Профессионал! Ее не волновали ни судьба старика, ни самая истина, ни законность, ей внятна была проблема служебных неприятностей коллеги, а равно и интересы ведомства. В том-то и дело, что профессионализм имеет своей оборотной стороной некие "профзаболевания", сужение кругозора, омертвление каких-то участков души явление, особенно опасное, когда речь идет о профессионалах, которые, имея дело с человеческими судьбами и страданиями, к ним неизбежно привыкают.

Есть качества, которые выше любого профессионализма, они свойственны в той или иной степени всем людям. Это живое участие в судьбе другого, понимание другого, чувство ответственности за него, сострадание к нему, сочувствие (это совсем не значит, что сочувствие обязательно к подсудимому, оно в той же степени может быть отдано потерпевшему - присяжные выносят и суровые вердикты: в Ростове приговором была смертная казнь). Весь процесс суда присяжных нацелен на то, чтобы обострить в них эти свойства.

В связи с самым первым судом (в Саратове) произошел такой эпизод. Закончено напутственное слово судьи, присяжные уходят в совещательную комнату, чтобы остаться тут наедине со своей ответственностью. Одна из них в эту минуту перекрестилась - интересно, почему? Сосредотачивалась ли она для предстоящей работы, очищала ли для нее свою душу? Вот тогда-то и вспомнился мне процесс Бейлиса, один из самых позорных, какой когда-либо шел в России. В ходе его раскрылись страшные вещи, темные полицейские провокации, однако, осталось неясным, что же из всего этого извлекли присяжные, люди малокультурные, - это сильно тревожило тех, кто болел за судьбу Бейлиса и справедливый исход дела.

Совещательная комната, присяжные одни. Никто не смеет знать, о чем они говорят и спорят. Но есть-пить им все-таки нужно, а потому к ним время от времени входят официанты. Все они агенты охраны (их-то рапортички и сохранились так сказать в архиве - да здравствует охранка!), в решительную минуту голосования кто-то из них вертелся в совещательной комнате и узнал: голоса разделились таким образом, что голос старшины стал решающим.

Вряд ли он был интеллигентнее своих коллег, этот пожилой человек, но он отчаянно боялся ошибиться. Тут же, в комнате, упал он на колени, воскликнул, крестясь: "Господи, вразуми!" и молча стал молиться. Присяжные ждали. Наконец, он поднялся с колен и сказал: "Невиновен".

"... ПРАВЕДНОСТЬ НЕЛЬЗЯ НАГРАЖДАТЬ УСПЕХОМ"

Слава, она может прийти и после смерти, успех ждать не любит. На то он и успех, и происходит он ведь от слова "успеть". Ему надо успеть при жизни, он привилегия жизни, это то, чем успеешь насладиться. Но - в результате - усилий, труда, риска, терпения... Успех как награда, во всяком случае это выигрыш.

Однако дворянство прежнего успеха сменилось, вместо трудяг появились игроки. Они ставят - на МММ, на Гермес, на Олби и прочие компании, фирмы, которые сменяются как кинофильмы. Ставят свои сбережения, свои и чужие деньги. Крутится всероссийская рулетка. Азарт игры охватил миллионы людей. Возле моего дома я ежедневно наблюдаю длинную очередь за акциями Гермеса. Часами, днями стоят. Соблазненные обещаниями неслыханных процентов, люди хотят заработать, не работая. С экранов телевидения, по всем каналам рекламщики уговаривают куда-то поместить ваши деньги, вложить их, предлагают сорвать куш, наварить, хапнуть, оторвать. Афиши в метро, трамваях, ото всюду предлагают отдать деньги, получить прибыль,- банки, биржи, компании, фирмы. Быстро вырабатывается всеобщая психология игроков, ловцов случая, живущих случайностью. Они рассчитывают не на работу, на выигрыш, получить большой процент, затем опять вложить, опять получить, задарма, за фу-фу.

Труд в сталинские времена считался "делом чести, доблести и геройства". Дети и внуки этих работяг сейчас ядовито интересуются: -"И что же вы получили за свою доблесть?". Выясняется, что ничего. Но позвольте, а как должна награждаться честность?

Существовала система поощрения орденами и медалями. Тщеславие удовлетворялось, даже выращивалось. Школа жизненного успеха наглядно позвякивала и поблескивала на лацканах пиджаков. Работяги старались, начальство гнало проценты, шло на приписки, устраивало показуху. Этика сводилась к выполнению плана. Какой ценой - вышестоящих не интересовало. Брежневское время вырастило поколение карьеристов. Успехом было повышение, награждение, депутатство, сидение в президиуме.

Коммунистическая мораль оправдывала все, что требовалось партии. Партия требовала показать пример, закончить стройку к юбилею, отрапортовать. Для этого можно было лгать, достигать любыми способами. Еще Ленин не смущался, когда Камо, добывая деньги для партии, приходилось убивать рядовых бойцов банковской охраны.

Русская литература, прежде всего, ратовала за нравственность. Все творчество Толстого и Достоевского, Чехова и Горького, Тургенева и Гончарова - было борьбой за нравственную личность, за активное самосовершенствование.

Но та же русская литература не пыталась связать этику с деловым успехом; деловой человек не был ее героем, он не вызывал симпатии. Предпринимательство, коммерция, торговля априори осуждались, эта деятельность считалась этически дурной, неприемлемой русскому бытию.

Молодая русская буржуазия в пьесах Чехова и Островского, в романах Гончарова и Достоевского выглядела корыстной, жестокой, лишенной этических идеалов. Среди литературных героев не найти русского делового человека, который привлекал бы своей порядочностью, никто из них не борется за торжество честного, полезного, своего дела, не действует на пользу общества.

А между тем, жизнь российская выдвигала таких деятелей и немало. Вспомним ходя бы заводчика - строителя военного флота, железных дорог - Николая Ивановича Путилова. Сочетание инженерного таланта с организатором производства, с размахом, с коммерческим умом и при этом забота о своих рабочих, пример рачительного хозяина. Или костромского предпринимателя, финансиста Леденцова. Первый крупный банкир Рос-

сии барон Штиглиц - образец щепетильной честности финансиста. Или торговый дом Елисеевых...

В деловой этике следует опираться не на теоретические постулаты, а на реальных исторических героев. От них появились элементарные правила достойных деловых отношений в царской России.

Тот же Н.И.Путилов когда ознакомился с технологией производства стали, что разработал на Урале инженер Обухов, усовершенствовал ее, пустил в Петербурге завод по этой технологии, назвал завод Обуховским и весь приоритет отдал Обухову. Благодаря ему и осталась память об Обухове.

Преимущество этических понятий фамильной чести, репутации фирмы, все было прервано, за 70 лет не осталось ни традиций, ни воспоминаний. Мы сегодня даже не имеем истории русских капиталистов, купцов, промышленников XIX - XX веков. Не осталось корней, тонкий сложный мир деловой этики должен создаваться заново, с нулевой отметки.

Новая действительность опирается, как ни странно, на релятивизм чисто ленинский - оправдания аморальности политикой, нестабильностью, переходным периодом. Нравственность, присущая нашему общественному состоянию, пытается приспособить моральные ценности к массовому поведению: "Экономика диктует!", "Бессовестные налоги диктуют, заставляют утаивать, лгать, подделывать". Ссылаются на несовершенство наших законов, на криминальную обстановку, на необходимость создать первоначальный капитал.

Причины эти существенны и очевидны. Но оправдывают ли они нарушение этики? Можно ли считать, что этика исполнима лишь при льготных условиях? Существует один единственный принцип: если не в состоянии противостоять дурным силам, уйди, откажись от продолжения своего дела, не взваливай на себя непосильных обязанностей. Если бы Иуда не примкнул к ученикам Христа, не взвалил бы на себя звание апостола, он наверняка остался бы порядочным человеком.

До идеала возвыситься могут лишь избранные, но важно признать этот идеал. "Я не способен возвыситься до идеала, но он позволяет мне расценивать свои поступки и стремиться к совершенствованию".

Беда в том, что сегодня не выявились подобные фигуры, нет тех, кто способен стать образцом морали и этики. Допустим, такие, каким был А.Д.Сахаров в гражданском своем и демократическом проявлении. Для мира деловых отношений похожего жизненного примера не обозначилось.

Существуют лидеры успеха. Их выбирают в Думу, вокруг них хлопочут журналисты, киношники, все деятели рекламы. Лидеров же этики нигде не видно. Никто не славит порядочных честных министров (если даже такие остались), трудяг, директоров.

В России взятка всегда была необходимостью. Она помогала и прогрессу и жуликам. Петр и палкой и плахой боролся со взяточничеством, не поборол. Ни одному царю не удалось укоротить русского чиновника. Ныне уже никто не борется с ней родимой, взятку берут открыто, берут не борзыми щенками, а мерседесами, акциями, валютой, квартирами, гектарами земли. Никто не стесняется; ныне, как никогда раньше, хорошо изучать социологию взятки, ее роль, ее возможность.

Молодое поколение, входя в деловую жизнь, воспринимает нечистоты и незаконные как неизбежность, оно и не мыслит, что можно делать дело без поборов, без обмана. Стрельба такой же нормальной звуковой фон, как шум компьютеров.

Карл Маркс доказывал, что капиталист прежде всего думает о наживе. Прибыль определяет его психологию, ради нее он готов на все. Мне приходилось встречаться с бизнесменами в Германии, в США. Вопреки Марксу их занимала не прибыль, - она была не больше банковского процента за капитал, увлекало само дело, возможность создавать, производить лучше, больше, радость риска и конкуренции. Владелец маленькой фабрики стульев в Ганновере, крупный промышленник в Гамбурге Кербер и хозяин небольшо-

го бюро технических переводов мой старый знакомый Шелике - все они гордились своим делом и не мыслили себя без него. Любовь к своему делу - эта основа этического сознания. Понятия долга перед обществом, необходимость соблюдения законов удерживается прежде всего любовью ко всему тому, что окружает человека, во что он вложил свой труд, свои мечты.

Нынешняя этика ищет компромиссов. Она покоится на компромиссах, на смеси этики и ее нарушений. Может ли тут быть баланс? Думается, нет. Вся суть в том и заключается, чтобы чувствовать дисбаланс. Ощущать несоответствие. Между этическим идеалом и реальным поведением всегда есть зазор. Хорошо когда щель, а чаще расстояние в дверь, или даже в дистанцию, куда входит любое объяснение.

Ратовать за этику в современном бизнесе трудно. Тот, кто соблюдает этические нормы не получает за это никаких быстрых достижений. А нужны быстрые, все и все гонятся за быстрыми.

Почему западный бизнес, имеющий вековой опыт, ориентирован на строгие моральные принципы?

Мне пришлось разговаривать об этом с одним из руководителей франкфуртской биржи, одной из крупнейших мировых бирж, господином Розеном, кстати говоря, потомком барона Андрея Розена, декабриста. Так вот, нынешний Розен считает, что этические нормы - необходимая составляющая в жизни биржи. Биржа не может нормально функционировать, не соблюдая моральных правил поведения. Успех биржевика, коммерсанта зависит от того, какова его моральная репутация. Эту тему господин Розен развил в ряде статей, написал специальную монографию.

Один из категорических императивов Канта исходит из евангельской формулы: "Как хотите, чтобы с вами поступили, так поступайте и вы".

Когда директора предприятий устанавливают себе многомиллионные оклады, в десятки, а то и в больше раз превосходящие оклады своих рабочих и инженеров, которым по несколько месяцев не платят зарплату, когда на глазах у всего города распродают за копейки общественные здания - можно ли при всем этом ориентироваться на евангельскую формулу?

В Петербурге недавно продали великолепное здание в центре города за смехотворную сумму - 40 миллионов рублей.

Такие незаконные действия разрушают этическую систему общества. Формируется культ личности, эгоистических потребностей.

Лишенное этических правил, общество наше стало быстро деградировать. Наше предпринимательство не случайно в основном анонимно. Торговые дома, фирмы, банки не связаны с личностью руководителя, они безымянны. Поэтому нет моральной ответственности, нет проблемы фамильной чести и т.п.

Этические требования просты: поступки окружающих примеривать на себя и судить их с точки зрения ущерба, который они причиняют нам. Кажется куда как просто. Но при такой проекции неизбежно возникает проблема успеха.

Что это такое - успех? Этика заставляет иначе взглянуть на само содержание успеха. Стоит вернуться к конкретным историческим личностям. Тот же Людвиг Штиглиц вызывал вражду столичных финансистов своей неподкупностью. Ему легче было бы смягчить позицию, положение его упрочилось бы, однако, для него успех исключал подобные компромиссы. Николай Иванович Путилов все свои средства вложил в создание нового морского порта Петербурга. Ему не удалось достроить его, он разорился. Это была неудача, но к тому времени его понятием успеха стало не обогащение, а польза России. Его критерии успеха были иными, чем категории чиновников-взяточников.

Сегодня разговор об этике успеха труден вдвойне, во-первых, в силу этической безграмотности. Нет понимания того, что взятки брать нехорошо. Есть уверенность, что "иначе дела не сделать", "таковы правила игры", "виноват не я, что даю взятку, виновата власть, которая требует взятки", "если я беру взятки. это нормально, если с меня берут взятки, это

худо"... Примерно так же оправдывается рэкет, неуплата налогов и другие нарушения элементарных правил. Конечная выгодность морального поведения не видна. Потому что понятие успеха так же искажено. И в этом состоит вторая сложность проблемы.

Успех сводится для большинства малых бизнесменов к тому, чтобы сорвать куш, украсть, обмануть, подделать, уничтожить конкурента. Общая нестабильность жизни мешает задуматься о будущем, спроектировать собственную репутацию на несколько лет вперед. В деловом обиходе еще нет понятий - честный партнер, надежный бизнесмен, финансист, человек слова, человек чести. И нет обратного - то есть фирма бесчестная, человек сомнительной репутации, который когда-то обманул... Не существует гильдий, институтов общественного мнения, которые могли бы оценивать поведение своих членов, какого-то корпоративного регламента.

Переход к рынку породил культ денег. Культ богатства проник во все слои общества. Прежние понятия успеха - научного, творческого, служебного - грубо опрокинуты. Критерии успеха измеряются заработком, счетом в банке. Этот чисто американский идол сопровождается принадлежностью к определенному классу общества - среднему, высшему и обязательно с генеалогией: откуда и как приобретены положение и капитал. Что изобрел, что создал, на чем заработал. Не всегда, но большей частью есть соответствие между предприимчивостью, трудолюбием и материальным положением. Успех художника определяется спросом на его картины, модой. Успех издателя, успех автомобилестроителя тоже определяется модой, а не подлинным качеством книг или машин. Но все это как бы частные условия, которые предлагает современный капитализм.

На нашем рынке можно было год, два продавать дрянной спирт, снабдив его красивыми этикетками "Royal". Травили людей, зато наживались быстро и бесчестно, это считалось успешной операцией.

Издавали зарубежные детективы и не переводили гонорары авторам. Выполняли на государственных заводах заказы частных фирм и деньги дирекция клала себе в карман.

Можно составить "черную книгу" подобных махинаций, которые проводились повсеместно во всех регионах, охватив все области хозяйства. Процент честных людей в стране резко снизился. Конечно, народ был ограблен, сбережения обесценены и все обязательства перед государством как бы рухнули. "С нами так - и мы так". Служит ли это оправданием? Нет, это всего лишь понимание случившегося. Нравственный закон, который внутри нас, на то и подобен звездам на небе, потому что не зависит от земных обид, невзгод и подсчетов. Нет азбучной этики, нет современной этики, нет этики "перехода к капитализму".

Этика всегда высшая, всегда без снисхождения, всегда устремленная к идеалу. Не может быть человек "сравнительно порядочный". Это не этика, это нравы. С точки зрения этики надо признать, что народ наш, в массе своей, не выдержал испытания, не устоял. Личная мораль, страх перед своей совестью, ответственность перед высшим судом - все это оказалось непрочным, через это перешагнули легко, без оглядки. Вседозволенность восторжествовала. Как поется: "Сатана там правит бал". "Там" - это у нас. Остаться честным сегодня стало подвигом. Не поддаться - геройство.

Праведность нельзя награждать успехом. Если преуспевание - награда праведности, то, значит, оно свидетельство праведности. Тогда у нас полно праведников. Праведность потому и есть праведность, что она не награждена как таковая. В том-то ее отличие и красота. Известно, как заметил Честертон, что Иов страдал не потому, что он хуже других, а потому, что он лучше. Но добавлю, что ему это было неведомо. Я убежден, что в мире неумолимо действует закон возмездия. Воздается и за плохое, и за хорошее. Не нам, так нашим детям, внукам. Этическая система обязательно торжествует, иначе она не могла бы удержаться. Как бы ни был страшен, бессовестен, циничен строй, в нем появляется добро, любовь и милосердие. Казалось, они не выгодны, носители их ничего не получают, даже претерпевают, все равно они приходят в этот мир и действуют.

УСПЕХ ПО-РУССКИ?

(Из ответов на записки)

"Российская модель успеха - это что: особый путь или исторический этап на цивилизованном пути, где мы просто немного отстаем? Или - евразийская версия?"

Евразийская версия. Евразийство - наша геополитическая прописка. ТОЛЬКО прописка, не более: но - НЕОТМЕНИМАЯ прописка. Потому что Россия и есть Евразия, по положению на Земле. Это все равно, что спросить: в Латинской Америке - латиноамериканская версия? Разумеется. А в Северной Америке - североамериканская. А в Индии - индийская. А в Китае - китайская.

Другое дело, если кто-нибудь полагает, что России как евразийскому государству пора исчезнуть, расколоться на части. Сибирь - по боку, Дальний Восток - сам по себе, донские казаки и питерцы - разные народы. Тогда версия будет не евразийская, а какая-то иная. Но я к такому варианту не готов.

Если же Россия останется Россией, то и модель будет соответствующая. По параметрам - евразийская. По наполнению - российская. Как то и было на протяжении веков.

Путь цивилизации, на котором мы "немного отстаем" (не так много, как приятно думать), - это лишь один из уровней мировой истории. Это плоскость техники и технологии, социальной гигиены и социальной психологии. Тут на всем земном шаре вехи и ориентиры более или менее одинаковые и все, что можно схватить со стороны, надо хватать немедленно. От машины по производству "Сникерсов" до машины голосования в парламенте. На пути цивилизации именно так: отстаешь - догоняй. Иначе - "сомнут", как говорил один такой гонщик.

Но смысл гонки, духовное наполнение жизни, нравственные ценности - ни откуда не возьмешь (не путать нравственные ценности с правилами приличного поведения). Правила - да, законы - да, а ценности - нет. Это только изнутри вырабатывается. И ничего тут наперед не скажешь, только - в ходе опыта, и вполне интуитивно.

То есть, не скажешь: демократия России не по духу. Или: коммерческий успех - не для русского человека. Может так повернуться, что и русский человек Чичиковым обернется, Штольцем заделается, американскими этикетками себя оклеит. А потом из-под наклеек все равно выглянет свое, родное. Сто лет назад кто мог представить себе, что богиносец наш прихватит с Запада самую доктринерскую доктрину, подчеркнута не для России писанную (о чем классики марксизма неоднократно предупреждали), - кто мог вообразить, что Россия именно эту архизападную модель схватит и за три поколения так на себя перелицует, что и концов не сыщешь!

Так и теперь. Что до "успеха" - он вне дискуссии. Успевать надо, соображать надо, считать надо, конкретные проблемы решать надо, и все это - не задаваясь глубокомысленно-гамлетовскими вопросами, вроде: "по-русски" это или "не по-русски"? Потому что цивилизация - явление не "русское", не "американское" и не "японское", а - общечеловеческое. То есть: универсальное, профессионально-техническое (включая технологию власти, управления и т.д.).

А вот духовный смысл - это то, что совсем на других скрижалях пишется. Это и у европейцев (атлантистов), и у американцев (черных, желтых, краснолицых и бледнолицых), и у "тигров Азии", и у прочих чемпионов цивилизации - все разное. И, пожалуй, только задним числом можно все это уразуметь рационально, а в процессе жизни - только интуитивно, спонтанно, событийно.

То есть: поколение за поколением ложится в землю, проклиная бога-душу-мать, а потомки, обернувшись, ахают: как же много они для нас сделали, это ж успех всемирный...

На какое-то время потомкам делается легко, а в следующее мгновение они уже сами ложатся в землю, проклиная свой жребий, свою судьбу и эту отвязную русскую "многострадальность".

"Успех - дело профессиональное? А как же успех жизненный, который в России был всегда вроде бы важнее делового?"

А "жизненный" у нас с "профессиональным" и "деловым" разъезжается, потому что от веку на Руси легче было друг с другом "по жизни" договориться, чем "по делу" сотрудничать. Профессия тебя из кучи выделяет, кучу расслаивает, структурирует; профессия холодна и безжалостна. А жизнь в кучу вваливается, в теплую, живую, стадную, нерасчлененную, спасительную. Пропадать - так уж всем миром. Оно легче, конечно. Да только как-то так получается, что раз в столетие пропадать все равно надо. И именно всем вместе. А потом спастись опять-таки всем вместе. То есть опять "идти в бой".

"Деловой?" А какой смысл у слова "дело" в русском языке? Вот именно: ратное дело, мокрое дело, верное дело. "Вся-то наша жизнь есть борьба".

Могу я это изменить? Не могу. Остаюсь "в куче". А душа - где-то вверху парит, наблюдая, как тело пластается. И как "новые русские", опьяненные "успехом", распускают хвост и "на западный манер" катаются в "иномарках", не понимая, что этот самый хвост и будут выдирать из зада. Летят, как мотыльки на огонь. Нет, господа, не "по-западному" поступаете. На Западе миллионер в скромном сереньком пиджачке ходит и спит четыре часа в сутки. Курочит его - такой же серенький.

А у нас об успехе - "по жизни" судят: сколько сожрал да сколько с треском выпер. Ну, и реакция соответственная: с треском же.

Профессионалам в этой ситуации делать нечего.

"Успех - какие нравственные ценности скрываются за этим словом? Какое кредо? Какие правила игры?"

Да разве ж в нашей буче, боевой, кипучей, это наперед сообразишь? Мы люди эмоциональные, у нас все "по жизни" выясняется. И правила игры выясняются по ходу мордобоя: чтоб уж, по крайности, ниже пояса не бить. "Кредо?" Ну, это что-то вроде знамени: цветное полотнище на шесте: своих собирать. Нравственные ценности? А это в предыдущих схватках, когда вдруг самих себя жалко делается и противника недавнего - тоже, и значит, пора идти друг к другу каяться. А минует передых - и за эти самые нравственные ценности - опять в смертельный бой. Так что успех у нас только в одном варианте существует: победа.

Можем ли иначе? Не знаю. Слишком уж надо переродиться. На мой век хватит: торчать меж дерущимися и получать с обеих сторон "непротивленца" и "маргинала".

Крутой у нас народ. Вся надежда - на задний ум, на природное чувство самосохранения и на звериную живучесть, которая прячется за непредсказуемостью.

"Возможна ли эстафета успеха? Например: Корчагин - Чешков? А кто сегодня? А завтра?"

Тяжелый вопрос. Ведь у нас прежде, чем Чешков примет страну от Корчагина, он Корчагина в грязь втопчет. Потому что Корчагин, принимая (выдирая) страну у предшественников Чешкова (у недорезанных буржуев), он этих предшественников шаблюкой всех порубал под корень. Рок России - игра навывлет. Или мы, или они! И так - всю историю. Или осифляне, или нестяжатели. Или двуперстие, или - в раскол! Или западники, или - славянофилы! Или - или!

На таком ветрище живем, что друг от друга не докричимся, а все тесно, все норовим друг друга в землю вогнать. К Белому Дому! Два года спустя опять: к Белому Дому! Да ведь это те же люди, что уже один раз ходили к Белому Дому, - между собой передрались. А скажешь такое - и слушать не станут: соглашатель, оппортунист!

Да, соглашатель. Потому что Россия у меня одна. У кого-то, может, их больше, и они выбирают: красная или белая? социалистическая или буржуазная? традиционная или реформированная? Одну берем, другую - в расход.

И что страшно-то: пустив друг друга в расход, потом, задним числом, соображаем: да ведь мы вроде то же самое и продолжаем делать, что они делали. И страну получаем - от них, от тех, кого в расход пускаем. И сами - такие же, как они, то есть под другими позументами - те же самые.

Горько это, а никуда не денешься. Что, завтра изменится характер русских, и воцарится благодарствование воздухов и передача слонов? Нет, не верю. Все равно будет остервенение, а потом покаяние, а потом новое остервенение, откорректированное покаянием. Лесков сказал: хоть вот крестом нас бей, хоть пестом: природа!

Эстафета? конечно. Но такая: перехватывая палочку (или когда самого сбили), сообщает: оказывается, дистанция-то из исторических этапов составляется - одна.

"МОРАЛЬНЫЕ ДИЛЕММЫ УСПЕХА"

Фрагментариум по книге Р. Хубера "Американская идея успеха"

(R.M.Huber. The American Idea of Success. Pushcart Press, 1987.

Напечатано с разрешения издательства)

... Монументальный парадокс американских ценностей заключается в том, что никто реально не одобряет определение материального успеха, но почти каждый хочет подойти под то самое определение, которое он же осуждает. В первой главе мы придерживались культурологического определения делового успеха как делания денег и перевода их в статус или в известность. Но мы предполагали, что культурологическое определение успеха в действительности не так уж много говорит нам о том, что такое быть американцем. Действительно, одно из наших открытий состоит в том, что американцы чувствуют, что успех должен быть чем-то иным. Он не должен иметь ничего общего с деньгами. Итак, парадокс: индивидуально американцы думают, что успех должен быть определен в нематериальных терминах, но коллективно, как общество, американцы измеряют успех материалистическими критериями. Этот парадокс смущает: ведь понятно, что американцы пытаются говорить о тех ценностях, которые имеют смысл для их жизни.

Когда американцы среднего класса утверждают, что успех не должен определяться в материалистических терминах, они подчеркивают иерархию ценностей. Они в действительности говорят, что существует два вида успеха. И они полагают, что с культурологическим определением успеха, которое ранжирует людей по материальному критерию, все в порядке, за исключением того, что оно ошибается в определении того, какой вид успеха является *summum bonum* в жизни. А величайшее благо жизни нельзя измерить деньгами. И такое личностное определение успеха часто называют "истинным успехом".

Роберт Грэйвз (Robert Graves) приближался к определению истинного успеха, насмешничая: "Если в поэзии нет денег, то неужели есть поэзия в деньгах?". Поэзия человеческой жизни - не в вещах "так называемого успеха". Истинный успех внутри нас самих - в душевном покое (мир разума) и счастье. Когда он вне нас, он проистекает от самоотдачи, а не от своекорыстия. Он измеряется счастливой семейной жизнью или служением другим. Он проистекает из того, что, по нашему мнению, является лучшими сторонами нашей личности. Он отмечается не теми ценностями, которые мы накопили в своем поместье, а теми добрыми поступками, которые мы делали ранее.

Культурологическое и личностное определения успеха выражают амбивалентность чувств американцев по поводу жизненных целей. Сомнительно, могли ли бы США функционировать как общество, если бы составляющих это общество людей ничто не побуждало придерживаться противоречивых чувств по поводу успеха. Может ли кто-нибудь выжить в обществе, продвигаемом вперед такой вызывающей тревогу ценностью без удобной безопасности амбивалентных позиций? Жизнь с иллюзиями может быть нестерпима, но жизнь без иллюзий невыносима.

Мы говорим себе: "Если бы **я** был богат и знаменит, **я** был бы счастлив". С другой стороны, мы думаем о других: "Ладно, **он** может быть богат и знаменит, но это не гарантирует, что он счастлив, и фактически он, вероятнее всего, несчастлив". Деньги не могут купить ничего, кроме реальных вещей - ни любви моей семьи, ни хороших друзей - но если бы у меня их было немного больше, я был бы намного счастливее. В то же время, быть успешным в человеческом смысле, иметь душевный покой, означает намного больше, чем добиться успеха, который на самом деле есть только то, что общество думает обо мне в терминах довольно непродуманных стандартов.

Это "деньги не купят вам счастья" является фольклорным клише, которое может быть, а может не быть правдой.

... Франклин Адамс не мог сопротивляться желанию высмеять амбивалентность отношения к преуспевающему - богатому - человеку:

Однако даже если бы моя лампа горела тускло и низко,
Даже если бы я должен был работать как раб для пропитания -
Вы думаете я поменялся бы с ним?
Да будьте уверены! Вы можете на это поставить деньги!

По отдельности и вместе культурологическое определение материального успеха и личностное определение истинного успеха прострелены парадоксами и иронией, амбивалентностью и двусмысленностями. Если существует "грубый", "необработанный" успех, который общество способно измерить, то существует и более утонченный успех, который мы прячем в глубине души. Достижение вершины может оказаться более смешной шуткой судьбы, чем остаться на месте. Если мы презираем свои желания, то единственное более ужасное событие, чем нереализованные мечты, - это их воплощение.

Сохранение конфликта мнений по поводу успеха помогает объяснить природу американского материализма - говоря о котором, производят больше жара, чем света. (Например, предположение, что нежелательные последствия индустриализма развиваются благодаря американизму). Американцы более материалистичны, чем европейцы, не потому, что они жаднее или больше любят деньги, а потому, что они с большей готовностью используют деньги как форму измерения. В американской открытой классовой системе существует меньше критериев для измерения других индивидуумов. Таким образом, материализм является следствием равенства. Из-за большей символической значимости денег стимулируется мотив выгоды, так как деньги становятся показателем, измеряющим стоимость индивидуума.

Американская доктрина материализма способствует личной и национальной силе. Другие доктрины материализма, например, определенные формы гедонистического извлечения удовольствий или погружение в собственность ради нее самой, могли бы пустить нацию под уклон. Американское благосостояние началось с личного аскетизма и самоотречения. Соблазны растущего изобилия, разъедающие пионерский склад характера, могли бы представлять собой угрозу обществам с другим набором ценностей. В Америке, пока ревностна конкуренция за материальное вознаграждение и сильны амбиции к его достижению, это приводит не к слабости через самооправдание, а к силе через производительность.

Если американцы материалистичны, то они также и идеалистичны. Две самые сильные нации на земном шаре являются материалистическими. Но философский материализм Маркса совсем не похож на американский материализм. По Марксу, вся жизнь должна быть сведена к вещам и к диалектическому материализму, который формируется и контролируется экономическим детерминизмом. Американские ценности выражают веру в двойственную реальность вещей и человеческого духа, который является трансцендентной вещью. Дуализм между материализмом успеха и идеализмом "истинного успеха" помогает объяснить, как американская культура может быть и материалистической, и, в то же самое время, глубоко духовной. Это философская позиция, которая, при всем ее лицемерии, вероятно, принесла меньше вреда в истории человечества, чем идеологии, которые сводились к более чистым формам материализма или, впадая в другую крайность, восходили к однодумной одержимости идеализма...

Амбивалентность успеха проявляется также в определенных убеждениях и концепциях. "Честность - лучшая политика"; однако, верно и то, что много щедрых домов построены на взяточничестве и воровстве. Успех достигается заслугами и "ноу-хау", но кое в чем "контакты" и "ноу-хау" вовлекаются в достижение вершины. Способный человек реализует свои собственные возможности и удача не очень важна, однако доступные воз-

возможности и удача важны. Мы принимаем гордость достижениями человека, "сделавшего себя", за выражение нашей социальной демократии, однако он немножко груб, необразован и испытывает недостаток утонченности.

"Сделавший себя" человек сам собой выражает нечто из этой амбивалентности. На ланче с речами в Rotary или Kiwanis он мечет со сцены грома и молнии, рассказывая о своем тяжелом пути в Университете Тяжелых Ударов, где все было лишь в черно-белом цвете, лозунг колледжа "ох!", а любимое латинское изречение, без сомнения, Per Aspera ad Astra.

Не зря Брут напомнил нам в шекспировском "Юлии Цезаре" общеизвестный факт презрения уже вскарабкавшегося по социальной лестнице человека к пройденным ступеням. Если в служебном клубе или на ланче "сделавший себя" человек "рожден для борьбы", то в деревенском клубе тем же вечером он "рожден для владения поместьем", как бы его манеры не отрицали этих притязаний на аристократизм.

Сучья богиня или застенчивая дама? Вероятно, формы обеих вытканы на гобелене американского опыта. Он представляет собой механизм взаимоотношений, в котором форма и сущность одного зависит от другого. Как распутать менее приятную нить, не меняя специальных качеств механизма? Специальные качества такого устройства частично сотканы из дилемм идеи успеха. Эти шесть дилемм кратко описаны ниже в том порядке, в котором они появлялись в данном исследовании.

Оправдательная дилемма с а м о о т д а ч и п р о т и в с в о е к о р ы с т и я представляет собой моральный вопрос, который пытается разрешить идея успеха. Возможно ли быть христианином и капиталистом одновременно? Нам следует быть любящими, добрыми и готовыми к самоотдаче. Однако мы находимся в мире, в котором мы должны быть своекорыстными, жадными и преследующими собственные интересы.

"**Этика характера**", которая доминировала в литературе об успехе до 1930-х гг, пыталась разрешить эту дилемму с помощью доктрины управления благосостоянием. Религиозная интерпретация этой доктрины оправдывает делание денег, так как это свидетельство Божьего благоволения и является также способом прославления Его. Долг человека развивать лучшее в себе через формирующие характер аскетические добродетели тяжелой работы и бережливости. Человек должен честно делать деньги для того, чтобы с их помощью делать добро, тратя их на благочестивые цели. Светская интерпретация доктрины управления делает упор на гуманитарное оправдание. Мы должны получать, чтобы делать добро отдавая. К 1920-м годам преимущественным оправданием успеха была концепция служения как в ее религиозной, так и в светской интерпретации: степень чьего-либо успеха измерялась службой сообществу. Преследовать свои собственные интересы означает любить своих ближних. В концепции служения получение для себя есть процесс отдачи другим.

Этика характера связывает эту дилемму с другой. Оправдание успеха не является автоматическим, оно зависит от определенных условий. Данный вопрос соединяется с дилеммой этики характера **"м а т е р и а л ь н ы й у с п е х п р о т и в « и с т и н н о г о у с п е х а »**. Долг каждого индивидуума - упорно трудиться и стараться добиться успеха в своей профессии. Но вознаграждение успехом может разрушить именно те добродетели характера, которые сделали этот успех возможным. Кроме того, всегда существует опасность, что материальный успех станет целью сам по себе, что индивидуума соблазнит вера в то, что делание денег и вознаграждение за это являются summum bonum в жизни. С разной степенью выраженности, этика характера непрерывно предостерегает, что сделать успех окончательной целью жизни значит купить билет в один конец к проклятию и гибели личности. Окончательной целью жизни должен быть "истинный успех", то есть счастье, или благородный характер, или душевный покой. Поэтому делание денег оправдано только в том случае, если вы честны, вносите вклад в сообщество посредством доктрины управления или концепции служения, и признаете "истинный успех" финальной целью жизни. Между материальным успехом и "истинным успехом" создается напряжение. За-

дача индивидуума поддерживать это напряжение в равновесии. Вам не дозволяется "удобное" разрешение оправдательной дилеммы, если вы не переносите постоянного самоанализа в духе дилеммы этики характера. Достижение объективно оправдано, только если каждый индивидуум субъективно ответственен за свои ценности и за способ, которым он выражает их в жизни через свои размышления и свое поведение.

"Этика личности" (этика манипулирования другими людьми) была доминирующим средством добиться успеха в литературе по самосовершенствованию (selfhelp) начиная с 1930-х гг. Это не философия жизни, а техника зарабатывания на жизнь. Почти каждый занимающий ответственный пост стал продавцом: продающим либо себя, либо идею, либо продукт. То, что кормилец принуждает других людей к своему образу мыслей, есть индивидуальное выражение этики личности. Рекламирование есть ее институционализованное выражение. Различие между ними только в степени. Дилемма этики личности «лицемерие против искренности» видоизменяется под влиянием необходимости для потребительской экономики манипулировать людьми для личной или корпоративной выгоды. Что происходит с моральной честностью, когда люди становятся объектами, когда взаимоотношения формируются потребностью продать, когда ты сам испачкан требованием продаться? В личных делах неискренность и обман Дейл-Карнегизма становится улыбающейся коррупцией человеческих отношений. В административных делах лицемерие и обман погружаются в моральный релятивизм ментальности общественных отношений, в которой правда больше не в принципах, а в общественном мнении избирателей. Реклама как формальная профессия может решить эту дилемму, оправдывая эксплуатацию человеческих слабостей для того, чтобы убедить людей потратить свои деньги: если роскошь не становится все более необходимостью, то нация скатывается в нишу. Для некоторых цели оправдывают средства. Для других, работающих в окружающем их мире этики личности, каждый день представляет собой конфронтацию между их идеалами, с одной стороны, и реальностью постоянной необходимости заработка – с другой.

Политическая дилемма «свобода против равенства» вырастает из конфликта между критиками идеи успеха и ее консервативными защитниками. До какой степени свободный индивидуум и корпорация должны регулироваться и облагаться налогами в интересах общего благосостояния? Требования общественного сектора должны измеряться свободой частного сектора действовать и владеть. Политическое равенство и экономическое неравенство должны поддерживаться в некотором состоянии демократического равновесия. Правила большинства могут вторгаться в права собственности, перераспределяя благосостояние посредством градуированных налогов в интересах социальной справедливости. Концентрация экономической власти может пренебрегать общественным благом, контролируя политическую власть через привилегии для заинтересованных. Задача правительства - поддерживать право равных возможностей и, в то же самое время, охранять право на неравное вознаграждение.

Переплетение взаимосвязей желательных и нежелательных причин и следствий особенно проявляется в дилемме общественной демократии «свобода против авторитета». Каждый американец в отдельности выражает свою свободу в политической демократии через реализацию своего права голоса, в экономической демократии - через свой суверенитет потребителя на рынке, и в социальной демократии - через отсутствие различий с "вышестоящими лицами". Из такого типа общества, с его свободным выбором и текучей классовой системой, проистекает большая часть критики, которой европейцы и интеллектуалы подвергают Америку -и за принятие делания денег, материалистической линейки для измерения вещей, которые следует оценивать по другим критериям, и за вульгарность и низкий вкус, и за стерильность анти-интеллектуализма. Многое могло бы измениться к лучшему при существовании элиты по рождению и благосостоянию, по отношению к которой люди испытывали бы чувство отличия, повинувшись ее лидерству во вкусах. Авторитарный стиль правительства мог бы навязать свое собственное

лидерство во вкусах через превознесение, например, искусства, и, наиболее несомненно, через смену порядка вознаграждения за успех. Дилемма включает ту степень, которую стоит заплатить за достижения более авторитарной экономической и социальной системы ограничением индивидуальной свободы. Американская форма материализма и антиинтеллектуализма - это цена, уплаченная за социальную демократию.

Последняя дилемма выражает конфликт между развитием личности и развитием нации. Дилемма национальной безопасности «личное самоосуществление против национальной мощи» выросла до размеров выживания в 1940-х гг и позже. Идея успеха была одной из краеугольных ценностей в достижении американского экономического роста. Огромный ВВП Соединенных Штатов был основой, на которой свободный мир построил свою защиту от угрозы агрессивного тоталитаризма. Ценой, которую американским гражданам пришлось заплатить, было превосходство национальной цели, которая лелеяла не их духовное и эстетическое развитие как личностей, а материальное развитие США. Это не всегда синонимы, ни как цели, ни в рамках средств, необходимых для достижения этих целей. Идея успеха как набор ценностей служила топливом для двигателя американской материальной силы. Но цена производства такого топлива была дорогой. Она была уплачена в форме искажения индивидуального потенциала по отношению к возможностям поддержания порождающего беспокойство принуждения к успеху, провоцирования преступлений против личности и собственности, роста чувства вины и унижения при не удаче, интенсифицирования сил, приводящих к несчастью, и поощрения вульгарной жадности в достижении успеха и статуса как измерителей стоимости человека. Идея успеха и ее выражение в американской жизни была воров и тираном досуга. Она похищает досуг в его наслаждении как цивилизующее совершенствование духа и приятное упражнение ума. В Америке, где добыть где-то - критически важно для самоуважения, беда с досугом в том, что его вы не добудете нигде.

Ральф Эмерсон, наиболее уважаемый американский философ девятнадцатого века, сказал о своей стране: "Вся наша история кажется похожей на последнюю попытку Божественного Провидения в интересах человеческой расы". Для Линкольна США были "последней лучшей надеждой земли". Подобное выражение веры в такую обширную и зримую мечту, которую представляет собой обещание американской жизни, едва ли выглядит правдоподобным для тех, кто приходит в отчаяние по поводу пропасти между обещанием и национальным осуществлением, между риторикой проповедей и дикой практикой. Возможно, Америка всегда была нереализуемой мечтой, обещанием, требующим слишком многого, чтобы его сдержать. Однако непрерывная самокритика, которая всегда показывает неспособность уважить мечту и воплотить в жизнь обещание, представляет собой другой способ оживить надежды на то и другое.

Увы, дилеммы не могут быть разрешены в манере легендарного решения царя Соломона разделить ребенка между претендентками. Абсолютисты с авторитарным складом мышления всегда считают дилеммы нетерпимыми. Но дилеммы обязаны своим существованием именно самому наличию выбора в свободном обществе. Мы творим добро только тогда, когда мы свободны творить и зло.

Успех - это не убежище, а путешествие, со своими собственными правилами для духа. Игра жизни в том, чтобы стать победителем, добиться успеха или достичь того, что мы наметили сделать. Однако всегда существует опасность потерпеть неудачу в самореализации. Урок, который большинство из нас никогда не извлекает из этого путешествия, но и никогда не может совсем забыть, состоит в том, что победить иногда означает проиграть.

ЦЕННОСТЬ ПРОФЕССИОНАЛИЗМА В СОЗНАНИИ ПОСТСОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА

В третьей статье цикла, опирающегося на результаты исследования Фондом "Общественное мнение" и его Аналитическим центром жизненных ценностей постсоветского человека, рассматриваются материалы, позволяющие больше, чем в предыдущих, сосредоточить внимание на собственно ЭТИЧЕСКОЙ стороне проекта. Однако реализация этого намерения предполагает предварительное выяснение того, как сочетаются в сознании ценностно окрашенные идеологические символы и собственно жизненные ценности.

От идеологизированного сознания к рациональному

Начну с таблицы 1.

СИМВОЛЫ "ДОСТОЙНОЙ, СЧАСТЛИВОЙ ЖИЗНИ" В СОЗНАНИИ РОССИЯН

	Население в целом	директора	Председатели	предприниматели	фермеры	управленцы	офицеры	рабочие	колхозники	бюджетники	безработные	пенсионеры	студенты
Семья	75	6	8	-5	7	0	0	1	1	9	-4	-4	-16
Безопасность	67	4	8	13	3	4	8	1	-12	3	-7	0	1
Совесть	60	2	17	-3	-3	8	3	0	-12	5	-11	5	-8
Порядок	57	-3	17	1	7	7	5	5	-6	3	-13	3	-6
Труд	57	2	19	-4	6	7	0	2	-3	1	-11	5	-16
Права человека	56	0	1	9	11	7	8	-2	-5	5	-1	-8	4
Деньги	54	-16	-17	9	5	-13	-3	3	4	3	9	-10	3
Законность	54	19	16	6	8	23	16	-2	-8	5	-8	-1	-3
Свобода	47	3	10	14	4	8	6	5	-6	-1	-2	-11	12
Духовность	41	5	6	4	-3	16	0	-8	-15	10	-8	1	1
Собственность	37	3	20	29	39	2	5	-3	1	4	8	-11	10
Гуманизм	28	8	9	13	5	16	-1	-5	-13	8	1	-1	1
Равенство	25	-4	6	-7	-3	7	9	3	-1	0	-8	3	-2
Демократия	21	15	7	17	14	9	7	-2	-2	1	-6	-3	4
Патриотизм	19	10	19	3	2	14	16	-3	-5	4	-7	5	-7
Призвание	19	4	11	3	1	8	10	1	-10	6	4	-5	5
Интернационализм	11	6	14	1	-1	4	5	-4	-4	2	-2	4	-3
Индивидуализм	9	-4	0	9	1	-2	2	0	-4	1	7	-6	8
Коллективизм	9	4	17	-3	-3	8	0	0	3	0	-4	4	-5
Воля, вольница	8	-2	0	2	5	-4	5	2	-2	-3	3	-3	5
Рациональность	8	3	10	3	6	7	4	2	-2	2	-1	-3	1
Соборность	4	-1	1	-1	0	2	1	0	-2	2	-1	1	-2
Затрудняюсь ответить	3	-2	-2	0	-3	0	0	0	1	-1	-1	1	-1

Показана разница в процентах между долей приверженцев тех или иных ценностей среди населения в целом и в отдельных социально-профессиональных группах.

Не комментируя весь представленный материал остановлюсь только на одном моменте (он имеет прямое отношение к трудовой и профессиональной этике), непосредственно связанным с преодолением советской ментальности. В предыдущей статье моего цикла говорилось об особой разновидности индивидуализма, который достался нам в наследство от советского периода отечественной истории - индивидуализма не производительного, а исключительно потребительского ("нелиберального индивидуализма" - термин предложен Б.Г. Капустиным). Приведенные данные позволяют высказать еще ряд соображений об этом явлении. В частности, высокий рейтинг денег, обнаруживаемый в этой таблице у разных групп респондентов, может свидетельствовать как о психологических предпосылках преодоления советской ментальности, о готовности, хотя бы частичной, приспосабливаться к условиям рынка, так и о разложении этой ментальности, когда потребительские и анархические ее элементы полностью вытесняют уравнивающую их привычку подчиняться ритму повседневного труда (пусть даже символического), гарантировавшего выживание, и определенному порядку в более широком смысле слова.

Тенденция разложения отчетливее всего, как и следовало ожидать, просматривается в сознании постсоветских безработных. Прежде всего, обращает на себя внимание то, что потеря работы не повышает, а, наоборот, снижает рейтинг труда (ниже, чем у безработных, он только у учащихся и студентов). Выключение из процесса повседневной трудовой деятельности постепенно приводит к ликвидации едва ли не единственного - пусть слабого, пусть символического, пусть проявляющегося у многих лишь в привычке каждый день приходить на работу и получать за это зарплату - дисциплинирующего начала и актуализации анархических потенций сознания, которые в атомизированном обществе тоталитарно - коммунистического типа чрезвычайно велики. И если именно у наших безработных слабее, чем у кого бы то ни было, выражена потребность в порядке, то это, скорее всего, не случайность, а важный симптом и надежный показатель превращения коммунистического "коллективизма" в "нелиберальный индивидуализм".

Его особенность - не только в приверженности беспорядку и в разрушенной (или не успевшей сформироваться) трудовой этике, но и в безразличии к нравственности вообще, в самоосвобождении от пут даже той внешней, демонстрационной морали, которая худо - бедно обеспечивала социализацию индивида в советском обществе (в том числе и в период его разложения, названного впоследствии периодом "застоя"). Я не испытываю очень уж большого оптимизма в связи с тем, что в тройку самых важных для российского населения слов - символов вошла совесть. Почему не испытываю - об этом ниже. Но еще меньше оптимизма вызывает у меня то, что именно у безработных, в сознании которых просматриваются очень существенные и достаточно тревожные тенденции нашего развития, слово "совесть" находит самый слабый, по сравнению с другими социальными группами, отклик.

Здесь я должен прервать анализ содержащихся в таблице 1 данных: чтобы перейти к другим аспектам проблемы, мне предстоит вкратце охарактеризовать некоторые исходные принципы и подходы, которыми мы руководствовались в нашем исследовании. Суть их сводится к следующему.

1. Определяется отношение различных социальных групп к словам, в той или иной степени претендующим на символически-знаковое звучание. Речь идет как об идеологических символах коммунистической эпохи (коллективизм, интернационализм и др.), так и о символах перехода в новое общественное состояние (свобода, собственность, демократия и т.д.). Разумеется, это деление на "старое" и "новое" в данном случае довольно условно: отдельные слова из коммунистического словаря могут в чьем-то сознании наполняться либеральным смыслом, а в некоторых либеральных терминах кому-то слышатся вполне коммунистические ноты, не говоря уже о том, что многие из предложенных нами слов и десять лет назад, т.е. в совершенно ином идеологическом и социально-

политическом контексте, звучали не менее естественно и органично, чем сейчас, хотя воспринимались принципиально иначе.

2. Выявляется конкретное смысловое наполнение этих символов "хорошей жизни" или отсутствие такого наполнения, что, помимо прочего, свидетельствует о степени рациональности или, наоборот, идеологизированности сознания. С этой целью респондентам был предложен список условий, ("ценности-условия") и личностных качеств (ценности-качества"), отношение к которым показывает, какие именно внешние обстоятельства и какие особенности внутреннего состояния имеет в виду человек, когда свое представление о достойном существовании выражает такими, к примеру, словами, как свобода, законность или, скажем, труд. В результате был получен ряд ценностных гнезд, в которых смысловое наполнение слова-символа раскрывается родственными ему "ценностными условиями" и "ценностями-качествами" (например, в гнездо, образованное словом "труд", входят "свобода труда", "дисциплина труда", "прибыльность труда", "трудолюбие", "профессионализм", "деловитость", "предприимчивость", и "энтузиазм").

При этом символы "достойной, счастливой жизни", с одной стороны, "ценности- условия" и "ценности-качества" - с другой, были помещены не в один, как в предыдущем опросе (см. журнал "Полис", 1993, №6), а в два разных списка, что, на наш взгляд, увеличивает степень объективности полученных данных. Разумеется, уже само наличие двух списков с неодинаковым количеством слов предполагало, что респонденту будет представлено право на любое число ответов - в противном случае сопоставлять результаты было бы некорректно.

Теперь я могу вернуться к изложению результатов исследования. Составив приблизительное представление о символическом идеологическом поле, в котором живет нынешнее российское общество, можно перейти к более содержательным вопросам, посмотреть, чем же именно заполнено это поле, каким конкретным смыслом и значением? Еще важнее и интереснее понять, заполнено ли это поле чем-то конкретным и рациональным вообще или речь идет о сознании принципиально нерациональном, сознании, в котором для понимания реальности и себя в ней отвлеченные словесные символы значат больше, чем расшифровывающие, конкретизирующие их нормы и принципы.

Обратимся к таблице 2.

ГНЕЗДА РОДСТВЕННЫХ СИМВОЛОВ И ЦЕННОСТЕЙ В СОЗНАНИИ РОССИЯН (%)

	Население в целом	директора	Председатели	предприниматели	фермеры	управленцы	офицеры	рабочие	колхозники	бюджетники	безработные	пенсионеры	студенты
С О В Е С Т Ь	60	62	77	57	57	68	63	60	48	65	49	65	52
Справедливость	42	41	54	37	35	47	43	41	38	53	34	39	44
Чувство долга	39	52	54	36	33	49	49	38	30	48	34	40	35
Умение считаться с мнением и убеждениями других	25	34	36	28	34	40	29	20	16	34	29	19	36
Праведность власти	11	13	13	13	16	13	16	11	10	11	10	11	13
Т Р У Д	57	59	76	53	63	64	57	59	60	58	46	62	41
Трудолюбие	39	44	48	40	48	41	37	35	38	42	30	48	32
Профессионализм	30	60	49	59	33	59	55	28	19	42	34	17	39
Дисциплина труда	25	43	56	34	35	42	41	27	25	31	22	25	17

Деловитость	21	44	44	46	37	42	31	23	16	24	23	16	26
Предприимчивость	17	35	37	48	33	27	25	17	14	18	20	9	27
Прибыльность труда	16	25	27	38	39	23	25	20	18	21	21	9	21
Энтузиазм	10	12	14	12	11	12	15	9	9	9	10	9	18
ПРАВА ЧЕЛОВЕКА	56	56	57	65	67	63	64	54	51	61	55	46	60
Гарантии социальных прав личности	27	38	42	31	22	42	38	26	22	34	27	21	23
Гарантии политических прав личности	18	26	32	28	22	40	34	18	10	20	20	13	23
Гарантии прав меньшинства	7	11	11	10	11	16	12	7	6	8	8	4	8
Верховенство государственных интересов над интересами личности	3	4	8	1	3	9	4	4	1	2	1	3	0
Д Е Н Ь Г И	54	38	37	63	59	41	51	57	58	57	63	44	57
Богатство	13	8	12	21	24	12	12	13	14	12	22	6	21
Зажиточность	13	16	15	23	22	15	17	13	10	14	16	9	12
З А К О Н Н О С Т Ь	54	73	70	60	62	77	70	52	46	59	46	53	51
Законность власти	18	35	35	26	28	39	31	17	14	23	20	17	18
Законопослушание	13	26	25	17	14	29	23	13	9	12	10	13	14
Добровольное подчинение законам	10	15	15	16	15	20	20	11	7	12	7	9	10
С В О Б О Д А	47	50	57	61	51	55	53	52	41	46	45	36	59
Свобода выбора убеждений и поведения	23	31	30	35	29	38	30	21	12	30	28	17	33
Свобода труда	21	21	30	29	34	23	26	22	15	23	24	16	22
Невмешательство государства в частную жизнь граждан	19	29	31	47	34	40	24	22	14	22	24	12	21
Д У Х О В Н О С Т Ь	41	46	47	45	38	57	41	33	26	51	33	42	42
Вера в Бога	21	15	13	17	23	13	17	20	17	20	21	24	21
Атеизм	2	4	6	1	2	5	4	2	1	2	2	2	2
СОБСТВЕННОСТЬ	37	40	57	66	76	39	42	34	38	41	45	26	47
Неприкосновенность частной собственности	22	30	35	44	46	38	34	23	15	24	25	12	21
РАВЕНСТВО	25	21	31	18	22	32	34	28	24	25	17	28	23
Равенство всех граждан перед законом	18	40	44	40	34	46	48	29	23	34	30	25	22
Д Е М О К Р А Т И Я	21	36	28	38	35	30	28	19	19	22	15	18	25
Народовластие	6	10	18	4	12	16	13	6	6	6	5	7	5

Названия некоторых ценностей даны в сокращенном виде.

Полученные нами данные позволяют предположить, что для советского и постсоветского человека характерно переадресование другим как юридических норм (при стремлении максимально освободить от них себя самого), но и нравственных. В этом случае мы можем наблюдать сочетание этического фетишизма (рейтинг слова "совесть", образующего соответствующее "гнездо",- один из самых высоких) и, если так можно выразиться, этического анархизма.

Если исходить из того, что совесть предполагает способность человека воспринимать другого как самого себя, то результаты, полученные нами, вряд ли могут вызвать большой оптимизм. Сравнив восприятие совести с восприятием такой ценности, как умение считаться с мнениями и убеждениями других (вторая выглядит несравнимо менее значимой), мы неизбежно приходим к выводу, что совесть для многих наших сограждан – это не

столько императив личного поведения, сколько некий эталон, с которым атомизированный индивид сравнивает другого атомизированного индивида, находя в несовершенстве этого другого оправдание несовершенства собственного, и, тем самым, примиряя себя с собой, окружающими и жизнью вообще.

Интересно, что к власти постсоветский человек с нравственной меркой не подходит. Это, конечно, надо еще проверить, но крайне низкий рейтинг такой ценности, как "праведность власти", все же достаточно показателен. Не исключено, что попытка коммунистического режима придать себе нравственный облик, ("партия - ум, честь и совесть нашей эпохи"), равно как и разочарование россиян в нравственности тех, кто, развенчав аморализм этого режима, пришел ему на смену, подвели, похоже, черту под давней российской традицией оценки власти в категориях совести и правды. Скорее всего, ничего похожего на "морально-политическое единство" нам уже пережить не придется. Грустно, конечно, но не будем все же забывать о цинизме самой этой формулы. Возможно, он-то и подвел наших сограждан к той нехитрой мысли, что власть не может быть ни "праведной", ни "неправедной", что к ней надо подходить с другими мерками, соответствующими сложившемуся в мире разграничению функций политики и морали.

Короче говоря, в самой этой мысли (если, конечно, предположить, что респонденты отдавали себе ясный отчет в том, что такое "праведность власти" и почему они не назвали ее в числе значимых для себя ценностей) ничего опасного нет. Тревожно то переадресовывание нравственных требований от себя другому, которым сопровождалось освобождение от иллюзии возможности "праведной власти". Есть ли в сознании постсоветского человека альтернатива моральному анархизму? Довольно высокая оценка ценности справедливости не может служить основанием для утвердительного ответа: требование справедливости тоже может быть адресовано другим, а не себе.

Более обнадеживающим выглядит вполне благосклонное отношение наших респондентов к такой ценности, как чувство долга. Она, правда, может и не предполагать признания за другим человеком права на независимость и непохожесть (до этого нам, судя по всему, действительно далеко), но она все же предполагает преодоление морального горизонта атомизированного индивида, предполагает соотнесение себя с другими, а значит - преемственность социальных связей.

Возможно, чувство долга (тут нужны дополнительные исследования) соотносится россиянами лишь с масштабом семьи - едва ли не единственной общности, которую коммунистический режим не сумел огосударствить и благополучие которой по мере превращения "государственного" человека в "частного" стало восприниматься как один из главных символов "хорошей жизни". Учитывая, однако, что чувство долга больше всего свойственно (или им кажется, что свойственно) старым элитам и заметно меньше - элитам новым, можно предположить и другое. Не исключено, что это чувство сохранилось как символ ответственности перед государством, которая именно у старых элит наполнялась и наполняется конкретным функциональным смыслом, выступая как ответственность перед возглавляемыми ими коллективами государственных предприятий и учреждений.

Этого, разумеется, не достаточно для того, чтобы прогнозировать скорое нравственное выздоровление нашего общества. Но все же это лучше, чем ничего в той ситуации, когда Россия оказалась сегодня в своего рода "внеморальном" пространстве между старой и новой нравственностью.

Эта своего рода промежуточность сознания проявляется и в отношении к такой ценности, как профессионализм и, соответственно, профессиональный успех.

Профессионализм и профессиональная энергия

Не забывая о представленном в первом параграфе феномене нелиберального индивидуализма и о потребительской ментальности постсоветского человека, обратимся к двум следующим таблицам.

Таблица 3

ЦЕННОСТИ-КАЧЕСТВА В СОЗНАНИИ РОССИЯН

	Население в целом	директора	председатели	предприниматели	фермеры	управленцы	офицеры	рабочие	колхозники	бюджетники	безработные	пенсионеры	студенты
Личное достоинство	42	10	11	12	5	16	9	-4	-7	7	-1	-7	10
Справедливость	42	-1	12	-5	-7	5	1	-1	-4	11	-8	-3	2
Трудолюбие	39	5	9	1	9	2	-2	-4	-1	3	-9	9	-7
Чувство долга	39	13	15	-3	-6	10	10	-1	-9	9	-5	1	-4
Образованность	36	10	14	16	-1	22	15	-4	-12	9	-2	-8	15
Гостеприимство	35	9	14	1	8	7	6	3	-9	8	-5	-6	4
Профессионализм	30	30	19	29	3	29	25	-2	-11	12	4	-13	9
Бескорыстие	27	8	10	-1	-1	13	7	1	-8	4	-13	-2	-1
Умение считаться со взглядами и убеждениями других	25	9	11	3	9	15	4	-5	-9	9	4	-6	11
Вера в Бога	21	-6	-8	-4	2	-8	-4	-1	-4	-1	0	3	0
Деловитость	21	23	23	25	16	21	10	2	-5	3	2	-5	5
Терпеливость	21	-3	1	1	-2	-4	2	0	-2	5	-2	1	0
Благотворительность	17	-1	6	7	0	2	3	0	-5	3	-4	-1	3
Предприимчивость	17	18	20	31	16	10	8	0	-3	1	3	-8	10
Законопослушание	13	13	12	4	1	16	10	0	-4	-1	-3	0	1
Добровольное подчинение законам	10	5	5	6	5	10	10	1	-3	2	-3	-1	0
Энтузиазм	10	2	4	2	1	2	5	-1	-1	-1	0	-1	8
Самопожертвование	8	2	2	-3	-2	-1	7	0	-5	0	-3	0	0
Борьба	5	-4	4	1	1	1	2	3	-2	0	0	-2	1
Подвижничество	4	-2	1	-1	1	6	5	-1	-1	2	1	0	-2
Атеизм	2	2	4	-1	0	3	2	0	-1	0	0	0	0
Затрудняюсь ответить	12	-6	-6	-2	-9	-6	-3	0	4	-5	-1	2	0

Показана разница в процентах между долей приверженцев тех или иных ценностей среди населения в целом и в отдельных социально-профессиональных группах.

Таблица 4

ЦЕННОСТИ-УСЛОВИЯ В СОЗНАНИИ РОССИЯН

	Население в целом	директора	председатели	предприниматели	фермеры	управленцы	офицеры	рабочие	колхозники	бюджетники	безработные	пенсионеры	студенты
Равенство всех граждан перед законом	28	12	16	12	6	18	20	1	-5	6	2	-3	-6
Гарантии социальных прав личности (доступность образования, здравоохранения и др.)	27	11	15	4	-5	15	11	-1	-5	7	0	-6	-4
Дисциплина труда	25	18	31	9	10	17	16	2	0	6	-3	0	-8
Свобода выбора убеждений и поведения	23	8	7	12	6	15	7	-2	-11	7	5	-6	10
Неприкосновенность частной собственности	22	8	13	22	24	16	12	1	-7	2	3	-10	-1
Свобода труда	21	0	9	8	13	2	5	1	-6	2	3	-5	1
Невмешательство государства в частную жизнь граждан	19	10	12	28	15	21	15	3	-5	3	5	-7	2
Гарантии политических прав личности (слова, собраний, демонстраций, участие в выборах и др.)	18	8	14	10	4	22	16	0	-8	2	2	-5	5
Законность власти	18	17	17	8	10	21	13	-1	-4	5	2	-1	0
Прибыльность труда	16	6	8	19	20	4	6	1	-1	2	5	-7	5
Праведность власти	11	2	2	2	5	2	5	0	-1	0	-1	0	2
Гарантии прав меньшинства	7	4	4	3	4	9	5	0	-1	1	1	-3	1
Народовластие	6	4	12	-2	6	10	7	0	0	0	-1	2	-1
Верховенство государственных интересов над интересами личности	3	1	5	-2	0	6	1	1	-2	-1	-2	0	-3
Затрудняюсь ответить	12	-6	-6	-2	-9	-6	-3	0	4	-5	-1	2	0

Показана разница в процентах между долей приверженцев тех или иных ценностей среди населения в целом и в отдельных социально-профессиональных группах.

Еще раз напомню, что "ценности-условия" и "ценности-качества" находились в анкете в общем списке, что, при всех очевидных "минусах", обладает одним существенным

"плюсом", а именно - дает возможность непосредственно сравнивать восприятие двух видов ценностей. Однако для удобства читателей цифровой материал расположен в двух разных таблицах.

Если сравнивать - как и при анализе таблицы 1 - полученные данные с результатами осеннего (1993г.) опроса, то из списка символов "хорошей жизни", который мы использовали в том опросе, в приведенных двух таблицах можно обнаружить лишь "справедливость", "профессионализм" и "личное достоинство" (в предыдущем опросе было просто "достоинство"). Что касается "справедливости", то она как была среди наиболее предпочитаемых слов, так и осталась. А вот с "достоинством" и "профессионализмом" дело обстоит иначе: у них не только оказалось намного больше, чем раньше, приверженцев (при предоставлении респонденту права на неограниченное число ответов - в предыдущем опросе число слов, которые мог назвать респондент, было ограничено - это вполне естественно), но и, что гораздо существеннее, по количеству голосов они переместились из нижней в верхнюю часть списка.

Прекрасно понимая, что при столь значительном несовпадении результатов разных опросов требуется особая осмотрительность в выводах, рискну все же предположить, что в таком несовпадении надо усматривать не только повод для проверки и перепроверки полученных данных (хотя и это, разумеется, тоже), но и проявление некоторых важных особенностей сознания постсоветского человека. Так, у нас не очень много доказательств того, что результаты опросов не случайны, но одно (дополнительно к дважды подтвержденному статусу "справедливости") все же есть: оценка профессионализма хотя и изменилась во всех без исключения группах, но изменилась в одной и той же пропорции: там, где приверженцев профессионализма было больше (а именно - в старых и новых элитных группах), их больше и осталось.

Одна из главных особенностей сознания постсоветского человека заключается в том, что символы "хорошей жизни" и "ценности-качества" (о "ценностях-условиях" я пока не говорю) существуют как бы независимо, изолированно друг от друга: разумеется, речь идет лишь о тех случаях, когда сами символы воспринимаются как фиксаторы некоего объективированного состояния общества, а не внутреннего состояния людей ("свобода", к примеру, а в наших условиях даже такие понятия, как "совесть" или "духовность", могут обозначать и то, и другое).

При этом символы "хорошей жизни", фиксирующие в предельно отвлеченной форме общие условия индивидуального выживания и столь же общие ориентиры улучшения жизни, в сознании россиян традиционно доминируют, хотя сами символы могут меняться и меняются. Личные же качества человека воспринимаются как второстепенные по сравнению с общими условиями ("обстоятельствами") и фиксирующими их словесными знаками. И лишь в том случае, когда выбор осуществляется не между идеологическими символами и качествами личности, а между самими этими качествами (что и было предложено в последнем опросе), можно получить более или менее точное представление о том, какие же качества люди считают важными, а какие не очень.

На основании тех "ценностей-качеств", которые наши респонденты выделяют в числе самых для себя важных и значимых, трудно понять, какие же принципиальные сдвиги произошли в ментальности постсоветского человека в последние годы, чем он, сегодняшний, отличается от себя вчерашнего или, говоря иначе, какие его новые личные достоинства соизмеримы с обострившимся чувством личного достоинства. Мы находим среди этих ценностей вполне традиционные для национальной культуры "справедливость", "трудолюбие", "чувство долга", "бескорыстие": почти во всех группах все они (кроме бескорыстия) входят в первую десятку ценностей даже в том случае, если "ценности-качества" расположены в одном списке с "ценностями-условиями". Но все это вполне сочетается и с советской ментальностью, тут нет ничего, что было бы с ней несовместимо.

Да, от целого ряда специфически советских ценностей или ценностей, уходящих корнями в более давнюю традицию, но идеологически акцентированных именно в советскую

эпоху, произошло самоосвобождение: энтузиазм, самопожертвование, борьба, подвижничество, атеизм - все они практически вытеснены из сознания, причем различные социально-профессиональные группы тут почти ничем друг от друга не отличаются. Но что пришло им на смену? Ведь вытеснены как раз те "ценности-качества", которые характеризовали социальную энергию человека, определенные исторические формы его активности, инициативы. Но ничего, что бы их компенсировало, постсоветский человек, если говорить о большинстве (и если судить по словесным декларациям), пока не приобрел.

Даже профессионализм, названный в числе десяти наиболее важных ценностей (опять-таки если брать список "ценностей-качеств" и "ценностей-условий" в целом) всеми, кроме колхозников, пенсионеров и фермеров, такой компенсацией служить не может. Профессионализм в нынешнем социокультурном контексте - это альтернатива не столько советскому типу активности, сколько тому господству партийного идеолога и политика над специалистом, которое имело место до недавнего времени и последствия которого не изжиты до сих пор. Не потому ли, кстати, одной из групп, представители которых не называли профессионализм среди главных ценностей, оказались фермеры (наряду с колхозниками)? Ведь им не приходилось сталкиваться с идеологической опекой, парткомы не учили их, как надо "правильно жить и работать", а потому альтернатива "идеолог - профессионал" не воспринимается ими как имеющая или имевшая непосредственное отношение к их фермерскому опыту.

Но какой же профессионализм противостоит сегодня задним числом идеологизированной некомпетентности? Что он в себя включает? Каковы источники его внутренней энергии? И есть ли они вообще - подобно тому, скажем, как имели они место в описанном М. Вебером "профессионализме" раннепротестантского образца?

Если судить по нашим данным, то с этим дело пока обстоит неважно. Даже такое качество, как деловитость, вполне уместное в советском лексиконе, но не несущее в себе энергетического заряда, вошло в пятерку самых значимых лишь у фермеров, а в десятку - у директоров, руководителей совхозов и колхозов, предпринимателей и управленцев. Что касается такого энергетически наполненного качества, как предприимчивость, без которой сегодня и речи не может быть о профессионализме (по крайней мере у хозяйственных элит), то она входит в пятерку только у предпринимателей, а в десятку - у учащихся и студентов. И больше ни у кого. А это значит, что все сказанное выше о достаточно благосклонном отношении российского общества к таким вещам, как личное достоинство, профессионализм или образованность, не должно рассматриваться в отрыве от того, что говорилось о потребительском менталитете постсоветского человека.

Не исключено, правда, что какая-то компенсация утраченной энергии - и слов, эту энергию выражавших, - может произойти благодаря переосмыслению и наполнению новым содержанием такой официальной традиционно советской ценности (принадлежащей одновременно к "ценностям-качествам" и к "ценностям-условиям"), как "дисциплина труда". Об этом на еще предстоит поговорить, а пока достаточно отметить, что "дисциплина труда" входит в десятку наиболее значимых ценностей во всех группах, кроме безработных, предпринимателей, бюджетников и учащейся молодежи, а в одной из групп (у руководителей совхозов и колхозов) вышла даже на первое место.

Обратимся еще раз к таблице 2. Что из нее следует в связи с нашими вопросами о конкретном содержании ценности профессионализма в сознании постсоветского человека?

Мы еще раз можем убедиться, что "ценности-условия" несравнимо слабее укоренены в этом сознании, чем отвлеченные символы "хорошей жизни". Из таблицы видно, что символическое поле сознания у многих людей ничем конкретным не заполнено. Но раз так, то отсюда следует, что символы "хорошей жизни" рассматриваются как своего рода компенсаторы отрицательного мироощущения постсоветского человека: он знает, как "не надо", но имеет довольно смутное (а потому фиксируемое лишь в самых общих символах) представление о том, "как надо". Последнее, как выясняется, его не очень-то и бес-

покоит. А это значит, между прочим, что предпочитаемые им символы и ценности вовсе не обязательно характеризуют какие-то устойчивые, базисные особенности его сознания; они могут оказаться переводом на символически-ценностный язык чисто ситуативных реакций, которые постоянно провоцируются переходным состоянием общества.

Но из таблицы следует и нечто другое, быть может, даже более существенное. При всем том, что "ценности-качества" выглядят в глазах населения заметно привлекательнее, чем "ценности-условия", при помещении тех и других в соответствующее тематическое гнездо обнаруживается, что и тут не все так однозначно. И дело не только в том, что "ценности-качества" тоже не в состоянии заполнить символическое поле. Гораздо важнее, что в тех редких случаях, когда это происходит, выявляется вполне определенная тенденция: популярность "ценностей-качеств" находится, как правило, в прямой зависимости от того, насколько они олицетворяют индивидуальное освобождение от идеологической и политической опеки государства, и в обратной зависимости - от того, насколько они символизируют индивидуальную ответственность.

Возьмем тот же "профессионализм". В отдельных социальных группах (директора, предприниматели, управленцы) профессионализм котируется даже выше, чем "труд", в символическом поле которого он находится. Но я уже говорил о том, что к популярности этой ценности нужно относиться осторожно. Теперь к сказанному выше можно добавить: столь высокая оценка профессионализма свидетельствует о стремлении постсоветского человека приспособиться к новым реалиям, не беря на себя дополнительной личной ответственности ни за результаты профессиональной деятельности, ни, соответственно, за приобретение качеств, необходимых для достижения этих результатов. Выше уже говорилось об отношении к "предприимчивости", которая лишь в одной группе - у предпринимателей - собрала около половины голосов (в других группах от 1/3 до 1/11). А сейчас обратите внимание на отношение к "прибыльности" труда ("ценности - условию", которое коррелируется с предприимчивостью): даже у представителей частного сектора оно достаточно сдержанное; у других - тем более. А это значит, что идея результатов трудовой деятельности (по крайней мере в их экономическом выражении), так же как и ответственность за них, в ментальности россиян укорениться до сих пор не успела.

Гораздо выше оценивается ими труд как процесс; доказательство тому - сравнительно высокий рейтинг "трудолюбия". Верховенство процесса над результатом - это, скорее всего, остаточное проявление психологии натурального или мелкотоварного производителя, работавшего "на себя" (в буквальном смысле слова): в условиях, когда результат не мог сколько-нибудь принципиально меняться, а его роль в жизни была чрезвычайно велика, процесс его достижения не мог не наполняться особым смыслом. Что-то похожее можно наблюдать сегодня на дачных участках, равно как и в советскую эпоху - в индивидуальном приусадебном хозяйстве.

В своей массе российское крестьянство никогда не было ленивым (хотя ему и не хватало рациональности). До 1917 года традиционное трудолюбие крестьянина, сформировавшееся благодаря особым условиям индивидуального хозяйствования, пытались поощрять и использовать помещики; им хотелось, чтобы крестьяне "любили землю" (и труд на ней), разумеется, не только свою, но и их, помещичью. После 1917 года примерно то же самое делали большевики (в том числе и с раскрестьяненными крестьянами, ставшими городскими рабочими), переименовав трудолюбие в энтузиазм. Но в советскую эпоху выявилась и историческая исчерпанность мотивации, основанной на "любви к процессу".

Индустриальное производство - впрочем, как и современное сельское хозяйство - требует "любви" и к результату, причем, к результату, количественно и качественно постоянно обновляющемуся. Чтобы заставить человека, который ориентировался на производство преимущественно для индивидуального потребления (и продажи одних и тех же товаров на местном рынке), работать на принципиально другой результат, большевикам пришлось сам этот результат предельно идеологизировать и мифологизировать, придать ему "оборонное" значение, сделать символом национально-государственного выживания.

Но как только такое стимулирование начало давать серьезные сбои, выяснилось: производителя, работающего на индивидуальное потребление, можно вырвать из привычной жизненной среды, можно вдохновить (или заставить) на труд ради достижения нетрадиционного для него результата, заданного извне, но принципиально переориентировать его трудовое сознание с "процесса" на "результат" таким способом невозможно.

Коммунистический эксперимент показал, что при подобном подходе происходит совсем другое: потребительская ориентация не только сохраняется, но и усиливается при размывании ориентации производительной. Удержать не удастся даже "любовь к процессу", т.е. трудолюбие. Хотя оно и удерживается в социальной памяти, но реализуется главным образом в периферийных - архаичных и полуархаичных укладах хозяйствования, которые опять-таки тем и отличаются, что в них производитель непосредственно работает на индивидуальное потребление. Разумеется, в частном секторе трудолюбие приобретает уже другое значение: здесь постепенно на первый план выходит именно идея "результата" (в его экономическом выражении). Но и предпринимательскому классу освоение идеи "результата" в ее производительном, а не спекулятивном значении у нас еще только предстоит.

Что касается других социальных групп, то их психологическая перестройка, которая только-только началась, будет долгой и нелегкой. Никакие революционные скачки и прорывы тут невозможны, возможно лишь более или менее органическое соединение запроса, идущего от настоящего и будущего, с опытом прошлого, в том числе (а быть может - в первую очередь) - советского. В данной связи начавшееся, как можно предположить, переосмысление "дисциплины труда", о чем я уже говорил, выглядит если и не обнадеживающим, то симптоматичным. Потому что "дисциплина труда" - это то, что относится к "процессу", но без чего, вместе с тем, немислим и "результат". В отличие от трудолюбия, уходящего корнями в мелкое товарное производство, дисциплина труда - императив производства индустриального. Наконец, именно "дисциплину труда" выделяют наши респонденты как ценность переходную, и - вместе с тем - синтетическую, причисляя ее одновременно и к советским ценностям, и к западным.

МОДЕЛЬ УСПЕХА: ДИСКУРС В ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ БСТОЯТЕЛЬСТВАХ

Я называю свой дискурс чрезвычайным, ибо рассуждения о "морали успеха" в разенной и отчаявшейся стране необычны до крайности. Но, с другой стороны, до крайности нужны нам сегодня носители этой морали - без них не поднять страну.

Главная наша опасность сегодня связана с утратой самоуважения – с предельно низкой самооценкой, порождающей комплекс неудачников, которым нечего терять. Именно в таких обстоятельствах перед аналитиком с предельной остротой встают методологические вопросы. Рассуждая в рамках "формальной логики", или, что то же самое, в детерминистской парадигме "тела" мы открываем в качестве наиболее вероятной ЛОГИКУ ПАДЕНИЯ. Сегодня она эмпирически подтверждается всеми наблюдаемыми тенденциями. Однако со времен христианства человечество открыло другую, диалектическую логику "воскресения на дне отчаяния". Рассуждая в христианской парадигме духа, мы открываем возможность перерешения человеческой судьбы даже в наименее благоприятных обстоятельствах. Именно здесь раскрывается противоречие между двумя измерениями культуры - материальным (эмпирическим) и духовным. Материальное измерение дает нам детерменистскую предопределенность будущего прошлым. Духовное измерение открывает способность культуры порождать контрдетерминации – когда будущее детерминируется ценностными решениями.

Сегодня многие аналитики стоят на позициях скептической пронципальности, не склонной раздавать кредиты доверия своим обанкротившимся соотечественникам. Но я верю в эвристические возможности, связанные не с логикой объяснения, а с логикой понимания, помогающей открывать альтернативы в казалось бы безальтернативных ситуациях. Здесь я разделяю позиции В.Франкла: "И вновь оказывается, что абсолютно не правы те, кто утверждает, что любовь ослепляет. Наоборот, любовь дает зрение ... Ведь ценность другого человека, которую она позволяет увидеть и подчеркнуть, еще не является действительностью, а лишь простой возможностью: тем, чего еще нет, но что находится лишь в становлении, что может и что должно стать" (Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990. С. 91). Сегодня статус долженствования крайне низок в нашей культуре - возможно это является реакцией на былое засилье идеологии, то и дело подменяющей сущее должным.

Однако должное это такая категория, без которой можно обойтись лишь при анализе неорганического мира. В мире культуры должное не меньше детерминирует поведение людей, а, следовательно, и ход общественной эволюции, чем сущее. При этом важно подчеркнуть неправильность (и несправедливость) деления людей на носителей сущего и носителей должного, на рабов настоящего и пионеров прогресса. Проблема состоит не в том, как "заменить" "старых людей" "новыми", а в том, чтобы открыть механизмы внутренних духовных преобразований - таинственную алхимию культуры, превращающей "неблагообразный" материал в благообразный. Именно с этих позиций я и буду рассматривать проблему.

Возможно ли модель успеха в системе распределительных отношений преобразовать в модернизационную модель?

Для ответа на этот вопрос необходимо рассмотреть внутреннюю эволюцию советской и постсоветской культуры. В нашей культуре давно уже намечалась поляризация идеологов и прагматиков. В условиях, когда о возрождении частной собственности не могло быть и речи, эта поляризация приняла форму противостояния идеологов и бюрократов, с одной стороны, технократов - с другой. Это противостояние носило циклический характер: соответствующими фазами отмечены 20-е годы, затем 60-е и, наконец, 80-е. В рам-

ках этой социокультурной оппозиции идеологи и бюрократы выступали как носители архаичного запретительного принципа, технократы - как носители динамического начала, совпадающего с общими секулярно-эмансипаторскими и рационалистическими тенденциями эпохи. Советская культура периодически воспроизводила эту оппозицию - вероятно здесь скрывался источник доступной ей динамики. Ее драма заключалась в том, что, во-первых, идеологи и бюрократы всегда побеждали технократов, а, во-вторых, в том, что последние не являли собой действительно продуктивную альтернативу.

Поражение горбачевской программы "ускорения" явилось завершающей фазой советского цикла в развитии нашей культуры.

В чем принципиальные изъяны технократического комплекса?

Во-первых, он является по преимуществу ЭТАТИСТСКИМ. Это подтверждает опыт Запада. В противостоянии гражданского общества и государства технократия, как правило, выступала на стороне последнего: ее отличает недоверие к "любительским импровизациям", она всегда предпочитает им организационное начало. Но свойственный гражданскому обществу принцип самодеятельности как раз и поддерживается правом на "любительские импровизации" различных социальных групп. Сравните две ситуации: с одной стороны, всезнающий госплан с его десятками тысячами дипломированных специалистов, определяющих "оптимальные" межотраслевые и межотраслевые пропорции, с другой - "стихия рынка", где происходят встречи рядовых производителей с рядовыми потребителями, не ведающими высоких истин передовой экономической теории. Тем не менее, как только предпринимаются попытки "переподчинить" производителя высоким директивным инстанциям, отодвинуть в сторону рядового потребителя, так сразу же экономика начинает работать в режиме "производства ради производства". Это наблюдалось не только у нас, к аналогичным последствиям вела "госплановская" тенденция правительства специалистов во Франции в первые годы их пребывания у власти (1981-1985 гг.), после чего разразившийся экономический кризис, а затем и поражение на промежуточных выборах в парламент заставил их опомниться.

Таким образом, обнаруживается, что оппозиция идеократии и технократии второстепенна по сравнению с оппозицией принципа директивования и принципа гражданской самодеятельности. Вот почему советский директорский корпус и вся формирующаяся вокруг него технократическая субкультура оказалась плохим подспорьем нашим рыночным реформам. Она не смогла преодолеть всемогущего запретительного принципа, сегодня уже воплощаемого не идеологами, а коррумпированной государственной бюрократией. Организованное запретительство, частично унаследованное от старой системы, частично воспроизведенное в форме ренты коррумпированного чиновничества, создало столь высокий барьер для экономической самодеятельности, что прорваться через него способно только организованное мафиозно-номенклатурное лобби. Вся нынешняя система основана на определенном консенсусе между государственной чиновничьей мафией - носителем бюрократической "нормы" и номенклатурно-мафиозным бизнесом. Консенсус этот облегчается тем, что обе стороны вышли из партийно-советской номенклатуры, уже при Брежневе срастающейся с торгово-распределительной мафией. Этот так называемый "бизнес" практически целиком функционирует в рамках перераспределительного принципа: вместо производства - финансовые спекуляции, вместо инвестиций - тайный перевод капиталов за рубеж и невиданное расточительство нуворишей "приватизации". Крушение идеократии и технократии ознаменовало собой переворот в культуре, связанный с демонтажом директивного, централистско-организующего и запретительного начала. Сегодня мы и наблюдаем эту драматическую дисгармонию, когда гарантии, связанные с государственным централистским нормотворчеством, рухнули, а возможности для массовой инициативы так и не открылись, ибо "приватизацию" узурпировал номенклатурно-мафиозный клан.

Как в этих условиях может быть оценен модернизационный потенциал общества? Модернизация культуры уже произошла по одному измерению: архаичное запретительство

утратило духовную и нравственную легитимность. Теперь оно выступает не в форме культурной нормы, опирающейся на легитимную традицию, а в форме ренты держателей запрета, торгующих своим правом смягчать или ужесточать его. Разумеется, здесь мы имеем посттрадиционалистскую ситуацию: запретительный и разрешительный принципы высвобождаются из-под оков идеологии и начинают выступать в сугубо светской форме групповых интересов. Запрет на массовое предпринимательство перестал быть культурным запретом и превратился в сугубо практическую преграду, связанную с групповым своекорыстием тех, кто желает утвердить свою полную монополию в экономической сфере. Мы попадаем в ситуацию жизни "без догмата", когда возможности и ограничения уже не связываются с санкциями культуры, а целиком относятся по ведомству социальной механики и голой энергии групповых действий и противодействий.

Технократическая ревизия старой партийной догматики была последней попыткой защитить регламентирующую культурную традицию, заменив единые, сверху устанавливаемые идеологические нормы нормами научно-технической рациональности, по сути столь же централизованными и унифицированными. Отличие нашей модернизации от модернизационного сдвига на Западе касается двух моментов. Там возникла ситуация свободной конкуренции в условиях сохранения протестантской морали и связанных с ней регулирующих норм. Индивидуальный производитель выступал как социально свободный, но обязанный в морально-религиозном отношении. У нас напротив, затеявший предпринимательскую одиссею человек оказывается социально связанным (попадает в сеть номенклатурно-мафиозных отношений), но в морально религиозном отношении оказывается в ситуации ВСЕДОЗВОЛЕННОСТИ.

Ясно, что в таких условиях представители "морали успеха" будут ориентироваться на успех любой ценой - в ситуации "смерти Бога в культуре" ничто не может противостоять убедительности принципа "цель оправдывает средства".

Ясно также, что это будет ориентация на немедленный успех. Тотальная экономическая, политическая и духовная нестабильность способствует подрыву долговременных стратегий и порождает психологию ВРЕМЕННОСТНИКОВ.

Ясно, что самопроизвольное превращение этих носителей перераспределительного-мафиозного "предпринимательства" в продуктивное совершенно исключено. Сегодня наша культура практически исчерпала потенциал внутренних самоограничений человека, связанных со статусом должного. Но там, где отказывают механизмы культурного самоконтроля, рано или поздно непременно включаются механизмы ВНЕШНЕГО ОБУЗДАНИЯ. Мне приходилось писать об архетипической триаде индоеврейского общества, включающей Жреца, Воина и Пахаря. Реформационный процесс собственно связан с перераспределением статусов в рамках этой триады. Наша дореформационная культура характеризовалась чрезмерной зависимостью Воина и Пахаря от жреческой функции, получившей гипертрофированное значение. Сакрализация труда означает, что хозяйственная функция помещается в особую, эсхатологическую перспективу: трудятся не ради повседневности, не для индивидуального благополучия - эти цели ощущаются столь ничтожными, что не стоят больших усилий. В хозяйственную жизнь проникает инородная ей "жреческая" логика религиозно-экстатических ожиданий (самоотверженность во имя высших целей).

Аналогичная зависимость наблюдалась и в отношении воинской функции. В России воин редко бывает настоящим профессионалом. Профессионалы войны в условиях утраты идейно-религиозного воодушевления быстро превращаются в дезертиров и мародеров.

Мне кажется, что специфическая дисгармония настоящего периода в России связана с внезапным крушением жреческой функции в условиях, когда Пахари и Воины оказались к этому недостаточно внутренне подготовленными. Со времен великого осевого времени появления великих мировых религий "божественный элемент в мире должен быть понят как убеждающая, а не как принуждающая деятельность" (Уайтхед А.Н. Избр. работы по философии. М., 1990. С. 568). Тоталитарный режим с его переизбыточностью

внешних запретов извратил жреческую функцию, связанную интериоризацией норм - преобразованием внешних запретов в самоконтроль духовно суверенной личности. Чем больше переплетались функции идейно-воспитательного ведомства с функциями ведомства сыскного, тем больше деградировала воодушевляющая способность официальной идеологии, разучившейся быть убеждающей, а не принуждающей силой.

Сегодня жречество, во всех его ипостасях, просто покинуло сцену. Показная религиозность, столь активизировавшаяся сегодня - не в счет. Речь идет, скорее, о стилизациях, чем о экзистенциально подлинном духовном самоопределении. Но это означает, что альтернативные варианты в рамках антитезы "внешнее ограничение - внутренне самоограничение (аскеза)", свойственной любой культуре, сегодня будут отбираться при отсутствии одной из фигур архетипической триады. Потенциальным носителем порядка - в условиях, когда общественный беспорядок достигает беспредела - начинает выступать Воин. Там, где исчезали гарантии, связанные с духовно-религиозной аскезой, с запретами, носящими характер внутренних норм, в роли носителя гарантий чаще всего выступает **ВОЕННАЯ ДИКТАТУРА**.

Мне представляется, что общественно-политический процесс у нас в ближайшем будущем будет определяться взаимоотношениями между "Пахарем", во всех его ипостасях, и "Воином".

На Западе с середины 60-х годов также остро ощущалась опасность разложения, связанная с гедонистическими комплексами потребительского общества и лево-либеральной идеологией попустительства. Но там у самого гражданского общества достало сил мобилизовать нормы и остановить продвижение к пропасти. Мне представляется, что именно в этом состоял смысл неоконсервативной революции рубежа 70-80 годов. Возрождение экономического либерализма сочеталось с укреплением позиций религиозно-консервативного комплекса западной культуры. У нас экономический либерализм понимается в ином духовном ключе и контексте - в русле всеразъедающего морального нигилизма и гедонистического, непродуктивного индивидуализма.

Здесь мы имеем пример некоммуникабельности культур: цивилизационное послание Запада наши западники интерпретировали неверно. Они не поняли, что либеральный принцип экономической неподопечности и гражданской самодеятельности обладает действительностью только тогда, когда в культуре доминирует не гедонистический индивидуализм - он годится только для нового перераспределительства, а индивидуализм продуктивный, близкий пуританскому этосу. Первоначальное накопление, лишённое подпопорок аскезы, превращается в разбойное экспроприаторство - в похищение чужой собственности (частной или общественной, безразлично). В Западной культуре процесс возрождения норм осуществлялся через процедуру анамнесиса - припоминания собственной морально-религиозной традиции. В нашей культуре, опустошенной тоталитаризмом, эта процедура вряд ли осуществима в должной мере.

Поэтому можно ожидать, что порядок придет не через аскезу, а через силу - в форме мобилизации воинской функции. Но чтобы этот порядок не обернулся новым тотальным запретительством, силам порядка необходимо будет осуществить весьма тонкую процедуру разграничения между сферами, где должен действовать разрешительный принцип (все, что не запрещено, позволено), и сферами действия запретительного принципа (все, что не позволено, запрещено). А это означает, что мораль успеха, разрешенная и поощряемая в экономической сфере, получит значительно меньший простор в политической сфере и во внешнеэкономической деятельности.

Сегодня некоторое подобие консенсуса между интеллектуалами и средой номенклатурного бизнеса имеет место потому, что эта среда не пытается контролировать сферу духовного производства по причине полного к ней равнодушия. После обилия тоталитарных запретов само равнодушие представляется благом. Хотя сколь-нибудь чуткие к проблемам качества существования люди не могут не видеть разлагающего влияния номенклатурно-мафиозного нигилизма на культуру, крайнюю незащищенность последней

перед натиском коммерциализации. Очевидно, в ближайшем будущем не только в сфере бизнеса, но и в сфере духовного производства предстоит осуществить разграничение областей применимости запретительного и разрешительного принципов.

Сегодня сонм "демократических" интеллектуалов, со счастливым ужасом констатирующих масштабы национального поражения - как залог того, что тоталитарный монстр больше не воскреснет,- неутомимо выискивает еще сохранившиеся твердыни национального духа, дабы ничего не оставалось не расшатанным. Скальпель "демократической иронии" ищет метастазы тоталитаризма всюду, готовый безжалостно крошить и резать. Великая русская литература? Она всего лишь предшественница и прародительница злополучного "социалистического реализма" - не развенчав первую, нельзя якобы получить противоядие и от второго. Традиция православной аскезы? Это, якобы, прямая предпосылка тоталитарной "идейности", манихейского деления мира на светлый и темный, жреческой монополии на истину. Этот мартиролог национального духа можно продолжать до бесконечности. Перед лицом такого беспрецедентного наступления у национальной элиты, достойной этого названия, есть две главных задачи.

Первая: набраться мужества, и вместо того, чтобы угодливо поддакивать бывшим союзникам по "антитоталитарной коалиции", укрепляя их русофобские стереотипы, заняться реабилитацией национальной культуры и традиции (другой у нас нет и не будет), раскрывая особую значимость этого наследия сегодня, при переходе от техноцентричной индустриальной эпохи к культуре центричной постиндустриальной.

По критериям индустриального общества Россия - довольно отсталая страна. По критериям постиндустриального (уровень общего образования населения, доля интеллигенции в самодеятельном населении, наличие общепризнанных - мирового класса - эталонов в национальном культурном наследии) она - развитая страна. Этот многообещающий парадокс нам необходимо сохранить в качестве национального шанса на пути в XXI век. Радикал-либералы, демонстрирующие все то, что не отвечает требованиям рыночной рентабельности (сегодня им отвечают только спекуляции на рынке ценных бумаг), тем самым лишают страну этого шанса. Их запоздалому эпигонству необходимо дать отпор.

Вторая: осуществить в духовном и ценностном плане поворот, сходный с тем, которым ознаменовалась неоконсервативная революция на Западе. Неоконсерваторы вовремя увидели, что разрушительные тенденции "потребительского общества", санкционированные лево-либеральным комплексом, ведут к скорому вырождению изнутри и капитулянству вовне. Перед лицом этой угрозы западная интеллигенция раскололась: из нее выделилось мощное консервативное ядро, обеспечившее, впервые, может быть, после 1789 г., духовную легитимацию консервативной традиции. Условия протекания неоконсервативной революции у нас иные, чем на Западе: в силу слабости гражданского общества она снова будет обращена к государству, обретая облик ПРОСВЕЩЕННОГО ЭТАТИЗМА. Здесь нас подстерегает масса опасностей. И главная из них - это опасность смешения неоконсервативной революции с тоталитарной реставрацией. Профессиональное призвание интеллигенции сегодня - разработать неоконсервативный проект, представив его на конкурс общенациональных проектов, отбирать которые предстоит народу.

ДОСТИЖИТЕЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР ЛИБЕРАЛЬНОГО ИДЕАЛА: ПРОГНОЗ ТЕНДЕНЦИЙ

Реальный переход к господству в обществе товарно-денежных отношений, там, где он имеет место, неизбежно охватывает каждую клеточку общества, культуры, формы отношений, повседневную деятельность, образ жизни каждого человека. Всепроникающий характер этого процесса означает, что сам он может быть результатом не тех или иных поверхностных манипуляций реформаторов, но каких-то достаточно мощных и массовых сил. Рыночные реформы, как и попытки масштабных прогрессивных изменений вообще, только тогда могут быть успешными, когда они опираются на эти силы, пытаются их стимулировать.

Любые процессы могут стать определяющими в обществе только в случае, когда они получают массовую нравственную санкцию, когда они становятся реальным содержанием господствующей нравственности, или во всяком случае, содержанием нравственности значительной части общества. Нравственность вопреки распространенным представлениям не является статичной и неизменной, но сложным противоречивым динамичным процессом. Представляет громадный не только теоретический, но и практический интерес динамика этого процесса в России, рассмотрение сегодняшних проблем как результата и, одновременно, этапа этой динамики как основы для ее возможного прогноза.

Нравственность является определяющей формой культуры. Ее массовое освоение, т.е. превращение в содержание сознания и деятельности, личностной культуры и программы воспроизводства, создает основу для общей, совместной деятельности, направленной обществом-субъектом, обществом на самое себя, на собственную интеграцию, на сохранение определенной степени единства, на достижение некоторого общего для всех результата. Тем самым обеспечивается выживание сообщества вопреки энтропийным процессам, развивается его способность эффективно отвечать на вызовы истории.

История России представляет собой сложную, крайне противоречивую картину массовых нравственных идеалов. Они существуют в форме дуальных оппозиций, что, впрочем, является закономерностью организации культуры вообще. Исторически и логически исходным является традиционный нравственный идеал (в России он может быть назван вечевым). Такой идеал органически неотделим от традиционного общества, более широко - от традиционной суперцивилизации. Исторически в России традиционный нравственный идеал распался на два, и их можно представить в виде дуальной оппозиции "соборный нравственный идеал - авторитарный". Постепенно в стране возникла и иная дуальная оппозиция: "вечевой (включающей обе его формы) - либеральный нравственный идеал". Она выступает формой оппозиции "традиционная суперцивилизация - либеральная суперцивилизация". Термин "либеральная" в обозначении суперцивилизации не должен редуцироваться до его политического содержания, он обозначает всеобщую систему культуры, господствующую систему ценностей одной из суперцивилизаций. Суперцивилизации и соответствующие им нравственные идеалы представляют собой первую, наиболее общую форму расчленения мирового исторического процесса и, одновременно, расчленения культуры. Различие этих двух цивилизаций можно проследить не только между разными культурами, но и внутри одной культуры. Их отношение, следовательно, носит как синхронный, так и диахронный характер. Специфика вечаевского нравственного идеала заключается в его ориентации на воспроизводство общества, включая исторически сложившуюся культуру, формы отношений, потребности, эффективность деятельности. Специфика либерального идеала заключается в постоянном стремлении повысить эффек-

тивность деятельности, в стремлении к прогрессу, к развитию. Этот идеал носит достижительный характер, т.е. нацелен на успех, на решение все более сложных проблем через совершенствование культуры, условий, средств и целей.

Другим важным идеалом является утилитаризм, который распадается на дуальную оппозицию "умеренный - развитый утилитаризм". Складываются и особые гибридные идеалы, т.е. основанные на попытках отождествления по сути чуждых, несовместимых идеалов. Но люди в интересах социальной стабильности пытаются закрывать глаза на это, скрыть от себя, например, что соборно-либеральный идеал есть почти механическое и поэтому чреватое развалом соединение разнородных, разрушающих друг друга нравственных идеалов.

Значение нравственных оппозиций для анализа динамики общества исключительно велико. Полюса оппозиций амбивалентны, оппозиционные смыслы могут переходить друг друга. Этот процесс - основа смыслообразования, вынесения решений, массовых действий. Любые смыслы, решения - результат преодоления различий, противоположностей, противоречий, раскола полюсов дуальной оппозиции, сложившихся смыслов организованных, разведенных через эти оппозиции. Формирование новых смыслов, решений на их основе следует определенной логике. Быстрое, логически моментальное переосмысление смысла любого явления, отождествляемого с одним полюсом, на смысл, возникающий при отождествлении с другим, есть логическая инверсия. В России, как показали исследования (А.С.Ахиезер. Социально-культурные проблемы развития России. М.,1992, гл.7) при решении масштабных значимых проблем преобладают реакции инверсионного типа. Инверсия может иметь место в результате того, что первый смысл, решение приводят к негативным последствиям, порождает у соответствующего субъекта дискомфортное социокультурное и психологическое состояние. Это вызывает эмоциональную реакцию, возможно массовую и резкую, которая и является движущей силой инверсии, в частности, оборачивания полюсов нравственного идеала. Это происходит с отдельной личностью, с миллионами людей, связанными единой нравственной основой.

Инверсия постоянно ограничивается, теснится медиацией. Последняя реализуется как попытки человека выйти за рамки исторически сложившихся дуальных оппозиций, за рамки сложившейся культуры. Медиация нацелена на формирование нового результата, элемента культуры, включающего синтез потенциалов каждого из полюсов, но превосходящего ограниченность каждого из них и обоих вместе. Этот выход включает формирование программ воспроизводства новых отношений, развития человека, общественного субъекта, общества. Если инверсия порождает циклы, например, повторяющееся оборачивание оппозиции соборного и авторитарного идеалов, то медиация, по крайней мере в тенденции, порождает накопление творческих инноваций, прогресс, оттесняющий ранее сложившиеся циклы, выдвигая новые нравственные оппозиции, например, содержавшие либеральный полюс. Инверсия и медиация всегда векторно направлены от одного полюса к другому, всегда эмоционально, а возможно – интеллектуально заряжены.

Прогнозирование не составляло бы труда, если бы инверсионные циклы не искажались то нарастающей, то оттесняемой медиацией. Поэтому в основу прогнозирования должен быть положен анализ возможной реакции соответствующего субъекта на ранее сложившийся смысл, решения. Здесь фокус социокультурного прогнозирования. Определяющий характер в истории России объясняет, что именно инверсионный тип социокультурной динамики лежит в основе смены периодов в истории страны. Принятая мною гипотеза социокультурной динамики России включала представление о том, что в ее истории было два периода, включающие полые циклы оборачивания господствующих нравственных идеалов. С 1991 года наступил третий период. Прогноз третьего периода может опираться не только и не столько на экстраполяцию исторического опыта прошлых циклов оборачивания господствующих идеалов, сколько на анализ возможных сдвигов в массовой реакции на свои прошлые действия.

Второй, т.е. советский период, можно рассматривать как результат реакции инверсионного типа на значимые процессы, протекавшие в первом предшествующем периоде развития российского общества. Анализ первого периода говорит о том, что попытки модернизации включали стремление сдвинуть меру деятельности на всех уровнях общества ближе к полюсу либеральной цивилизации. Об этом свидетельствуют попытки реформ, начиная с 1861 года до гибели российской государственности в 1917 году. Эти попытки в конечном итоге стимулировали рост массового дискомфорта, что в свою очередь порождало массовую инверсию.

Советское общество, сменившее общество первого периода, можно квалифицировать как возникшее в результате преобладания инверсии, т.е. массового стремления ответить на попытку утвердить господство либерализма инверсией к противоположному полюсу. Государственный аппарат, начальство потеряли нравственное оправдание своего существования в представлении значительной части общества, так как они отошли от своей нравственной функции помогать царю в исполнении его миссии быть гарантом уравнительной справедливости. Царь потерял статус высшего воплощения сакральной правды. В результате в дуальной оппозиции "государство - догосударственные формы власти" произошел инверсионный переход от государства к власти советов, т.е. власти самостоятельных локальных догосударственных образований вечевоего типа. Советы воплощали идею власти "маленького человека", точнее, соборную власть коллектива этих людей, несущих в себе традиции догосударственного вечевоего идеала.

Одновременно возникновение государственности второго периода было ответом на смертельную угрозу распада и гибели великой России, как полагали многие, воплощающей высшую правду, носительницу идеи всеединства человечества. Установление нового порядка было попыткой преодоления дуальной оппозиции "ослабление, распад - возведение силы общества на уровень Правды", т.е. осуществление идеи, что сила в Правде. Это могло трактоваться и как Правда в силе. Советская система была попыткой преодолеть этот распад посредством использования экстенсивных методов, т.е. вовлечения энергии значительных масс людей - носителей архаичных форм воспроизводства, труда, организации производства. В лучшем случае она была попыткой формирования некоторых гибридов архаичных форм труда с утилитаризмом, усеченным использованием некоторых элементов либерализма, низведенных на уровень средств. Это означало, что советская система, как она сложилась фактически, по самой своей сути оказалась гибридной попыткой соединения идеологического и духовного элементов двух основных типов суперцивилизации в каждой точке общества, попыткой их неорганического отождествления, носящего конфронтационный расколотый характер.

Советское общество в результате функционального банкротства советов уже в начале существования новой государственности обернулось авторитаризмом в его крайних формах. Оно превратилось в террористическое, где архаичные структуры в результате раскола между элементами традиционализма и усеченным либерализмом оказались под непрерывным насилием. Источником насилия было массовое возбужденное сознание, страшящееся краха традиционных ценностей и отдавшееся под власть тотема-вождя, утверждающего высшую правду в борьбе с мировым злом. Общество второго периода складывалось в процессе величайшего ожесточения, что и привело к массовому террору. Все стороны жизни оказались пронизанными насилием, стремлением восстановить крепостничество и даже рабство. Это привело к гибели значительной части населения, к опасности спровоцировать термоядерный конфликт в мировом масштабе. Этот трагический процесс оказался мощным фактором, воздействующим на эмоциональное и интеллектуальное самосознание народа. Его значение вышло на первый план как фактор, определяющий содержание инверсионного перехода от второго к третьему периоду.

При переходе к новому периоду на первый план вышла усталость общества от насилия, бесконечных реорганизаций, которые постоянно охватывали повседневность, труд, весь образ жизни. Эмоциональной доминантой оказалось стремление уйти от этого обще-

ства к обществу, не угрожающему террором и постоянной дезорганизацией жизни. Это означало, что эмоциональную доминанту инверсии следует искать в дуальной оппозиции "господство гибридного нравственного идеала советского типа - господство либерального нравственного идеала". Именно в либерализме с его выдвиганием ценности личности, ее успеха на первый план открывалась альтернатива обществу, основанному на подавлении человека. Эмоциональная доминанта перехода от второго периода к третьему была направлена от первого полюса ко второму полюсу этой оппозиции. Здесь открылась возможность своеобразного коперниковского переворота, т.е. замена ценности жизни, регламентируемой начальством, на жизнь, следующую собственным имманентным ценностям вплоть до ценностей повседневности.

Обращает на себя внимание, что этот переход, ведущий к утверждению либеральных ценностей в массовом масштабе, представляет собой непосредственную инверсию на прошлый антилиберальный переход. Современное общество, государство может быть понято как инверсия на антилиберализм советского периода. Эта специфика оказывается важнейшей для углубления социокультурного прогноза.

Сложность прогноза динамики третьего периода определяется, в частности, тем, что он должен учесть столкновение двух различных тенденций. Одна заключается в том, что в обществе сохранилось господство инверсионной логики, т.е. господство методологии осмысления, принятия решений, не соответствующей реальной сложности подлежащих разрешению проблем. Другая тенденция заключается в том, что именно в результате инверсии на первый план вышел либерализм, культура, логика которого несовместима с инверсией. В результате этой инверсии господство либерального нравственного идеала неизбежно вступает в противоречие с господством инверсионной логики, что можно рассматривать как специфическое противоречие третьего периода, по крайней мере его начала. Здесь ключ к пониманию современного периода.

Мера инверсии-медиации при переходе к третьему периоду значительно сместилась ко второму полюсу, хотя решающий перелом и не был достигнут. О подобной тенденции говорит, например, произошедший еще в конце второго периода отказ от господства манихейской по сути идеологии классовой борьбы, создающей нравственную основу для взаимного истребления людей, для разделения на людей и на людей-насекомых. Об ослаблении инверсионной логики, возможно, свидетельствует то обстоятельство, что для молодежи проблема врагов менее актуальна, чем для других групп. По исследованиям ВЦИОМА она наиболее часто указывает на "нас самих" как врагов себе, что свидетельствует о росте необходимой для медиации рефлексии. Это смещение следует признать важным позитивным фактором исторического процесса. Тем не менее, господство либеральных ценностей в обществе, где преобладает долиберальная логика, создает условия для крайне неустойчивого соборно-либерального гибрида. Нельзя закрывать глаза на то, что он чреват возможностью перерождения либерализма, прорастанием власти архаичными нравственными идеалами, возникновением неорганических нравственных сочетаний в результате потери либерализмом своего господствующего положения.

Современное нравственное состояние можно охарактеризовать как депрессивное. Оно связано с расколом между разными нравственными системами, проходящим через души людей, с отсутствием обобщающей нравственной санкции для утилитаризма, с его восприятием как отказа от нравственности вообще. Современный нравственный упадок, характеризуется тем, что рост значимости, ценности личности в ее собственных глазах не сопровождается соответствующим развитием культуры, подводящей под этот процесс представление о ценности целого, в частности, общества и государства. Однако при всей опасности этого процесса в нем есть и важный позитивный аспект. Он оказывает нейтрализующее, парализующее воздействие на возможность массового экстремизма, на способность людей поддаться опасным лозунгам в форме требований защиты общего интереса, что в России достаточно часто приобретало характер ожесточенных кровопроли-

тий. Этим объясняется, что современный россиянин значительно менее податлив на призывы людей, зовущих к массовому насилию, чем это было в начале второго этапа.

В политической области нравственный упадок может иметь далеко идущие негативные последствия. Важнейшей предпосылкой политического прогноза является прежде всего существование раскола между народом и властью. Он выражается в том, что в обществе преобладает расколота дуальная оппозиция "высшей ценностью является жизнь в локальном сообществе, общине, семье - высшей ценностью является всеобщая правда, мировое всеединство". Общество оказывается неспособным найти меру между этими полюсами, перескакивает от локализма, замыкания интересов, воспроизводственной деятельности в рамках локальных миров, ограниченных сообществ, регионов к абстрактной всеобщности и обратно. Последнее культивируется как абстрактное стремление сражаться за справедливость всех православных, коммунистов, за всех обиженных и угнетенных, в форме "братской помощи", не спрашивая этих людей, желают ли они, чтобы за них вступались. Каждая из этих тенденций, как и их неорганическое сочетание, могут оказаться разрушительными для общества.

В первом случае большое общество, государство оставляется на произвол судьбы, без ресурсов, нравственной поддержки. Во втором общество сплачивается на утопической основе, а ресурсы уходят на воплощение разрушительных и недостижимых целей. Общество не проявляет достаточной энергии для поиска реальной меры между этими крайностями, для проработки ее на всех уровнях, включая формирование функциональной государственности, воплощающей массовые ценности. Неспособность найти меру между этими тенденциями проявляется в том, что в обществе постоянно идет спор между двумя опасными утопиями.

Одна из них проявляется в отказе от государственности, от ее поддержки. Другая - в вере во всеилие государства, воплощенного в харизматическом вожде-тотеме. Эти иллюзии причудливо переплетаются. Их демонстрируют в частности те, кто, отказываясь участвовать в выборах, обрекают тем самым по крайней мере в своей душе, в своем нравственном сознании на гибель российскую государственность как таковую. Эта форма раскола проявляется в том, что на выборах люди голосуют не столько за программу деятельности, в которой они сами себя мыслят ответственными участниками, субъектами, но отказывают в поддержке очередному не оправдавшему надежд тотему, освобождая место следующему, за которого они, как и за предшествующего, не чувствуют себя ответственными.

Политическая жизнь не избавилась от характерной для инверсии подмены одного заблуждения противоположным, от стремления молниеносно превращать "низ" в "верх" и наоборот, исходить из архаичных представлений, что Иванушка-дурачок и есть высшее воплощение мудрости. Это дает ему возможность занять место харизматического вождя. Например, электорат Жириновского отличается не столько социально-демографическими признаками, сколько настроением и мироощущением, эмоциональными характеристиками. Их избранник - капризный, иррациональный тотем, лишенный последовательно, единообразного поведения. Отсюда главная опасность в политической сфере - слабая массовая ответственность за государство, что может оставить его на произвол ограниченных групп, монополий, вооруженных сил, оставить решать его судьбу борьбе между правящими группами. С учетом сохранившейся в стране мощи монополий - владельцев и распорядителей дефицита, склонных срачиваться с властью на всех уровнях, это открывает перспективы подчинения политической борьбы в первую очередь интересам монополий разных типов, которые будут постоянно стремиться втягивать в свою борьбу население, используя и сталкивая между собой различного рода модернизированные мифологические представления. Это не исключает, но делает особенно важной борьбу за демократию, за условия развития рынка, открывающие возможность для немонаполизованных сил, за реальное торжество либерализма в его почвенных формах на всех уровнях общества.

Попытки сформировать обоснованный прогноз социокультурной динамики России показывают, что нет оснований ожидать, что в обозримый период коренным образом изменится сам тип динамики, связанный с преобладанием инверсионных решений, циклов оборачивания нравственных идеалов. Однако и в рамках этой динамики существует огромное разнообразие возможностей, связанных с ослаблением инверсионной логики, возрастанием роли медиации, ослаблением раскола. Разнообразие этих возможностей требует осознания обществом существования проблемы ослабления циклизма, превращения циклов в перспективе из социокультурных поворотов, подчас разрушительных, в сферу интеллектуального диалога между альтернативами динамики.

Прогноз не обнадеживает на быстрое и чудодейственное разрешения наших проблем. Но тем самым он ориентирует на необходимость учиться жить, принимать решения в условиях высокой степени дезорганизации, недостаточной культурной интеграции, единства подчас трудно совместимых нравственных идеалов, на поиск исторически не апробированных форм нравственного единства. Но само осознание общества необходимости решать эти задачи возможно лишь на основе либеральной культуры и нравственности, постоянного преодоления абстрактного либерализма, успеха либерализма в преодолении своей собственной ограниченности.

"ВЫ БЛЕСТЯЩИЙ УЧИТЕЛЬ, У ВАС БЛЕСТЯЩИЕ УЧЕНИКИ"

Предполагая публикацию моих размышлений в рубрике "Новое поколение выбирает успех?" я в этот раз - см. в пилотном выпуске "Вестника" мою "Проповедь о первом и последнем в классе" - буду говорить прежде всего об учителях. И прежде всего для учителей. В том числе и для будущих. Говорить в стиле воображаемого - в процессе беседы с редакторами Вестника - выступления на очередном практикуме "Утро после выпуска" в Тюменском педагогическом колледже N 2.

Об успешных (и неуспешных) учителях

Представим себе, что некто, прочитавший в газете "Первое сентября" о том, что мы создаем новую партию - Партию свободного воспитания, - предлагает "партийным организаторам" открыть в этой партии *фракцию успешных учителей*. Мой ответ : *фракции* быть не может.

И не потому, что мало успешных учителей. Когда мы произнесли слово "партия", внутренне содрогаясь, то сто раз объяснили, что никакой собственно политической партии мы не создаем. Это партия не политическая, а педагогическая: мы решили объединить усилия учителей и родителей, которые придерживаются принципов свободного воспитания, мечтают растить детей красивыми, гордыми, свободными.

Их полно, этих людей, которые верят, что если ребенка воспитывать свободно, ставить своей целью, чтобы он вырос внутренне свободным человеком, то все получится. И учитель будет успешным, и ребенок будет хорошим.

И есть партия учителей, родителей, даже родителей больше, чем учителей, которые не верят в то, что ребенка можно воспитывать добром и свободой. Они считают, что ребенок от этого испортится, что это равносильно отсутствию воспитания и приведет к ужасным результатам. Они считают, что все те дурные результаты, которые мы получаем, происходят от того, что ребят в детстве баловали. Как одна поэтесса написала – у нее вырос дурной сын, ему лет 40 и он вырос не лучшим человеком, попросту говоря, пьяница : "Это потому, что я ему покупала в детстве игрушки".

Люди, которые принадлежат к партии свободного воспитания, верят - здесь очень важное слово "верят" - в то, что свободное воспитание возможно, верят - в отличие от партии людей, которые считают, что это невозможно, что дети сядут нам на шею, что класс разболтается, учить будет невозможно и т.д.

В этом смысле у нас партия. Могут ли принадлежать к ней успешные учителя? Они могут быть и в той, и в другой партии. Все дело в том, каким способом добывается своего успеха учитель. В нашей педагогической практике слово "успешный" имеет два прямо противоположных смысла. Во-первых, можно считать успешным учителя, у которого вырастают свободные дети, дети раскрепощенные, дети, которые любят учителя. Такой учитель всегда в нашей партии.

Но есть большое число успешных учителей, - так же, как, например, успешных политиков или писателей, у которых налицо все формальные признаки успеха: продвижение, деньги, слава, почет, уважение других и самоуважение (что очень важно), у них, как говорится, все в порядке, но на самом деле они не являются успешными учителями - если измерять действительно человеческий результат их работы.

Правда, такого рода успех в школьной жизни распространен больше, чем где-нибудь, потому что в школе успешность учителя, к сожалению, зависит прежде всего от выполнения тех формальных требований, которые к нему предъявляются системой. Особенность же нашей школьной системы в том, что она предъявляет к учителю не лучшие тре-

бования. Сама система антиуспешна - относительно высокого смысла слова "успех"; потому-то, предъявляя свои "неуспешные" требования, она формирует псевдоуспешных учителей. Иначе и быть не может, ибо требования эти заключаются в том, чтобы была хорошая успеваемость, хорошая дисциплина, не было ЧП, чтобы сам учитель приходил на работу вовремя. А если он еще занимается с ребятами после уроков, то уж он вообще отличный учитель.

Все это требования сугубо формальные и любой человек, немножко схитрив, добьется успеваемости - просто поставит хорошие отметки и все. И дисциплины добьется. И многие учителя добиваются внешнего успеха. И кажется, что они успешные профессионалы со всех точек зрения. Они не жалеют, что пошли в школу, они любят школу, это их место и другого места в жизни им не надо. Они отдают все силы школе - это так. Но от того, что у них неверная педагогическая идеология: "детей можно учить только принуждением, и как только это принуждение ослабевает, то дети разбалтываются, а те, кто стремится быть к детям поближе - "заигрывает с детьми" (вспомним фильмы "Ключ без права передачи"), их педагогический успех выхолощен.

Это вечная школьная проблема: как только учитель становится ближе к детям, он-то и оказывается действительно успешным, ибо его дети приняли. Так с чьей же точки зрения оценивать успешность учителя: с точки зрения школьной системы или с точки зрения детей и родителей? Кто не знает, как часто эти точки зрения расходятся: формально-то все у этого педагога хорошо, но в представлении самих детей она - ужасная учительница.

Вот потому слово "успех" для учителя (да и в других областях жизни), повторяю, многозначно. И без такого различия нельзя говорить о нашей партии.

Но *фракции* успешных учителей, пусть успешных и в высоком смысле слова, в нашей партии быть не может. Потому, что свободное воспитание - это тот случай, когда либо "да", либо "нет", "верю" - или "не верю". Если я верю в свободное воспитание, то все идет своим чередом. Если не верю, то выбираю другие методы. Можно больше верить, меньше верить, но не может быть деления вне принципа веры. Внутри этого деления можно разделить учителей на физиков, математиков, литераторов. Но фракция как кусочек партии, мини-партия? Этого быть не может. Фракция от фракции формальными критериями отличаются, а разделение учителей на успешных или неуспешных - неформальное, и, главное, здесь не я выбираю. Свободу же или несвободу выбираю я. Вот нам в партию директор школы пишет: "Я подписываю ваш Манифест" - она выбирает свободное воспитание. А выбрать или не выбрать успех я не могу, это лишь результат, который получается из моей работы.

Можно, например, создать фракцию богатых, ибо мы четко будем понимать, что означает слово богатый - установим взнос в один миллион долларов и определим: у кого есть возможность сделать взнос, тот богатый, у кого нет - тот не богатый.

Успех же в педагогической работе - зыбкое понятие прежде всего потому, что зыбким является слово "результат" педагогической деятельности. Бизнес измеряется в рублях, продукция завода - в количестве и качестве машин, даже доктор знает что у него столько-то процентов операций получается. В школе работа идет со всей жизнью человека, а не только с периодом обучения. Успех учителя должен измеряться успехами учеников? Но и этот, казалось бы нормальный, критерий настолько формализован и не отражает сути, что приходится сомневаться в его адекватности.

Успех школьный и успех жизненный

Казалось бы, все просто: у отличника и в последующей жизни будет успех. На самом деле в жизни ничего подобного нет. Отличник запивает и становится никчемным человеком. А троечник..., не хочу говорить, вы знаете, кем один из них стал у нас в стране.

Кстати, еще пять лет назад требования, которые предъявлялись к идеальному школьнику, даже формальные, отчасти отвечали требованиям, необходимым, например, при продвижении по партийной линии: послушный, старательный, усидчивый, может всегда сказать, что он идейный, ему ничего это не стоит, он ведь писал такие сочинения. Отвеча-

ет всем требованиям. Может стать - до секретаря райкома и тогда бы не дошел, потому что и там жизнь предъявляла реальные требования - инструктором, а может пойти в гуманитарную науку и там продвигаться.

Сейчас расхождение между школьным и жизненным успехом резко усилилось. Появилась, например, новая сфера работы - коммерческая, которая абсолютно не зависит от школьных успехов. Дело в том, что каждая область человеческой деятельности требует своего таланта, а формальная школа не требует никаких талантов, кроме усидчивости, способности уловить, чего же от тебя добивается учитель. Тем более, что есть много видов карьер, где успех не зависит от аттестата как такового.

Раньше тех, кто приходил наниматься на работу в газету, спрашивали: "Какое у Вас образование - высшее?". А нет высшего - тогда никуда не берут. А сейчас? Если взять нашу газету, я ни у одного человека не спросил, какое у него образование, меня это совершенно не интересует. У нас ведущий сотрудник - бывший водитель троллейбуса, он самый везучий у нас человек, замечательный, талантливый человек. Ни в каком институте не учился, ему 22 года. Из армии вернулся - сел на троллейбус, а из троллейбуса - к нам, пишет у нас статьи на философские темы.

Общество с каждым днем предъявляет больше требований к образованию, а не к аттестату. Это очень хороший процесс, он ведет к тому, что ребята, те, которые хотят продвигаться, стремятся к успеху, начнут думать не просто о том, чтобы сдать экзамен и получить бумагу, а о том, чтобы реально узнать, научиться. Стали ценить саму возможность научиться. Вот мы брали на техническую работу молодого человека, а он спросил: "Вы разрешите, чтобы я иногда сидел рядом с компьютером?" Он идет на работу, чтобы сидеть около компьютера и научиться. Зачем? Ему уже 25 лет, он из армии и он думает о том, что нужно образование, в данном случае, компьютерное.

В конце концов мы приходим к тому, что нас всегда удивляет в американских детях. Была такая, ну просто неразрешимая, проблема: почему наши дети дают друг другу списывать и это считается нормой и подвигом, а в других странах - вспомним Америку - этого нет. Там не дают друг другу списывать, ибо, во-первых, каждый видит в другом немножко конкурента, во-вторых же, ученик и сам не станет списывать - он ходит в школу - конечно, в идеальном случае - не для того, чтобы получить отметку, а чтобы самому все узнать - тогда он лучше по жизни пойдет. Он знает, что ему надо будет искать работу, а работа зависит не от аттестата - от знания. А во многих странах это уже стало совпадать.

В нашей газете печатались отрывки из американской книги "Маленькие победы". Учительница учит детей, никогда не учившихся, очень, очень плохих. У нее одна забота - довести их до того, чтобы они сдавали экзамен. Сдаст экзамен - получит соответствующее рабочее место. Она их уговаривает: "Сдашь экзамен, будешь больше денег зарабатывать". Я сам в шведской столярной гимназии - наше ПТУ, фактически, - увидев, что ребята упорно занимаются, ребята 18-летние, спросил: "Что вы так стараетесь?". И тогда один из них дал мне наглядный урок той культуры. Он достал из кармана 100 крон и сказал: "Если я закончу школу, то вот это я буду получать за один час". Он учится потому, что действительно стремится к какому-то успеху.

Разумеется, эта культура противоречива: а где духовность, где знания ради знаний? Массу претензий можно предъявить к такой точке зрения. Но, знаете ли, из двух зол выбирают меньшее. Если человек учится ради того, чтобы получать сто крон в час - это, может быть, и не очень хорошо. Лучше бы он был бескорыстен в стремлении к знанию - как Лев Толстой гордился тем, что все его предки учились не "для чего-то", и сам он учился и бросил университет - это тоже его не волновало. Но из двух зол - меньшее.

Можно ли делить учителей на "Первых" и "Последних"?

Я уже рассказывал на страницах Вестника о том, почему выступаю против разделения учеников на "первых" и "последних".

А учителя могут быть первыми или последними? Учителя бывают лучше или хуже - это без всякого сомнения, это кажется банальным. Но все непросто.

Только что мы получили для газеты статью психолога Н. Яковлевой. Вместе с коллегами она провела эксперимент. Приходили психологи в класс и хвалили учителя решительно за каждый шаг, который он сделает, при этом еще и объясняли, почему он сделал хорошо. Гипотеза исследователей - принимать учителя таким, какой он есть. Результаты получились сногшибательные - у детей. Когда кончался урок, психолог при разборе занятия говорил: "Вы замечательная учительница. Вот это Вы сделали очень правильно, вот этого я даже не ожидал - Вы смогли найти такой ответ". Они хвалили именно учителей, поднимали самооценку учителей, и тогда дети становились лучше и умнее. Поэтому-то, когда мы пишем в газете: "Вы блестящий учитель, у Вас прекрасные ученики" - это не просто психотерапия, это строго правильно.

Это мы делаем для учителя? Конечная цель - не учитель, а ребенок, это мы делаем для детей. А учитель - как ребенок, его тоже надо принимать таким, какой он есть, тогда он становится лучше.

Кто-нибудь тут же захочет поймать меня на фразе: "это мы делаем не для учителя, а для детей"? Ведь учитель выглядит здесь как некое средство, а ведь он проживает собственную жизнь.

Да, фраза опасная, потому что там, где речь идет о человеке, инструментальный подход опасен. Но в конечном счете мы все делаем для детей.

Особенность этой профессии заключается в преданности учителя детям, это ее профессиональный признак. Эта профессия педоцентрическая, и тот педоцентризм, который у нас проклинали, на самом деле - то, что нужно. Ведь уже стали говорить об образовании как сфере услуг, это признается уже, пусть не стопроцентно, потому что здесь "предмет" - маленький человек и слово "услуга" может коробить. Но, вообще-то, мы всей школой обслуживаем детей и родителей.

Возьмем газету "Первое сентября". Если бы мы выпускали "Лесную газету", то думали бы о лесорубах, и не только потому, что тогда они дадут больше продукции лесной промышленности, мы думали бы о лесорубах как людях. Мы выпускаем газету для учителей и думаем об учителе. Думая об учителе, мы должны - тут не совсем правильно будет сказать "в первую очередь", потому что здесь нет очередей - думать о детях. Здесь все так взаимосвязано: учитель и ребенок настолько связаны между собой, что когда учителю лучше, то лучше и детям. Неочевидно? Теперь это научно доказано.

Психолог, о котором я рассказывал выше, она стимулировала учителя ради его успеха? Или ради конечного продукта - успеваемости? Отчитывалась она не успеваемостью, а развитием ребенка. Вообще-то говоря, сделать так, чтобы учителю, лесорубу или еще кому-то было шикарно жить - это нетрудно. Но есть же еще и работа, есть же еще и цель, ради чего существует учитель. У учителя его самочувствие и цель его тесно связаны, собственно, как и во всяком другом деле.

Я, кстати, очень не люблю слова "самоопределение", "самосовершенствование" - все, что со словом "само". Это все интравертные слова, а учитель может быть каким угодно человеком, но не может быть интравертом. У него профессия экстравертная и она требует экстравертных людей. Конечно, есть и интраверты, но им трудно в школе, плохо. Учитель, как и писатель, как и всякий художник, самовыражается, конечно, в своем труде. Его работа вся есть самовыражение. Но если он настоящий художник, он вообще не думает, что самовыражается. Писатель - он просто пишет книгу как можно лучше, он никогда не думает, что он напишет книгу и станет лауреатом.

Можно ли помочь будущему учителю стать успешным профессионалом?

Педагогическое образование, подготовка учителя - труднейшее дело во всей системе высшего образования. Когда студентов учат на врачей, то, условно говоря, 95 % из них становятся врачами - у них нет другой профессии. С инженерами процент похуже, но в

нормальных условиях и студенты инженерных вузов большинстве своем становятся инженерами. Что касается учителей, то тут какие-то ужасные цифры: хорошо, если половина из них остается в школе. Почему огромное количество наших пединститутов работает как заводской конвейер, а учителей все не хватает и не хватает? Потому что, окончив институт, студенты, получив профессию, в учителя не идут.

У нас с этим борются, а американцы поняли, что это неизбежный процесс и перестроили все образование так, чтобы в пединститут шли не со школьной скамьи, а после третьего курса университета и наоборот: кто пошел сразу в пединститут, после третьего курса мог свободно перейти на другой факультет; поэтому и педколледж обычно находится в составе университета, а не отдельно, как у нас.

Есть модная идея: у нас плохие учителя потому, что нет профессионального отбора; давайте устроим конкурс и отберем их как в театральный институт. Кажется разумным? Да это чистый бред, это невозможно. Работа учителя требует огромного количества разнообразных, а не унифицированных, как для летчика, психологических особенностей. Тест для выбора профессии врача уместен; существуют и профессиограммы для физиков, химиков. Учитель же - это отражение вообще человеческого.

Говорят, например, что учитель не должен шепелявить. А мой школьный учитель математики не только шепелявил, он даже гундосил. Ужас что в классе было, когда он первый раз появился. Но через два урока мы слушали его, открыв рот: боялись пропустить, потому что переспрашивать его было нельзя, он убьет. У него были потрясающие результаты со всех точек зрения: и то, что мы его любили, и то, что мы математику всю жизнь помнили. Во всех смыслах это был Учитель - Сергей Николаевич Успенский.

Есть учителя, которые очень плохо знают свой предмет, но их обожают дети, дети выбирают их предмет и они превращаются в блестящих учителей. Есть учителя, с которыми, ну, невозможно, разговаривать: у них просто никакой логики нет. Но когда этот учитель попал в больницу, то дети из всех его классов стояли в очередь к телефону, чтобы поговорить с ним.

Учитель - крайне непредсказуемый человек. Он уходит из учительства после третьего курса, после первой практики, после пятого курса - в некоторых местах чуть не поголовно, а уж после 2-3-х лет работы в школе - все остальные. Но кто-то остается. Находят в себе человеческие резервы. В конце концов, это трудный путь, как путь художника. Просто художник у всех на виду, а учитель - нет.

Учитель привыкает к школе и становится в ней своим на восьмой, десятый год - не раньше. До этого он еще новичок. А через пятнадцать лет учитель уже выгорает - это американцами установлено. Через пятнадцать лет работы часть учителей душевно выгорает, они устают от школы, им надоедает повторять тоже самое, они отчаиваются, ибо видят, что все их старания ни к чему не приводят.

Когда появились педагоги-новаторы, плеяда передовых учителей, то среди них было очень мало молодых и очень мало пожилых. Ядро составили учителя с восемнадцатилетним стажем - это моя статистика. Это значит, что когда учитель только начинает работать в школе, он трудности профессии и неудачи относит к самому себе - "у меня плохо получается". Когда же учитель проработает 15-18 лет и чувствует, что уже все умеет, тогда он видит пороки в школьной системе, а не просто в себе самом.

Те, кто не выгорел или не хотят выгореть, кто чувствует, что выгорает, но не хотят поддаваться, те учителя едут на край света за свои деньги к Шаталову, потому что в газете написали: что он может научить решать противоречия педагогической профессии.

Неразрешимые школьные противоречия

Мы даже их перечень опубликовали в газете. Не полный, конечно: между знаниями и достоинством; между тем, что надо учить весь класс, и надо учить одного; между тем, что в классе есть и умный, и глупый, а программа на всех одна и т.д. Мы их насчитали 19, но это за два часа "мозгового штурма в редакции.

Так вот, я думаю, что новаторской идеей, педагогической идеей является все то, что помогает разрешению основных педагогических противоречий. Если посмотреть на работу Шаталова, Лысенковой (и про Сухомлинского я писал в этом же ключе) - она вся направлена на то, чтобы противоречия, от которых никуда не денешься, как правило, разрешить за счет того, чтобы их сильно обострить, обострить обе крайности.

Например, ученик учится и не он сам оценивает свой труд, а учитель; в итоге ученик начинает учиться ради отметок. Всем кажется, что ради устранения такого противоречия надо ликвидировать отметки в школе. Но тогда дети перестают учиться, и все начинается снова... Все считали, что надо ликвидировать оценки, а Шаталов, наоборот, стал ставить пять отметок за урок. И как только этих отметок стало так много, дети стали безразличны к ним. Отметки, конечно, существуют, поэтому дети на них все же ориентируются, но они и не существуют - в том смысле, интересуются, потому что их много, и, дети, таким образом, вроде бы перестали учиться ради отметок. А отметка сохранила свое контролирующее, регулирующее значение; она как пар: не надо каждую минуту следить за котлом, но надо заботиться, чтобы пар был.

В классе у Шаталова дети на моих глазах получили отметки за контрольную, их выставили в журнал. Урок закончен, все проходят мимо открытого журнала, только два ученика подошли и один другому сказал: "У тебя 4, у меня 4", причем другому это было неинтересно. Остальным было совершенно неинтересно, потому что они не для отметки учатся и потому, что они сами знают, какая у них отметка, знают, что учитель поставил ту отметку, которую они ожидали. Они точно знают, за что ставят эти отметки, они знают, как они сделали свою работу.

И так все время: если у вас противоречие, то нельзя из него выпрыгнуть через слабое звено. Потому что нет слабого звена. Обострили же обе крайности - и получилось. В том то и смысл преодоления неразрешимых противоречий, чтобы подходить к ним методом постепенного приближения, постепенно усиливая и ту, и другую сторону. Если есть противоречие, значит жизненно и то, и другое.

В Писании апостола Павла сказано, что до какого-то возраста ребенок наследник всего, но он в положении раба, он - в подчинении домоуправителя. Противоречие: наш ребенок, действительно, наследник всего и он же, действительно, в рабском положении. Кто-то скажет, что нашел решение: "Ну, хорошо, пусть ребенок будет наследник всего". Нет, это невозможно. Сказать: "Пусть и будет рабом"? Нет, невозможно. Дело заключается в том, чтобы ребенок полностью был наследником. И полностью рабом - в определенных обстоятельствах.

УТОЛИТ ЛИ ЖАЖДУ КОНЬ МЮНГХАУЗЕНА?

В крупнейшей молодежной газете России "Комсомольской правде" можно на одной странице прочитать, что современная молодежь - самая малообеспеченная и социально незащищенная часть общества, на другой же - что слухи о нищете, скажем, российского студенчества сильно преувеличены. Ежемесячный доход среднестатистического студента будто бы составляет двести долларов. Студент горой стоит за рынок, и единственное неудобство для него заключается в том, что время от времени приходится отрываться от дел фирмы, сдавать сессию.

Примерно та же картина - на государственном уровне. Из правительственных документов явствует, что с молодежью в общем-то все в порядке. На слушаниях же в думских комитетах ситуация подается с точностью до наоборот. Подобный "размах" свидетельствует с одной стороны о нерешенности проблемы, с другой - о растерянности перед ней общества, незнании с какого края подступить.

Между тем молодежь составляет в любой стране значительную часть населения. Посему она вправе не только выражать, но и бороться за свои интересы в политической, экономической и всех прочих сферах общественного бытия. Считается, что молодежь - будущее народа, нации. Следовательно, от того какой путь она изберет, зависит многое, если не все, для данного народа, нации, страны. По мнению некоторых исследователей, молодежь в силу своего предназначения быть источником и двигателем общественного развития может вести общество как к прогрессу, так и к регрессу. Мировой опыт, утверждает, к примеру, доктор исторических наук В.К. Криворученко, содержит примеры не только созидательного, последовательного развития молодежью созданного предшествующими поколениями, человечеством в целом, но и разрушительного воздействия, отвержения достигнутого в прошлом, и, добавим от себя, участия в созидании настоящего, иногда без достаточных на то оснований.

Заявления, что Россия раз и навсегда сделала свой очередной "исторический выбор", то реформы необратимы и т.д. сейчас скорее напоминают традиционные идеологические заклинания. История как бы замерла на весах. В какую сторону качнется чаша - зависит от выбора, который сделает молодежь.

Можно с достаточной долей уверенности представить себе три вероятных сценария. Первый: российская молодежь деятельно включается в строительство "светлого капиталистического будущего", страна выходит из депрессии, начинает жить "по-новому", как некогда пел Поль Робсон, а сегодня - ансамбль "Любэ". Второй: молодежь, устав от социальной нестабильности и материальных лишений, обеспечивает "откат" на прежний, социалистический путь. И, наконец, третий: молодежь не участвует ни в созидании нового, ни в окончательном разрушении старого, ни в прогрессе, ни в регрессе, выступает в роли "тормоза", питательной среды для перманентного воспроизведения бесконечного социального, экономического, духовного тупика, в котором ныне находится российское общество.

Последние по времени опросы Института социально-политических исследований РАН среди российской студенческой молодежи дали поистине сенсационные результаты. 90 процентов опрошенных не сочувствуют никаким политическим движениям, партиям, отдельным лидерам. 5 процентов молодежных симпатий вкуче собирают Ельцин, Гайдар, "Демвыбор", Черномырдин. 5 - Зюганов, Анпилов, Травкин, Говорухин, Руцкой, Констинтинов, Баркашов, Васильев.

"По данным наших исследований, - пишет в "Независимой газете" О. Степанова, - капитализаторский бум отнюдь не вызвал горячего отклика в сердцах и умах большинства студентов. Макс Вебер, обосновавший связь буржуазного предпринимательства с этикой протестантизма, культом денежной наживы был бы разочарован. Хотя российская молодежь, оставаясь в рамках реальности, значения денег совершенно и не отрицает, однако, среди прочих жизненных приоритетов отводит им далеко не первое место".

Российская молодежь, как явствует из социологических опросов, далека от "пассионарности", что опять-таки трактуется двояко: как здравый смысл и - безысходное равнодушие к собственной участи, то есть крайняя степень безволия и смирения.

Возьмем на себя смелость рассмотреть так называемую "пассионарность" как гармоничное сочетание трех компонентов: движущей силы, сообщающей жизни цель и смысл; определенной наследственности - преэмпственности в совершенствовании и укреплении неких общественно значимых идеалов; и, наконец, воли к действию - способности к организации, умению ставить и добиваться поставленных целей. Пассионарна ли в свете этих "трех источников, трех составных частей" российская молодежь? Соответственно, способно ли вообще динамично самоорганизовываться и развиваться российское общество?

Деньги как нервная система

В экономической и социологической литературе роль денег часто сравнивают с ролью кровеносной системы живого организма. Вероятно, можно сказать, что в нормально функционирующем буржуазном обществе деньги выполняют и роль нервной системы. В настоящее время российское общество напоминает человека с "пересаженной" нервной системой. Координация движений оставляет желать лучшего, рефлексии неадекватны, мысль прерывиста и нелогична.

В своей последней работе "Запад" Александр Зиновьев так охарактеризовал роль и значение денег: "Деньги стали (подчеркиваю, стали теперь, а не были такими изначально!) главным регулятором всей основной жизнедеятельности людей западного общества, основным побудительным мотивом, целью, страстью, заботой, контролером, надсмотрщиком, короче говоря - их идолом и богом. Западные люди одержимы деньгами вовсе не потому, что они морально испорчены (в моральном отношении они не хуже людей обществ иного типа), а потому, что деньги стали абсолютно необходимым условием, средством и формой их жизнедеятельности. В деньгах концентрируется и символизируется вся суть жизни людей в этом обществе. Это есть та реальная социальная атмосфера, которой они дышат, социальная пища, которой они питаются, социальная среда, в которой они движутся в поисках средств существования. Деньги для западного человека - это возможность иметь все то, что необходимо для жизни, и иметь то, что сверх необходимомго. Это - возможность иметь комфорт, образование, культуру, здоровье, удовольствия. Это - уверенность в завтрашнем дне, уверенность в будущем детей. Кто бы ни был западный человек, он так или иначе, прямо или косвенно, сам или через других людей вынужден быть участником, объектом и субъектом денежного тоталитаризма".

Можно дополнить мысль Зиновьева: деньги - своеобразный стабилизатор, символ надежности и устойчивости существующей модели общественного развития. Нечего и говорить, что в современной России деньги - это скорее дестабилизирующий фактор. Дефицит бюджета, неплатежи, инфляция, невообразимые скачки валютного курса национальной валюты, несовершенство экономического и налогового законодательства - все это странным образом видоизменяет сущность денег. Деньги в России пока что работают не на общество в целом, но - на отдельных его представителей.

Дезорганизацию финансовой системы вполне можно уподобить национальному бедствию. Движущая сила бытия в свете инфляции или мгновенного падения курса рубля предстает призрачной. Зарабатывающий деньги человек напоминает знаменитого

разрубленного пополам коня Мюнхгаузена, который выпил почти всю реку, но не сумел утолить жажду, потому что вода немедленно из него вытекала. Российские законы позволяют преумножать средства посредством чисто финансовых операций, но не позволяют владеть реальной собственностью - недвижимостью, землей, а также - вкладывать деньги в производство, то есть превращать финансовый капитал в промышленный. "Новые русские" в силу этих обстоятельств вынуждены относиться к России не как к своей Родине, а - стране временного проживания, стране, где они всего лишь делают капиталы, что, конечно же, не способствует ни миру в душе, ни уверенности в завтрашнем дне.

Сложившийся стереотип поведения таков, что "новые русские" не считают свою ответственность в России на сто процентов законной, поэтому они не только не будут за нее драться, но даже вкладывать в нее хоть какие-то средства. "Новые русские" сидят на чемоданах, их удерживает в России только возможность заработать лишний миллион и перевести его в заграничный банк. Поток утекающих из России капиталов не слабеет по мере мифической "стабилизации экономики". Идет циничная распродажа основных фондов промышленности.

Все это позволяет утверждать, что денежные символы пока не столько объединяют, сколько разъединяют людей. Еще несколько лет финансовой нестабильности - и деньги в России вообще могут превратиться в воплощение зла, изначального несовершенства мира. Тогда, вполне вероятно, молодежь встанет на путь "отвержения" буржуазного прогресса, поведет общество еще нехоженной социально-экономической тропой.

Наследственность - причина и следствие "непроизводительного" капитализма

В годы хрущевской "оттепели" и позже в СССР и странах "соцлагеря" стали появляться богатые люди. Причем они, разве что за исключением "теневиков", отнюдь не являлись капиталистами в прямом смысле этого слова. Это были директора процветающих госпредприятий, партийные и государственные служащие, валютчики, снабженцы и т.д. Вероятно, имелись основания говорить о буржуазном перерождении советской элиты, но это перерождение происходило не на капиталистической, а скорее на номенклатурно-бытовой основе. "Коммунистический класс богатых, - утверждает А. Зиновьев, - становился фактически хозяином советского общества, вербуя в свой состав наиболее влиятельных и склонных к обогащению граждан. Он и стал опорой тех преобразований советского общества, которые начались в 1985 году и привели к распаду Советского Союза и катастрофическому состоянию страны. В результате этих преобразований класс богатых, который до этого существовал скрыто и даже считался преступным, вышел на поверхность и был признан законным".

Александр Зиновьев полагает, что западная пропаганда ошибочно изображала этот процесс в виде перехода к капиталистической рыночной экономике и демократии. По его мнению, "процесс пошел" в рамках коммунизма. Сложился абсолютно непроизводительный класс богатых, прибравший к рукам экономику и органы государственного управления, оставивший ничтожные возможности для развития нормального капитализма. Российские предприниматели, пытавшиеся действовать по принципам капитализма, неизменно разбивали лоб об эту непреодолимую стену.

В этой связи весьма интересен обобщенный портрет молодого "нового русского". Если на заре "российского капитализма" еще появлялись люди "сделавшие себя сами", то сейчас класс банкиров и предпринимателей формируется исключительно за счет высокопоставленных государственных служащих или же детей этих служащих. Большинство молодых преуспевающих бизнесменов - дети номенклатуры, получившие собственность не благодаря собственным талантам, а в силу "непроизводительных" факторов. Посему российский капитализм как бы мертв от рождения. Он не является средством и условием организации деловой жизни общества, а всего лишь - средством удовлетворения "государственно-партийно-предпринимательским" истеблишментом своего стремления

жить красиво. Большинство "новых русских" - старых и молодых - предпочитают работать как при социализме, жить же и получать - как при капитализме.

Отсюда - исподволь тлеющий конфликт между редкими предпринимателями, добившимися успеха не благодаря, а вопреки государству, и - "поднявшимися" на государственности, соответственно заинтересованными не в каком-то там развитии промышленности и стабилизации финансов, а единственно в том, чтобы эту собственность удержать. Пока что сила за вторыми. И что удивительно, по мере "углубления" реформ, они становятся все сильнее, тогда как робкие ростки реального капитализма подавляются всей мощью государственной бюрократической машины.

Мне приходилось встречаться со многими молодыми деловыми людьми и, пожалуй, ни у кого я не наблюдал столь выраженной прогрессирующей динамики отчаянья, изначального неверия в успех задуманного предприятия. "Номенклатурщики" не могут не сознавать мертвенности сложившихся криминально-непроизводительных схем. "Сделавшие себя сами" чем дальше, тем отчетливее осознают собственное экономическое бессилие и политическую импотенцию. Комплекс "отцы и дети" может развиваться в двух формах. По пути стремления к изменению действительности, как у Базарова в романе Тургенева, либо же - по пути рефлексии и бездействия, как у остальных "лишних людей" русской литературы. Похоже, сегодня "лишними людьми" себя ощущают в России те, от кого ждут самых что ни на есть энергичных усилий по "вытаскиванию" страны из кризиса.

Бездействие как способ существования

Поведение молодежи, увы, свидетельствует о том, что Россия, сделавшись страной, капиталистической по форме, осталась социалистической, советской по содержанию. Советская система воистину замышлялась на века. Ее суть - внедрение на генетическом уровне механизмов, блокирующих способность к ясному, осознанному действию не только во время различных кризисов, но и в обыденной, повседневной жизни. Потому-то советское руководство и тратило чуть ли не две трети национального дохода на укрепление и совершенствование ядерного щита. Советская система была превосходно защищена от внешнего врага и врага "снизу", то есть диссидентского движения, но оказалась беззащитной от разрушения "сверху". И по сей день любое самое абсурдное и нелепое установление "сверху" встречается с тупой апатией и бессмысленной покорностью. Точно так же любой, спускаемый "вниз" референдум неизбежно дает угодный "верхам" результат.

Российская молодежь - естественный носитель этого "генетического" порока. Унаследованная неспособность к действию характерна для большинства возникающих повсеместно молодежных политических организаций. Молодежь, как собственно, и все российское общество в целом, пока не ощущает своей ответственности не только за судьбу страны, но и за свою личную судьбу, безучастно наблюдая за свершающимися изменениями, но в ни в коем случае не определяя их и не влияя на них. Российская молодежь "со смехом" рассталась со своим комсомольским прошлым, но, похоже, так и не нашла себя в настоящем, свидетельство чему - крах большинства политических и экономических "капиталистических" молодежных начинаний, включая даже такое, казалось бы, беспроблемное дело, как создание новых органов печати. Где все эти, некогда громко заявившие о себе, издания?

В российскую молодежь, видимо, остается "только верить".

В.Н. ШУБКИН

**СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ
И ВОСПРОИЗВОДСТВО НОВЫХ ЭЛИТ
(по материалам лонгитюдного исследования
жизненных путей молодежи)**

Перед драматическими событиями мая 1968 г. на прилавках магазинов в Париже появилась книга профессора Пьера Бурдьё "Наследники", которая сыграла не последнюю роль в критике французской (и не только французской) системы образования. Два года спустя он совместно с Ж.Пассероном публикует книгу "Воспроизводство". (1)

На большом статистическом материале авторы показывают, что главная функция французского университета - воспроизводство властвующей элиты. Оказывается, из всех решений проблемы сохранения власти и привилегий не существует ни одного более скрытого - и потому более приспособленного к обществам, которые склонны отрицать наиболее простые формы наследственного перехода власти и привилегий, - чем решение, которое дает система образования. Она обеспечивает воспроизводство социальной структуры и, в то же время, скрывает за своим нейтральным отношением то, что она выполняет эту функцию. Объективные механизмы обеспечивают правящим классам монополию на наиболее престижные учебные заведения. И опять эта монополия скрыта под маской демократического отбора, который учитывает, якобы, лишь достоинства и таланты.

Латентные механизмы этого социокультурного воспроизводства тесно связаны со спецификой культурного капитала. Культурное богатство, которое было накоплено и передано по наследству предыдущим поколениям, реально принадлежит (хотя теоретически предлагается каждому) тем, кто владеет средствами использования его для своих целей. Поэтому восприятие и владение им доступны только тем, кто знает шифр. То есть обладание культурным богатством как символическим багажом предполагает владение очень тонкими инструментами, позволяющими пользоваться им. А они находятся в монопольном владении высших социальных слоев. Они осуществляют передачу этих инструментов благодаря непрерывной деятельности той невидимой "системы образования", которая существует внутри культурных семей. Поэтому достаточно дать свободу действия законам культурного перехода, чтобы добавить новый капитал к имеющемуся уже культурному богатству, воспроизводя тем самым существующую структуру распределения культурного капитала между классами общества.

Эмпирические исследования, проводившиеся после второй мировой войны, опровергли многочисленные предрассудки о биологическом происхождении социальной дифференциации и на реальном материале показали как нарастает это неравенство с переходом из одного учебного класса в другой. Несоответствие социальной структуры вузов структуре активного населения - результат всего отборочного механизма, действующего на всех этапах образования.

Проблема воспроизводства власти и роли образования в этих процессах является одной из важнейших для существования современного общества. Часто говорят о демократизации системы образования, имея в виду прежде всего количественный рост студентов. Однако, эти изменения не затрагивали самой иерархической структуры образования, что позволяет правящим классам осуществлять социальную сегрегацию, обеспечивать себе монополию на качественное образование.

Селекция в условиях стран с большими традициями либерализма осуществляется при помощи замаскированного - тонкого, эластичного и, тем не менее, весьма четко работающего - механизма. Он включает в себя большое разнообразие каналов подготовки, в том числе тупиковых, формальную и неформальную иерархию типов школ, специфические критерии оценки успеваемости, которые прежде всего охватывают социально значи-

мые культурно-языковые нюансы, которые закладываются семьей, "судей-педагогов", которые вполне принимают эти правила игры, эту систему и ее критерии.

Найти свою подлинную роль - важная задача для системы образования как развитых стран, так и России. Это касается как целей, так и скрытых механизмов, как качественной, так и количественной стороны дела. Каждый этап в развитии общества требует специфического оптимального распределения населения по уровню образования. Это объективное требование производства, науки, культуры. Но, как мы уже говорили, образование играет важную роль и в воспроизводстве социальной структуры, и в производстве элиты.

Если ориентироваться лишь на чисто экономические показатели - темпы роста национального дохода, конкурентоспособность и т.п., - то есть рассматривать систему образования как придаток производства, то мы получим технократическую модель. В этом случае в стране будет готовиться узкая группа элиты - специалистов высшей квалификации, которая затем получает доступ к решающим рычагам власти в экономике и политике. Наряду с этим готовится некоторое количество специалистов среднего уровня. Что же касается образования широких масс трудящихся, то оно консервируется на весьма низком уровне и сводится, в основном, к овладению профессиональными навыками. В качестве придатка к этому трудящиеся получают эрзац-культуру - так называемую массовую культуру. Социальный аспект этой пирамиды нетрудно предугадать. В элите окажутся выходцы из правящего класса, сын же рабочего, как правило, будет рабочим.

Технократическая или элитарная модель образования очень удобна для правящего класса не только в силу экономичности, не только потому, что она обеспечивает воспроизводство существующей социальной структуры, но и потому, что создает самые благоприятные условия для решения политических проблем, для удержания власти. Правящая элита, располагая средствами массовых коммуникаций, имеет в этом случае благоприятные условия для того, чтобы использовать культурную брешь в своих политических интересах, манипулируя сознанием трудящихся, адаптируя их к сложившимся ценностям жизни.

Как, видимо, догадывается проницательный читатель, все эти вопросы имеют прямое отношение к проблемам системы образования в России. Именно поэтому группа социологов Академии наук России на протяжении довольно длительного времени реализует исследовательский проект жизненных путей молодежи, который дает определенный материал и для понимания процессов мобильности и роли образования в производстве элит.

Проект был начат в учреждениях Сибирского отделения АН СССР. В первой серии исследований (1963-1973 гг.) наша роль заключалась в том, чтобы, во-первых, весной с помощью "Анкеты-выпускника" фиксировать личные планы, ожидания, aspirations тысяч юношей и девушек из самых различных социальных групп и, во-вторых, осенью собирать данные о том, какой реально выбор они сделали, в какой мере осуществили свои планы после окончания средней школы. Т.е. чего они хотели и что получили реально. Обследованим были охвачены десятки тысяч выпускников школ в основном в возрасте 17 лет. Потому это исследование, которое по той же самой методике повторяли ежегодно 10 лет (а затем через 20 и через 30 лет), мы называем "Проект 17-17". (2)

Поскольку мы создали банк информации о семнадцатилетних разных выпусков, у нас появилась возможность проследить их дальнейшую судьбу: что с ними стало в 18, 19, 20 ... 25 лет. Эту часть исследования мы называем "Проект 17-25".

Большинство работ опубликовано и у нас в стране, и в США, и других странах. (3) Поэтому я позволю себе не останавливаться подробно на методике, а лишь привести некоторые материалы, относящиеся непосредственно к теме.

Как показывают материалы исследований, даже в застойные времена существовавшая система образования играла важнейшую роль в социальной селекции и воспроизводстве социальной структуры. Со сталинских времен пошла в ход формула отбора руководящих кадров "по политическим и деловым качествам", с упором, разумеется, на политические.

Политическая карьера тогда прежде всего зависела от "верности идеям", в действительности - от верности вождями большим и малым. Но уже при Хрущеве становится очевидной важность профессионализма, знания. Это хорошо понимают вожди-недоучки, заботясь о том, чтобы дать своим детям качественное образование. В 1961 г. выходит Постановление Совета Министров СССР "Об улучшении изучения иностранных языков", которое предусматривало создание специальных школ с преподаванием на иностранных языках. Школы были нацелены на поступление в дальнейшем в Институт международных отношений, Институт внешней торговли, которые открывали путь в высшие эшелоны управления, дипломатии, на "конвертируемые должности" и т.п. В это же время начинается создание специальных физико-математических школ, школ для "одаренных детей". Они, в свою очередь, должны были после окончания университета войти в будущую научно-техническую элиту страны.

Это был период прорыва советской науки в космос, больших успехов в математике, физике и др. Все это сказывалось на ценностных ориентациях молодежи, которые находили конкретное воплощение в шкалах престижа различных профессий. Среди самых популярных профессий у юношей оказывается ученый-физик, а среди девушек - ученый-медик.

Однако уже в 1983 г. при реализации проекта "Двадцать лет спустя" картина меняется.

Таблица 1

ИЗМЕНЕНИЕ ОЦЕНОК ПРЕСТИЖА ПРОФЕССИЙ ЗА 20 ЛЕТ
(1983г. в % к 1963г.)

Профессии	Новосибирск		Села Новосибирской области	
	юноши	девушки	юноши	девушки
Продавец	152.97	175.57	176.21	181.05
Работник животноводства	146.47	132.58	120.31	103.22
Шофер	137.45	112.55	144.52	109.07
Тракторист	125.94	103.05	106.28	102.92
Официант	123.14	104.90	110.70	118.13
Бухгалтер-счетовод	116.20	135.74	118.66	160.87
Механик	101.76	96.58	128.68	100.56
Ученый-биолог	90.31	104.38	89.38	110.41
Врач	89.87	103.43	96.43	105.73
Ученый-историк	89.58	100.00	93.94	104.87
Преподаватель ср. школы	84.38	102.32	84.17	100.41
Каменщик-штукатур	95.31	106.13	97.78	95.08
Ткач, прядильщик	97.95	89.08	95.31	94.03
Токарь	97.76	95.29	86.15	80.30
Инженер-машиностроитель	77.16	71.75	82.48	75.09
Ученый-физик	74.17	79.04	71.33	91.80
Строитель-монтажник	70.65	80.00	87.46	72.50

Произошло очевидное снижение престижа профессий ученых: физиков, биологов, историков. Если прежде самыми непрестижными видами труда были профессии сферы обслуживания, то теперь мы видим рост привлекательности сферы обслуживания. Во всех группах повысился престиж профессии бухгалтера, счетовода, но особенно резко возрос престиж профессии продавца. За этим угадываются изменения системы ценностей жизни, рост потребительских ориентаций среди молодежи. Характерно, что уже здесь в 1983 году обнаружили те тенденции, которые особенно ярко проявились в годы перестройки.

Все это не могло не сказаться на процессах социальной мобильности в связи с выбором профессии. Уже при реализации "Проекта 17-17" нами изучались эти процессы. В методологическом плане такой анализ связан с определенными трудностями, ибо возникает вопрос о том, как понимать продвижение вверх по лестнице социальной иерархии. Учитывая, что сама молодежь полагала, что самое привлекательное в профессии - тот простор, который она дает для творчества, именно этот критерий и был положен нами в основу классификации.

В связи с этим занятия отцов, а так же профессии, которые собирались избрать их дети, на основе оценок экспертов, были разбиты на три группы: первая - наименее творческие профессии; вторая - промежуточные; третья - наиболее творческие профессии.

Таблица 2

ЗАНЯТИЯ ОТЦОВ И СКЛОННОСТИ ДЕТЕЙ (в% к итогу)

Отцы имеют профессии	Дети стремятся получить образование и избрать профессии, в т.ч.			
	Всего	1 группа	2 группа	3 группа
Первая группа	100	3	71	26
Вторая группа	100	1	51	48
Третья группа	100	-	40	60

Как видно из табл.2, большая часть молодежи - выходцев из первой группы стремится перейти во вторую. Большинство из второй группы – в третью. Большинство из третьей группы хотят в ней и остаться. Те же тенденции были выявлены и при анализе реальных социальных перемещений в связи с выбором профессии.

Эта "ступенчатость" в стремлениях и переходах различных групп молодежи обнаруживается не только при группировке занятий по творческому потенциалу. После окончания школы большинство детей из семей колхозников хотели стать промышленными рабочими; большинство детей рабочих - служащими и работниками интеллектуального труда; большинство детей интеллигентов - остаться в этой же группе.

Воздействие семьи и школы на факторы социальной мобильности, как это было установлено, различны. Личные планы молодежи в меньшей степени зависят от социального положения семьи, чем реальные жизненные пути. Школа маскирует и как бы сглаживает в сознании молодежи те различия, которые объективно имеют место между детьми из разных социальных групп и ведут к селекции и воспроизводству элитных слоев.

Эти процессы достаточно отчетливо проявляются и при анализе материалов "Проекта 17-25". Здесь при исследовании процессов вертикальной социальной мобильности мы используем такой показатель как индекс ассоциаций, измеряющий воздействие социальной позиции родителей на шансы детей попасть в ту или иную социальную общность.

Он показывает, во сколько раз чаще или реже, чем в среднем для всей совокупности, тот или иной показатель бывает занят выходцами из определенной социальной группы. Если индекс ассоциации равен единице, то это значит, что положение отца не оказывает влияния на социальное положение сына; если он больше (меньше) единицы, то это значит, что выходцы из данной группы чаще (реже) занимают те или иные позиции, чем могло бы быть при нормальном распределении.

Вероятность для разных групп выпускников средних школ Новосибирской области оказаться после окончания школы в дневном вузе, дневном техникуме или непосредственно на работе, характеризуется следующими данными.

Таблица 3

ИНДЕКСЫ АССОЦИАЦИИ СЕМНАДЦАТИЛЕТНЕЙ МОЛОДЕЖИ
/60-ые гг. суммарно/

Социальное положение родителей и уровень их образования	Работа	Техникум дневной	Вуз дневной
1. Рабочие			
- неполное среднее и ниже	1.27	1.20	0.66
- среднее общее, среднее специальное	1.13	2.19	0.74
2. Служащие			
- неполное среднее и ниже	1.11	0.64	0.72
- среднее общее, среднее специальное	0.71	0.84	1.47
- высшее	0.47	0.35	1.69
ВСЕГО:	1.00	1.00	1.00

* Данные по группе детей колхозников здесь и далее не приводятся, так как численность этой группы среди анкетированной в 1975 г. молодежи незначительна.

Обращает на себя внимание то, что в целом степень отличия шансов юношей и девушек из разных социальных групп не очень велика, хотя, разумеется, следует помнить, что речь идет лишь о выпускниках средних школ. При этом в 60-х гг. у детей служащих среднего звена и специалистов было больше шансов продолжить после окончания школы учебу в дневном ВУЗе, а вероятность начать непосредственно работать выше у юношей и девушек из семей рабочих и служащих с низким уровнем образования.

Как видно, механизм отсева достаточно отчетливо проявляет себя: ведь индекс ассоциации у детей специалистов с высшим образованием в два с лишним раза превышает индекс у детей рабочих. (6) Последние уже на этом этапе существенно оттеснены от темы качественного образования, тем более - от надежд попасть в элитные слои.

Образовательные стратегии элит всегда нацелены на те учебные заведения, которые отличаются от массовых и реально дают более качественную подготовку. Причем такие функции отдельные школы и вузы могут брать на себя и в условиях официально всеобщей демократизации образования. Но в этом случае такие учебные заведения свои функции выполняют латентно. С этой точки зрения наша общеобразовательная школа никогда

не была единой. В ней всегда латентно отражалась дифференциация, существовавшая в обществе. Когда же появляются спецшколы, то они быстро превращаются в элитарные учебные заведения.

В связи с этим в рамках исследовательского проекта "Латентные механизмы социокультурного воспроизводства в кризисном обществе" в Институте социологии РАН социологом Г.А. Чередниченко были проведены в г. Москве в 1992 году и 1993 году два выборочных обследования средних школ с углубленным изучением иностранного языка. (7) Всего было обследовано 217 учащихся, а также были проинтервьюированы администрация школ, учителя и родители учащихся.

Очень коротко скажем о некоторых результатах. Первая селекция в спецшколах проводится при поступлении в 1-ый класс. Прием осуществляется по конкурсу, который называется "собеседованием". Оно проходит за 5-6 месяцев до начала занятий. Провозглашает цели конкурса - отбор детей "хорошо подготовленных к учебе", "умственно и физически развитых". Благодаря этому в спецшколы попадают не все дети приписанного к ней микрорайона, а лучшие. Не принятых отсылают в обычные школы. Очень многие дети, принимаемые в спецшколы, не относятся к данному микрорайону. К концу учебы таких - половина учащихся. То есть торжествует давно сформулированный принцип - в спецшколах не конкурс детей, а конкурс родителей.

В течении всего обучения в спецшколах идет "тихая селекция", когда под разными предлогами избавляются от слабых учеников. Открыто отсеивается после окончания 9 класса, когда он охватывает большое количество учащихся. Перевод в 10 класс открыто регламентируется. Отсеивается примерно 24%. Одновременно происходит и прием новичков (около 16%). Вот как выглядит социально-профессиональная структура отцов учащихся.

Таблица 4

**РАЗЛИЧНЫЕ ГРУППЫ УЧАЩИХСЯ
В СООТВЕТСТВИИ С СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМ СТАТУСОМ ОТЦА
/ в % к общей численности группы /**

Статус отца	ученики 11-го класса	ученики, покинувшие школу в период с 8-го по 11-ый класс	ученики, поступившие в школу в период с 8 по 11 класс
Руководители в негосударственном секторе	23.4	1.4	37.5
Руководители высшего уровня в государственном секторе	4.6	2.8	8.3
Руководители среднего и низшего уровня в государ- ственном секторе	10.2	12.7	4.2
Дипломаты, специалисты, занятые во внешнеэконо- мических связях	9.1	11.3	12.5
Специалисты, занятые			

в искусстве и культуре	4.6	8.4	12.5
Преподаватели вузов и научные работники	9.6	12.7	8.3
Прочие специалисты с высшим образованием	17.8	23.9	8.3
Инженеры	5.6	5.6	-
Военные	4.6	7.0	4.2
Служащие	1.4	1.4	-
Квалифицированные рабочие	4.6	8.4	-
Отца нет	4.0	2.8	-
Нет информации	0.5	1.4	4.2
ВСЕГО:	100.0	100.0	100.0

Совершенно очевидно, что эта структура не соответствует структуре населения. Дипломированные специалисты составляют 41.1% всего контингента отцов одиннадцатиклассников. Естественно, что представители именно этой группы легко преодолевали конкурс благодаря своему высокому культурному капиталу. Среди обследованных выпускников только две группы отцов без высшего образования. Это служащие и квалифицированные рабочие, которые составляют соответственно 1.4% и 4.6%.

В результате под воздействием селекции, которая идет в разных классах, в спецшколах складывается контингент учащихся - выходцев из привилегированных слоев. Для них после окончания школы открыты пути поступления в самые престижные вузы, а затем в правящую элиту.

Об этом свидетельствует анализ предпочтений при выборе вузов.

Таблица 5

**РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПО ГРУППАМ ВУЗОВ
ОТДЕЛЬНЫХ ГРУПП ВЫПУСКНИКОВ СПЕЦШКОЛ / в % /**

Социально-профессиональный статус отца (агрегированные группы)	Вузы, ведущие подготовку по специальностям:		
	экономики, финансов, политики, искусства	гуманитарной сферы, культуры,	другие
Руководители в негосударственном секторе, руководители высшего звена			

в государственном секторе, дипломаты, специалисты, занятые во внешнеэконо- мических связях	45	29	26
Специалисты, занятые в культуре и искусстве, преподаватели вузов, научные работники, специалисты прочих занятий, руководители низшего и среднего уровня	24	46	30

Две трети выпускников спецшкол выбирают вузы, готовящие специалистов в области экономики, финансов, политики, права и проч. гуманитарных наук. Дети руководителей частного сектора, руководителей высшего звена в госсекторе, дипломатов и специалистов, занятых внешнеэкономическими связями гораздо чаще (45%) выбирают учебные заведения экономики, политики, финансов и права. (МГИМО, Финансовую Академию, Российскую экономическую академию им. Плеханова, Российскую академию управления, Московский государственный лингвистический институт, а также новые платные вузы. Наследники экономически и политически господствующих групп чаще занимают учебные места в уникальных и престижных вузах. Напротив, большая часть детей специалистов, занятых в культуре и искусстве, науке (46%) идут в вузы по гуманитарным специальностям, меньшая (24%) - по специальностям экономики, финансов, права. В результате дети интеллигенции чаще, чем первая группа, вынуждены ориентироваться не на самые престижные и ведущие вузы.

Как же сказываются на этих процессах те изменения в системе образования, которые происходили в ходе реформы в России за последние годы? Говоря об этом, надо иметь в виду прежде всего изменения, связанные со своеобразной плюрализацией образования, с появлением частных платных школ, гимназий, лицеев и т.д. и т.п. Официально цель создания их - отойти от единой, стандартизированной школы, дать юношам и девушкам большие возможности для проявления своих способностей и талантов. Однако, реально эта плюрализация просто позволяет легализовать те механизмы, которые и прежде латентно были присущи нашей системе образования: селекция и создание максимума условий для воспроизводства элиты. Теперь уже и в отношении средней, и в отношении высшей школы во весь рост встал вопрос: способен ли ты платить за качественное образование своих детей? Те, кто не может - прочь с дороги. По ней, перескакивая с эскалатора на эскалатор, теперь катятся дети экономической и политической элиты.

Симптоматично, что в Конституции России, принятой в 1993 году, как-то невнятно был сформулирован пункт о всеобщем среднем образовании: получалось, что если твой сын окончил 9, а не 11 классов - это и есть среднее образование. Этим не замедлило воспользоваться чиновничество от образования, резко увеличив отсев при переходе из 9 в 11 классы. Лишь после протестов общественности Президент издал постановление, согласно которому те, кто хочет, могут продолжать образование в 10-11 классах. Очень опасны проекты и разгосударствления высших учебных заведений, превращения их в частные. Это, конечно, не может не усилить процессов дифференциации в системе нашего образования, направленных на воспроизводство правящих элит.

Все это дает основания подойти к ответу на поставленный вопрос: безусловно, мы движемся к технократической модели образования. Отброшены будут идеи о том, что дети всех классов и социальных групп имеют право на равные возможности на жизненном старте, в том числе и на получение полноценного образования. Наши элитарные вузы

будут еще более закрытыми для детей трудящихся. Властвующая элита, очевидно, слегка потеснится, чтобы дать место рядом с собой детям "новых русских" - детям нуворитшей. Массовая государственная средняя школа будет деградировать (за исключением частных платных гимназий, лицеев и т.п.), все более снижая качество образования. В качестве дополнения к нему трудящиеся получают массовую культуру в худших ее западных образцах. При этом будет вестись качественное обучение детей политических и экономических элит через спецшколы, "спецвузы". Они и получают в недалеком будущем доступ к рычагам управления в России.

ЛИТЕРАТУРА

1. P.Bourdieu et J.C.Passeron. "La Reproduction". Paris, 1970.
2. См. подробнее: В.Шубкин. "Социологические опыты". М.: Мысль, 1970.
3. V.N.Shubkin, V.I.Artemov, N.P.Moskalenko, N.V.Buzukova and V.A.Kalmyk. Quantitative Methods in Sociological Studies of Problems of Job Placement and Choice of Occupation, "Soviet Sociology", New York, 1968/Vol. VII, N 1,2.
4. Г.А.Чередниченко, В.А.Шубкин. Молодежь вступает в жизнь. М.: Мысль, 1985.
5. В.Н.Шубкин. Начало пути (проблемы молодежи в зеркале социологии и литературы). М., 1979.
6. Там же.
7. Г.А.Чередниченко. Механизмы социокультурного воспроизводства (на примере средних школ с углубленным изучением иностранного языка). В книге: "Образование в системе социокультурного воспроизводства: механизмы и конфликты", М., 1994.

ТЕКСТ КОРПОРАЦИИ: "СТРАХ УСПЕХА" ИЛИ "ДУХ СОТРУДНИЧЕСТВА"

Установка на успех может рассматриваться как с точки зрения социально-психологической перспективы, так и в парадигме культурно-антропологического анализа. В первом случае исследователь рано или поздно вынужден будет постулировать, что установка на успех в больших или малых сообществах представляет из себя по существу один и тот же психологический феномен, то есть одну и ту же имманентную человеческой психике мотивацию на личностные достижения и признание. Выбрав же иной взгляд и последовательно его придерживаясь, исследователь, напротив, вполне осознанно лишает успех универсально-родового начала и "корректно" различает культурные типы успехов, доминирующие в тех или иных по преимуществу агональных общественных системах (к примеру, в античности, византийском, арабском или протестантском "мирах"). Примечательно, что оба взгляда на природу успеха - как гипертрофирующий, так и пренебрегающий культурными факторами успеха - оказываются не вполне совместимыми даже в XX столетии, то есть в ту эпоху, когда происходят глобальное *сближение культур* и, соответственно, *универсализация* психологической природы человека.

Равно тому, как благополучно почтили в бозе "средний американец", "средний француз" и "простой советский человек", ушли в небытие и порожденные соответственными культурно-национальными проектами модернизации символические коды-модели "успеха", "успешности", "успешной личности". Не интегрирована ныне в культурном смысле Америка ни ценностями, ни нормами "американской модели успеха", если вообще когда-либо жила ими. Бесперспективными представляются также всякие рассуждения о "русской модели успеха" применительно к нашему трансформирующемуся обществу.

Постсовременный мир настолько кардинально внутренне переорганизовывается, как в культурном, так и социальном отношении, что всякие примордиальные идеологемы достижительской идентичности перестают играть сколько-нибудь существенную роль. В то же время на передний план выходят новые солидаристические группы, которые резонно ставят под сомнение онтологичность "идеализированных" культурно-символических типов установок на успех. Новые солидаристические группы не дислоцированы отныне внутри границ национальных государств, а скорее предопределены мировым разделением труда и власти, в том числе, и в геополитических аспектах.

Новые солидаристические группы суть в первую очередь глобальные социально-профессиональные сообщества и организации, в рамках которых происходит принципиальное переосмысление традиционных ценностей и норм профессионального успеха. Профессионал-одиночка ныне - явление не просто редкое, но и в определенном смысле аномальное. "Человек организации" в свою очередь становится родовым социокультурным типом. Разумеется, всякое навязывание этому типу традиционных моделей успеха - дело бесперспективное, как, впрочем, и в чем-то вредоносное.

Пытаясь обнаружить, какими достижительскими установками мотивирован современный человек (в первую очередь "человек организации"), американские социопсихологи около 20 лет назад обнаружили то, что превзошло все их ожидания. "СТРАХ УСПЕХА" - так была определена господствующая в обществе психологическая установка на избегание успеха как в смысложизненном ракурсе, так и на профессиональном поприще. Наблюдение социопсихологов вызвало своего рода культурошок. Мало того, что выяснилось - обычный американец живет "не по законам" классической модели успеха. Он, напротив, следует иной, совершенно "иррациональной" и "непривычной", логике жизни, и сквозь эту призму зрения - вряд ли вообще может считаться "американцем".

Ещё в 60-е годы стремление к успеху считалось чуть ли не главным из числа социокультурных мотивов человеческой деятельности (См., к примеру, классический труд: Atkinson J.W. An introduction to motivation. New York. 1964). Однако тщательные замеры и экспериментальные исследования 70-80-х годов привели значительное число специалистов к полному отказу от старых концепций и к утверждению тезиса о том, что в обществе доминирует *страх успеха*. (Сошлюсь на достаточно репрезентативное собрание данных на эту тему: Tresemer D. The cumulative record of research on "fear of success" // Sex Roles. 1976. N2).

Тезис о страхе успеха достаточно быстро становится преобладающим в специальной литературе, подобно тому, как мгновенно укрепился в научном сообществе тезис о кризисе "викторианских" ценностей и норм трудовой морали. 70-е годы ознаменованы уже научными попытками *измерить* страх успеха; и то, что весьма часто достигались чрезвычайно амбивалентные результаты, практически никак не отражалось на «новой» теории. М. Паппо для психологии начала 70-х годов блестяще показал, насколько страх успеха господствует в академических кругах Америки (Pappo M. Fear of success: a theoretical analysis and the construction and the validation of measuring instrument // Dissertation Abstracts International 1972. N 34). Супруги Гуд использовали методику констатации истинных и ложных высказываний людей для замера их отношения к успехам других (Good L.R., Good K.C. An objective measure of the motive to avoid success // Psychological Reports. 1973. N 33). Апогеем всего этого когнитивного бума можно считать конструирование особых *шкал* страха успеха в социальной психологии (одна из попыток принадлежит М. Цукерману и С. Аллисон: Zuckerman M., Allison S.N. An objective measurement of fear of success: Construction and validation // Journal of Personal Assessment. 1976. N 40). И все же некоторые сомнения по поводу валидности подобного взгляда на природу успеха высказывались специалистами в 70-е годы.

В следующем десятилетии эта примечательная для понимания современной общественной психологии тема обретает новое дыхание и первым долгом за счет включения проблемы страха успеха в более широкую тематику стратегии деятельности людей. В свое время С. Садд, М. Ленауер, П. Шейвер и Н. Дюниман (См.: Sadd S., Lenauer M., Shaver P., Dunivant N., Objective measurement of fear of success and fear of failure: a factor analytical approach // Journal of Consulting and Clinical Psychology. 1978. N 46) показали взаимосвязь между этими двумя явлениями в моделях человеческого поведения. Однако, своего рода логическая точка во всей дискуссии была поставлена в совместных исследованиях К. Симмонса, К. Кинга, С. Такера и Э. Венера (Simmons C.H., King C.S., Tucker S.S., Wehner E.A. Success strategies: winning through cooperation or competition // Journal of Social Psychology. 1986. N 126; Simmons C.H., Wehner E.A., Tucker S.S., King C.S. The cooperative/competitive strategy scale: a measurement of motivation to use cooperative or competitive strategies for Success // Journal of Social Psychology. 1988. N 128). Им удалось, как мне кажется, установить относительно прочную связь между установкой на успех и стратегией социально- профессиональной деятельности современного человека, "человека организации".

Авторы обоих коллективных исследований выдвинули в качестве гипотезы предположение о том, что концепция страха успеха - ложная в своем основании. В современном обществе не существует ни мотивировки избегания успеха, ни, тем более, страха успеха. Суть дела заключается в избрании субъектом той или иной социально-профессиональной стратегии деятельности, а именно - соревновательной или кооперационной. Поэтому так называемая мотивировка избегания успеха скорее всего покоится на мотивировке избегания соревновательности и конкуренции. Словом: в современной общественной психологии есть лишь мотивировка избегания соревновательности, но нет страха успеха - такова суть нового взгляда на проблему.

На время прервем свое повествование и вспомним о классических типах успеха-соревновательности в мировой истории культуры. В классических культурах ценность ус-

пеха не воспринималась в отрыве от нормы обязательной соревновательности (агональность). Исторически сформировавшиеся аристократические этосы представляют нам наиболее чистые культурные типы агональности (средневековый рыцарь, гомеровский герой, японский дайме, византийский аристократ). В этих этосах успех всегда был предельно индивидуализирован, то есть мыслился лишь в "образе" личностного (и в этом смысле - неповторимого) успеха. А отсюда и стратегия на достижение такого успеха аппроксиматично инвариантна, то есть индивидуально-соревновательна. Не случайно Я. Буркхард в середине прошлого столетия определил древнего грека как человека "агонального", то есть соревновательного.

Вся жизнь этого индивида была подчинена идеалу успеха, служению успеху во имя самого же успеха. По разному, правда, интерпретировались стандарты и сферы, в которых допустимо было достижение успеха. В подавляющем большинстве аристократических этосов экономическая сфера деятельности человека исключалась из списка сфер, в которых людям надлежало было стремиться к успеху. Протестантский этос, если следовать веберовской интерпретации, впервые возвел успех в профессионально-экономической сфере человеческой деятельности в ранг наиболее приоритетного вида успеха. Как мне представляется, в рамках этого же этоса впервые была также сформулирована (пусть даже и не вербализована) дилемма социально-профессиональной стратегии деятельности человека в установке на успех - через соревновательность или кооперацию. Но, что, пожалуй, самое главное, - протестантский этос впервые закрепил в понимании смысла успеха новый акцент: отныне над ценностью успеха возвышается высший "судья" - критерий пользы.

Вернемся теперь к теме нашего очерка. Сопоставив, культурно-антропологическую и социально-психологическую "точки отсчета" успеха, мы вправе предположить, что социальная психология пост-современного общества безусловно "демонстрирует, что мотивация достижения успеха состоит по крайней мере из двух независимых стратегий: достижение успеха через кооперацию", - это во-первых. И, во-вторых, культуре современного общества не свойственен страх успеха, в ней скорее присутствует нежелание людей соревноваться (конкурировать) друг с другом на пути к личному успеху. В этом, пожалуй, принципиальное изменение в понимании успеха как культурно-символического типа достигательской идентичности.

Возможен ли из всего сказанного некий политико-прагматический вывод? Четче всего, на мой взгляд, он был сформулирован в работе А. Кона (Kohn A. How to succeed without even vying // Psychology Today. 1986. N 20). По мнению автора, связь между соревновательностью и успехом не только не является само собой разумеющимся или даже общеобязательной, а, наоборот, она артикулирована в сознании человека постсовременной эпохи куда слабее, чем связь между кооперацией и успехом. В любом случае этот тезис звучит в диссонанс с устоявшимся социальным и культурным мифом о том, что только соревнуясь, человек достигает успеха, ибо сегодня (неважно при этом, какое общество мы анализируем - американское или посттоталитарное российское) люди скорее рассуждают в прямо противоположной логике: успеха куда эффективнее добиться объединенными усилиями людей, чем в одиночку.

Итак, исторический период "индивидуалистических" типов успеха, как кажется, в основном исчерпан. Им на смену приходят время "кооперационной" модели успеха, а, следовательно, успеха "человека организации" или, иными словами, успеха специализированного в социально-профессиональном смысле.

Отказав "страху успеха" в онтологичности, мы, тем не менее, не сделали ещё одного аналитически важного шага. Мы все ещё не убеждены в том, что *сотрудничество* в рамках крупнейших современных видов социально-профессиональных организаций, скажем, в корпорациях, является той искомой средой, которая все же способна как-то мотивировать людей на достижение профессионального успеха. Не имея возможности полноцен-

ного анализа этой проблемы, вкратце остановимся на одном аспекте - сотрудничестве внутри организации.

Сотрудничество является центральной характеристикой организации как некой замкнутой группы, члены которой (сотрудники корпорации) координируют свои усилия, особенно по линии достижения коллективного успеха, дабы не дублировать, а взаимодополнять друг друга. Исследования 60-70-х годов показали, насколько большое внимание предприниматели и менеджеры уделяли налаживанию сотрудничества внутри своих корпораций и даже между различными организациями (См., к примеру: Brewer E., Tomlison J.W. The manager's working day // Journal of Industrial Economics. 1964. N 12; Horne J.H., Lupton T. The work activities of "middle" manager's: an exploratory study // Journal of Management Studies. 1965. N 2; Mintaberg H. Structered observation as a method to study managerial work // Journal of Management Studies. 1970. N 7).

В начале 70-х М. Дойтч в книге "Загрешение конфликта" (Deutsch M. The resolution of conflict. New Haven. 1973), сформулировал теорию кооперации и соревнования, способствующих координации и сотрудничеству внутри организации. Смысл его гипотезы сводится к следующему: *целевая взаимозависимость* предопределяет то, как люди работают внутри или между группами. Развивая идеи Дойтча, Д. Тьесвольд в середине 80-х предложил идею *динамики взаимозависимости*, которая, собственно, и характеризует связность корпорации изнутри и в её отношениях с иными организационными структурами. Он, в частности, утверждает, что при кооперационной взаимозависимости люди полагают, что их цели позитивно связаны и, соответственно, как только некий член группы начинает действовать по пути претворения своих целей, тотчас же и все остальные члены этого социально-профессионального сообщества поступают по аналогичной модели. При кооперативных целях люди осознают, что их успех "совместный" и что в их интересах помогать друг другу. Соответственно они помогают друг другу и избегают конфликтов. (См.,: Tjosvold D. Dynamics of interdependence // Human Relations. 1986. N 39).

Люди, объединенные соревновательными целями, развивают совершенно иную динамику. Они исходят из того, что их цели негативно связаны; достижение цели одними субъектами препятствуют соответствующему достижению целей другими. Их индивидуальный успех не сопоставим. Логически они и не пытаются оказать друг другу помощь, избежать или эскалировать конфликты. А при несвязности успехов они минимизируют и взаимодействие друг с другом.

Эти две модели динамики, естественно, влияют на коммуникативную эффективность в корпорациях (ожидание дружеских отношений и чувств, ожидание результатов будущего сотрудничества). При кооперационной динамике творчество и продуктивность людей связаны с взаимным использованием ресурсов и информации; они развивают доверие. Соревновательная динамика начинается с обмена и продуктивности, но заканчивается только чисто рабочими отношениями.

Не покушаясь на саму природу соревнования и конкуренции в западном мире, исследования специалистов показывают, что корпорации (как образцы крупных социально-профессиональных организаций), работники которых утверждают и преследуют кооперационные цели, имеют куда больше взаимодоверия между своими сотрудниками, скорее склонны к постоянному взаимобмену информацией, ресурсами, работают эффективнее и продуктивнее и всегда открыто определяют платформу будущего сотрудничества. Напротив, взаимодействие между людьми в динамике соревновательных целей характеризуется низким взаимобменом, подозрительностью, низкой продуктивностью и слабо выраженным "духом" корпорации. Из всех этих, пусть даже и несколько тривиальных, наблюдений явствует один прагматический, весьма банальный, но все ещё никем не опровергнутый, вывод: "Менеджерам следует знать, что люди разных групп должны осознать кооперационность своих целей до того, как они начнут успешно сотрудничать" (Tjosvold D. Cooperative and Competitive Dynamics Within and Between Organizational Units // Human Relations, 1988. N 41. P. 433).

Подведем окончательный итог. Многолетние наблюдения специалистов за профессиональной деятельностью людей показывают фактически полное исчезновение с культурной карты пост-современного мира "мифологизированных" типов успеха. В своем старом облики - "индивидуализированный успех через соревнование" - ценность успеха отныне уже не реабилитировать в массовом сознании модернизированных обществ. Перефразируя известную максиму Ницше, можно с уверенностью декларировать: "Успех умер!". Успех через сотрудничество, в свою очередь, совершенно по-иному вписывается в дискурс пост-современной культуры. "Дух" современных организаций (корпораций) вкладывает новые смыслы в символическую ценность успеха, которая, в свою очередь, все меньше и реже облачается в "одежки" национальных идентичностей.

ЭТИКА И ЭТОС КОРПОРАЦИИ

Круглый стол редакции Вестника

От редакторов

Исследовательский проект "Этика успеха", реализующийся, в частности, в форме одноименного Вестника, естественным образом предполагает обсуждение нравственных проблем современного феномена корпоративности.

Корпоративность, равно как и профессионализм, "обречены" на достижительную мотивацию, эффективность и успешность. Но какой ценой? Может быть, в рациональной этике ответственности содержится постановка этого вопроса и поиск ответа на него?

В нашей стране современные, цивилизованные формы корпоративизма только складываются. И уже на старте этого процесса обнаруживаются как продвинутость этих структур гражданского общества, так и "болезни роста". Сохраняется неясность очертаний национальной модели корпоративного духа.

Участники собранного редакцией "круглого стола" пытаются заявить элементы программы изучения Духа корпорации, акцентируя - с учетом тематизации данного номера - профессионально-нравственные аспекты корпоративности.

Редколлегия предполагает, что публикация стенограммы "круглого стола" стимулирует работу авторов следующего тематического номера Вестника, собираемого вокруг темы "Дух корпорации".

В.И. Бакштановский (Научный руководитель Центра прикладной этики, советник по деловой этике президента корпорации "Югра"). **СТАНОВЛЕНИЕ ЭТОСА КОРПОРАТИВНОГО УСПЕХА И СОЛИДАРНОСТИ.**

Я решил выступить в жанре тезисов рабочей гипотезы, обсуждение которой предвещает формирование ЭТИКО-ПРИКЛАДНОГО проекта "Дух корпорации".

1. Целый ряд исследователей полагает, что современное российское общество переживает ситуацию ценностного, в том числе и морального, "междоуцарствия" (interregnum - лат.): старая система ценностей ослабла, частично "обесценилась", "обесмыслилась", а новая (новые?) только формируются. Но это НЕ вакуум, а, скорее, *мозаика*.

2. Стабилизационную и перспективную роль в этой ситуации "междоуцарствия" играют мозаичные ("гибридные") идеалы и ценности, способные обеспечить смысло-ценностные задачи переходного общества.

3. Приоритетной в ряду таких "гибридов" может стать (и, вероятно, уже становится) система КОРПОРАТИВНЫХ ценностей, прежде всего, корпоративного **УСПЕХА** и корпоративной **СОЛИДАРНОСТИ**. В ситуации многовариантности развития страны - в напряженном поле между (а) все более нарастающей авторитарностью государства и (б) все менее обнадеживающей перспективой формирования гражданского общества - инициирование и культивирование корпоративных ценностей способно, возможно, сбалансировать обе эти тенденции.

4. В отношениях с обществом современные корпорации могут, таким образом, выступить пассионариями провозглашения, выращивания и защиты ценностей гражданского общества («успех», «солидарность», «честная игра», «ответственность» и т.п.), которые не будут категорически отторгнуты ни государством, ни общественным мнением. **ИНВЕСТИЦИИ В ТАКОУ УСПЕХ СТРАНЫ** позволят корпорациям выполнить роль «конструкторов» и «строителей» ценностных **ПОЛЬДЕРОВ**, стабилизирующих переходный период.

5. Однако, такого рода **роль** современная корпорация сможет принять на себя и реализовать лишь в том случае, если НРВСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ КОРПОРАЦИИ будет предметом особой заботы как в исследовательском, так и в «воспитательном» и, что не менее важно, в «имиджном» отношениях.

6. В этих трех аспектах особое место принадлежит этосу КОМАНДЫ, в котором (ВЕРОЯТНО, И ПОТОМУ ТРЕБУЕТ ОСОБОГО АНАЛИЗА НА РЕАЛЬНОМ ОПЫТЕ) остро конфликтны ценность индивидуального успеха (и потому соревновательность между подразделениями и отдельными сотрудниками), с одной стороны, и дух командной солидарности - с другой. Предлагаемые некоторыми исследователями версии типа "солидарность через соревновательность, командный успех через индивидуальный" - сложная проблема и теории, и практики.

7. Особое место в теме корпоративного духа занимает вопрос о выборе и "примерке" МОДЕЛИ корпоративности: определение (а) меры национальных традиций ("община", "артель", "трудовой коллектив", "партийный комитет", "советский орган" и т.п.) и, одновременно, (б) меры общецивилизационных достижений, в "примерке" которых нельзя уйти от различий между западной и японской моделями корпорации и ее духа.

8. Способ работы прикладной этики с "рабочей гипотезой" - КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ корпорации на этапе ее становления, сотрудничество внутренних и внешних консультантов, результаты которого постоянно обсуждаются экспертным сообществом в режиме долговременного мониторинга, в том числе и в постоянной рубрике Вестника "Этика успеха".

ВОПРОС ИЗ ЗАЛА: Известно, что слово "пассионарий" происходит от греческого "пафос" и означает человека страсти. Но вместе с тем пассионарий - это инноватор. Как соединить оба аспекта в плане выработки корпоративного духа?

ОТВЕТ: Для А. Тойнби пассионарии - творческое меньшинство, которое своей деятельностью и создает цивилизации. До тех пор, пока такое меньшинство способно влиять на ценностный мир той или иной цивилизации, она развивается по восходящей линии и лишь только тогда, когда пассионарии утрачивают духовную власть, цивилизация дает неадекватные ответы на вызовы истории, отказывается от рискованного выбора и после этого клонится к упадку.

Здесь речь идет об успехе цивилизации, но нет макроуспеха без "микроуспехов". Возможно, наша евроазиатская цивилизация возродится через культуру корпоративного успеха. И возможно также, что пассионарные рискованные выборы ценностных ориентаций начинаются именно в стадии мозаичности ценностного мира нашего переходного общества.

* * *

В.А. Чурилов. (Президент финансово-инвестиционной корпорации "Югра"). **О "БЕЛЫХ ВОРОНАХ" В ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЕ И В СОВРЕМЕННОЙ КОРПОРАЦИИ.**

1. Допустим, что рабочая гипотеза верна, что дух корпоративности действительно является движущей силой развития современного российского общества. Если бы я не разделял этой идеи, то странно было бы инициировать создание нашей корпорации и, тем более, идти на такие весьма неординарные шаги, как учреждение должности советника президента по деловой этике и издание Вестника "Этика успеха". Но давайте "испытаем" эту гипотезу с точки зрения президента корпорации, вопросов, которые встают прежде всего перед лидерами становящихся корпораций и обращены к той его идее, за которой такие корпорации идут.

2. Планка, задаваемая гипотезой, не завышена ли для сегодняшнего дня? Ведь, например, состязание внутри команды предполагает высочайшую нравственную культуру - идеи, лидера, каждого "играющего" члена корпорации, будь то собственник (который ус-

танавливает "правила игры"), или наемный работник (который принимает эти правила и играет по ним). Готовы мы сегодня к такого рода состязательности, не взорвет ли она корпорацию?

Завышение планки привлекает - лидер должен работать на опережение ситуации. С другой стороны, технология процесса формирования корпорации на этапе ее становления предполагает воплощение корпоративного духа в конкретных практических решениях - в конкурсном подборе кадров, в аттестационной работе, в формировании имиджа корпорации, во взаимоотношениях структурных подразделений, во взаимодействии корпорации с внешним миром. В ситуации незавершенного "строительства" корпорации завышение планки не обернется ли негативной стороной, например, организационной слабостью, доминированием рефлексии над решениями, не ослабит ли необходимое единство перед внешними трудностями? Без убедительного ответа на этот вопрос наша инициатива в проекте "Дух корпорации" окажется неконструктивной. Но без самой планки корпорация лишь воспроизведет столь распространенную сегодня модель "выживания", так и не воплотив свою идею, для которой мы избрали формулу "Инвестиции в успех".

3. Становление корпорации - этап, на котором лидеру предстоит найти новый стиль формирования "команды". Опыт работы в прежних типах организации - партийной, советской - имеет здесь ограниченное значение. Мы приходили в партийный комитет или в советский орган и уходили, не имея возможности изменить практически ничего. Пытаясь изменить, мы становились "белыми воронами". А в создании корпорации я, наоборот, стану "белой вороной" в том случае, если проявлю лишь традиционализм.

В прежних типах организации я выступал от имени системы, но система не выступала от моего имени, она меняла лидеров и считала что в смене лидеров и есть ее "правило игры". Сегодня же я представляю интересы корпорации в той же степени, в какой она - мои интересы. Формируется баланс интересов. В партийной системе для инициативного организатора все-таки не допускалась мотивация типа "Я хочу", там превалировало "надо". Корпоративный же дух стимулирует индивидуалистский достижительный мотив. И не только для лидера, но и для каждого "игрока" команды. И, может быть, в интенсивности "я хочу" у каждого - проявление внутрикорпоративной состязательности.

Но что делать с теми работниками, которые пришли в корпорацию и принесли с собой неизменный дух бюрократической организации, просто перешли в корпорацию за своим прежним лидером? Поверили в новую роль лидера? Это уже не мало. Но им предстоит теперь постоянная ситуация выбора. Во-первых, с точки зрения адресуемых неэффективным сотрудникам негативных санкций. Во-вторых, и это не менее значимо, с точки зрения санкций побудительных. И речь не просто о "материальном стимулировании". Корпорация - это позитивная среда для полноценного самоутверждения личности, которое не купить за деньги, для достойной - по целям и средствам - карьеры. А особенность такого соревнования с самим собой вчерашним в том, что его результаты не всегда на виду окружающих - есть и корпоративные секреты.

4. Профессионализм корпоративного лидерства заключается, во-первых, в том, чтобы суметь использовать все позитивное из опыта работы в прежней системе. В том, чтобы принести в корпорацию умение принимать людей такими, каковы они есть на самом деле, не пытаться сломать их, но стремиться услышать голос каждого.

Во-вторых, в том, что наряду с общеуправленческой культурой работы с людьми в корпорации особо велика роль инновационного поля деятельности всей команды - это поле значительно больше в слабоструктурированных системах, в системах с высокой степенью неопределенности.

В заключение напомним, что корпорация еще только вышла из преднатального периода и многое из того, что я говорил, гипотетично.

ВОПРОС ИЗ ЗАЛА: Очевидно, что обсуждение темы "Дух корпорации" не может вестись без таких понятий, как "команда", "солидарность", "преданность групповому

интересу" и т.п. О командности и солидарности говорили и В. Бахитановский и Вы. Но как все же совместить корпоративную солидарность с индивидуальным стремлением к успеху, с личной ответственностью?

ОТВЕТ: При такой проблематизации мы не смешиваем корпорацию с советским учреждением? Советская модель корпоративности разве отменяет иные цивилизационные модели?

Корпорация объединяет собственников (наемные работники - тоже собственники - своей рабочей силы). Да, корпоративность амбивалентна: люди во все мире вступают в корпорацию именно ради защиты и взаимной поддержки, "оплачивая" надежность и безопасность преданностью, солидаризмом. Все дело в балансе, в цене, в гармонизации двух начал - индивидуалистического и "командного". Корпорация нуждается не просто в исполнителях (без исполнительности нет командного дела). Как любит говорить Ю.В. Согомонов, "бюрократические добродетели", бюрократический этос противоречит подлинному духу корпорации.

* * *

Ю.В. Согомонов (профессор социологии Владимирского технического университета). **ДУХ КОРПОРАЦИИ И УСПЕШНЫЙ ПРОФЕССИОНАЛИЗМ.**

Трудно и наверное просто невозможно в полном объеме и достаточно трезво оценить перспективы успешного профессионализма, если последний рассматривать только таким, каким он нередко дан нам в эмпирическом облике - как эффективная продуктивная деятельность отдельных лиц. Между тем успешные профессионалы всегда действуют в определенных социо-культурных средах, одни из которых формально поощряя успешность, на деле табуируют достижительную ориентацию (на личный и даже командный успех), тогда как другие провоцируют на успех, артикулируя различные его аспекты и оттенки ("инфрауспешность" и "ультрауспешность").

Исследователи феномена корпоративности чаще всего обращают внимание на профессиональные корпорации: так принято в мировой социологии. В нашей же социологии и политологии как в целом, так и в специальных работах, посвященных корпорациям (В. Радаев, А. Простаков, А. Рябов и др.) упрочилась *корпоративная теория тоталитаризма* и взгляд на корпорации как на относительно замкнутые ассоциации, которые на определенных условиях выражают и защищают интересы ее членов. Нередко при этом имеется в виду просто трудовой коллектив как некая матрица корпоративизма. Сюда же подверстываются и иные общности: партийные организации, профессиональные союзы и объединения, а так же целые отрасли народного хозяйства и регионы как условные социотерриториальные структуры. Система корпораций всех видов образовывала плотно интегрированную структуру советского общества и оно не безосновательно квалифицируется как некая суперкорпорация.

При таком подходе к феномену дух корпорации результируется в хорошо известной системе ценностей патернализма. Он, в свою очередь, формируется на основе принципов и правил социального обмена и негласных соглашений элит между собой (баланс элит), но прежде всего - на основе консенсуса между властными элитами и "безвластной властью" масс, между "верхами" и "низами" в каждой корпорации.

Заметим, что такая корпоративно-ячеистая структура функционирует вовсе не будучи сориентированной на достижение эффективности и успешности деятельности (разумеется, такая констатация отнюдь не исключает в ряде случаев предъявление в профессиональной деятельности выдающихся или просто ординарных успехов). Подпирая властную вертикаль, единицы такой структуры нацелены на "скромные" результаты в своей деятельности. Можно ли говорить о духе таких корпораций, если они преимущественно погружены в распределительные заботы? Скорее всего, это просто социальная спайка, солидаризм, выражающийся в стремлении к внутрикорпоративной стабилизации

(а так же стабилизации в масштабах всего общества, что мы теперь более точно и выразительно привыкли именовать застоём). Он обеспечивается соглашательством "верхов" и "низов", по всем азимутам их взаимоотношений, на реципрокатной основе, когда "низы" в обмен на послушание и лояльность обретают гарантированный минимум жизненных благ при низкой эффективности и качестве их труда и предоставляемых услуг.

Не оспаривая этого воззрения на социальную структуру советского и, отчасти, постсоветского общества по существу, думаю, что необходимо проводить дифференцирующий подход в анализе корпораций. Одно дело корпорации как "атомы" и "молекулы" патерналистской системы, и совсем другое - корпорации, естественным образом возникшие в недрах гражданского общества. Первые обречены на быструю и заторможенную трансформацию, а в ряде случаев и просто на отмирание, тогда как вторым еще только предстоит возрождение и процесс вписывания в новую социальную структуру, определение в ней своих статусов, функций, ролевых предназначений.

К числу перспективных можно отнести и профессиональные корпорации. Одна их часть сбрасывает узы казарменного коллективизма и становится собственником и распорядителем средств производства. Но ей предстоит действовать в рыночной среде и в новых организационных формах. Соответственно, должны измениться и духовные предпосылки коллективной жизни. Если в данной среде выживают те из них, кто обладает значительным конкурентным потенциалом, способным соперничать на достижительной основе, значит в коллективной жизни ценность успеха, прежде почитаемая скорее на словах (соцсоревнование, материальное и моральное стимулирование и проч.), а на деле ютящаяся где-то на периферии ценностей, теперь просто обречена смещаться к эпицентру жизни профессиональной корпорации. И коллективистская идентификация личности начинает совмещаться профессиональной идентификацией.

Это касается не только трудовых коллективов, но и корпораций как рассеяных социопрофессиональных сообществ, когда значение корпоративного духа как фактора, цементирующего сообщество, резко повышается именно в силу дисперсивности деятельности. "Эспри де кор" возрождается в своих нестесненных формах и профессионализм приобретает свой подлинный смысл, неотделимый от этических измерений. Это предполагает включение в мотивационно-оценочный блок поведения профессионалов ценностей этики ответственности, призвания, товарищества: корпоративный дух сопрягается с представлением об общей судьбе и даже миссии.

ВОПРОС: *«Дух корпорации» - это скорее метафора. Или это работающее в рамках этического подхода понятие ?*

ОТВЕТ: Пока - метафора. И как было предложено в программе "круглого стола", мое выступление - скорее "заявка". В том числе и на необходимость разработки этики призвания и ответственности. Естественно, разработки проблем моральной ответственности корпорации перед обществом и перед отдельными сообществами, в том числе и перед своим собственным. В то же время речь идет и об этике товарищества, с которой напрямую связан дух корпорации.

* * *

М.Г. Ганопольский. (Институт проблем освоения Севера). **МОЗАИКА КОРПОРАТИВНОСТИ.**

Говорить о корпоративности как о характерной особенности современной нравственной ситуации, видимо, преждевременно. Общество не стало в массе своей полем столкновений с о з н а н н ы х групповых интересов. Отдельный же человек на уровне базовых потребностей не стремится к объединению с другими индивидами, имея наготове соответствующее этическое обоснование: мировое зло настолько изощрено и коварно, что единственной возможностью достойного существования остается хаотичное рассеяние. Объединяющий момент сохраняется лишь в символической форме как тайная апелляция к

силе, способной одним ударом положить предел разгулу зла. Пропагандируемый процесс самоопределения подменяется поиском внешней определенности. А ведь корпоративность и возникает на основе самоопределения. Она - или посредник в самоопределении, или его суррогат, или же, по крайней мере, его иллюзия.

Еще недавно корпоративность официально осуждалась, во всяком случае, не слишком приветствовалась. Постоянным объектом были ведомственность и местничество (Сцилла и Харибда на пути к социальной справедливости).

Корпоративный ореол витал вокруг самодостаточности целых отраслей: торговли, медицины, гидроэнергетики, космонавтики и т.д. Относительно безвредной считалась пожалуй, лишь сфера, где профессиональный интерес был направлен на собственное культивирование. Например, научная жизнь с ее конференциями, симпозиумами, журналами, да еще различные системы повышения квалификации и переподготовки.

Корпоративности противопоставлялся коллективизм – голографическая модель "управляемой" нравственной жизни (в то время как корпоративность - это модель фрагментов ее девиации). Но и трудовой коллектив все больше приобретал черты корпоративности из-за подмены основной цели деятельности. Он стал распорядителем большинства социальных благ, привилегий. Тем самым корпоративность как бы существовала за чужой счет, она была дополнением, формой разнообразия унифицированной коллективистской схемы организации общества. Стоило разрушиться этой схеме, как тут же стали подтачиваться основы былой корпоративности. Тем не менее ее рудименты остаются и продолжают оказывать воздействие на нравственную ситуацию.

Каковы же черты новой, формирующейся корпоративной морали? Неужели сегодня - посреди всеобщей рассеянности и хаотичности - организованной может быть только преступность?

Понятно, что новые формы ассоциирования прежде всего вырабатываются, осваиваются (и даже завоевываются) новыми поколениями. В одном ряду с ними, а иногда и с заметным опережением идут наиболее активные и мобильные представители других поколений. Хотя они и отягощены прошлым опытом, но зато вооружены связями и отношениями, адекватно вписывающимися в современную деловую жизнь. И все-таки огромное число людей продолжают работать на прежнем месте, точнее, на бывших госпредприятиях, ставших акционерными обществами. Именно в этой среде, в микроклимате трудовых коллективов происходят - или не происходят - сдвиги в трудовой морали, перемены в ценностных ориентирах повседневности.

Надо сказать, что период акционирования был и периодом небывалого дисбаланса экономики, разрыва хозяйственных связей. Даже из общих соображений ясно, что пройти этот путь с наименьшими потерями смогли предприятия со сплоченным персоналом. И чаще всего это сплочение на фоне всеобщего развала и раздора достигалось авторитарными методами. А большой куш в дележе собственности, как правило, доставался руководству, точнее - первому руководителю и немногим его приближенным. Жесткая авторитарность продолжает сохраняться и обусловлена она теперь не столько внешними, сколько внутренними причинами. Отсюда и перспективы дальнейшего развития ситуации: подозрительность руководства, доносительство подчиненных, высокая степень тревожности.

В коллективах, стоящих на грани банкротства, претензии к руководству, озабоченному лишь собственным благополучием, а то и незаконным обогащением, носят сходный характер. Однако, люди держатся за эти места, месяцами не получая зарплату, как за последнее пристанище. И в этом одно из проявлений рудиментарной корпоративности.

Итак, с одной стороны, скрытые от непосредственного наблюдения формы корпорирования преуспевающих слоев и структур общества, а с другой - зримое разрушение вторичной корпоративности трудовых коллективов (вне зависимости от путей, которыми происходит их трансформация).

До сих пор я говорил о только о сфере производственной, точнее - о месте р а б о т ы. А есть еще и место ж и т е л ь с т в а, о т д ы х а и другие (не столь отдаленные). Не останавливаясь специально на характеристике каждого из них, отмечу определенную аналогию между происходящими здесь и рассмотренными выше процессами. Пример - ситуация в садово-огороднических обществах, называемых почему-то дачными кооперативами. Разграбление дачных участков, поджоги строений, состояние дорог, электросетей, водопровода - симптом распада прежних форм ассоциирования в этой сфере. Беспомощность противостояния энтропийным процессам не приводит к необходимости действовать сообща, а лишь усиливает самоизоляцию. Безусловно, на этом фоне есть отдельные островки относительного благополучия, а есть и "отдельно взятые" примеры преуспевания. Однако они не сегрегированы ни социально, ни территориально, а значит, не способны пока создать надежны формы корпорирования.

Здесь мы подходим к той форме корпоративности, которая пока еще не проявилась как осознанный групповой интерес, но все же косвенно заявляет о себе в связи с актуализацией в нашей стране проблемы регионализма. На самом деле в этой проблеме как бы два уровня корпорирования. Первый почти очевиден. Его можно назвать межрегиональным. Речь идет о различных вариантах создания коалиций или же о статусных изменениях в противостоянии периферии центру. Второй в большей мере связан с самоидентификацией индивида и являет собою внутрорегиональную корпоративную тенденцию. В этом отношении показательна судьба некогда слабозаселенных сибирских регионов, расположенных к северу от Транссиба. Их интенсивное индустриальное освоение началось сравнительно недавно, три - четыре десятилетия тому назад. В итоге корпоративность индустриального образца, хотя и в коллективистской модификации, была имплантирована в свернутом и уже оформленном виде изначально, а не развилась органически. Речь идет об организационно-технологической схеме производства, ставшей своеобразной матрицей заселения. Поэтому люди были инкорпорированы в эту схему в качестве агентов производства, а уже затем стали рассматривать себя как жителей определенной местности. Процесс консолидации происходил в инверсивной последовательности: технологическая стадия, институциональная, коллективистская, общественно-корпоративная... .

До поры до времени эта корпоративная тенденция существует в латентной форме. Ее обнаружению способствует то, что рассматриваемые регионы - это ресурсные кладовые. В них сосредоточена добывающая промышленность, и именно она задает здесь основной тон. Но в добывающих отраслях технология (при всей своей экстерриториальности) привязана к месту. Кроме того, тонус популяции чутко реагирует на исчерпание ресурсов, падение добычи. А это значит, что по мере такого исчерпания кардинально меняется отношение к среде обитания, оно становится неупотребительным. Тем самым создаются предпосылки формирования общности на основе корпоративно-ячеистой структуры региональной популяции.

ВОПРОС. Следует ли из Ваших слов, что хотя о повсеместном распространении корпоративной морали говорить преждевременно, у нее все же есть реальная перспектива утвердиться в нашем обществе? А может быть, речь идет о декларировании очередного "Морального Кодекса", на этот раз - Строителя Корпоративизма?

ОТВЕТ. Нынешнее состояние общества - "эпоха перемен", "точка бифуркации" в его нравственном развитии. О реальности каких перспектив сейчас можно говорить с уверенностью? Ведь исчерпаны многие нравственные парадигмы, казавшиеся незыблемыми, идет активный поиск новых. Ключевое слово в характеристике современной нравственной ситуации - СТОЛПОТВОРЕНИЕ.

Его значение противоположно формальной этимологии. Библейский сюжет о Вавилонской башне закрепил за этим словом не созидательный процесс *творения столпа*, а его разрушительные последствия. Как известно, причиной неутешительного итога послужило "смещение языков" - отсутствие понимания и согласованности в мыслях и действиях участников строительства. Не надо забывать и о том, что последовало оно как

наказание за высокомерие строителей. Тем не менее, люди продолжали жить и находить общий язык и после разрушения башни. Они просто уже не строили подобных столпов. Более того, многоязычие народов, мозаика культур воспринимаются теперь не как трагедия непонимания, а как украшение планеты.

Нечто подобное происходит и в нравственной жизни. Морально-политическое единство в нашей стране не состоялось. На смену ему идет моральный плюрализм. Процесс очень болезненный, общество оказалось к этому неготовым. Корпоративная мораль - отнюдь не "светлое будущее". Скорее, это искушенная нравственность взрослого человека, вытесняющая нравственный максимализм (а в чем-то даже внеморальность) детского возраста. Но это одна из немногих возможностей общества иметь хоть какое-то будущее ценой очевидных моральных издержек.

* * *

Н.В. Колотова (Институт проблем освоения Севера). ЛЕГИТИМНОСТЬ КАК ДУХ КОРПОРАЦИИ

Тема корпоративного духа (корпоративными здесь достаточно традиционно считаются самоорганизующиеся и самодостаточные, экономически независимые структуры гражданского общества) может быть исследована в двух аспектах: в отношении корпорации *становящейся* и корпорации *ставшей*. Применительно к развитой, установившейся, завоевавшей свое экономическое и социальное поле корпорации эта тема обретает иное значение, чем в той ситуации, когда корпоративный дух исследуется на примере структуры, только еще вышедшей из преднатального развития: они находятся на принципиально различных уровнях общественной и собственной признанности и авторитетности предпринятого дела.

Такая неодинаковость приводит к различным способам проблематизации темы. В стабильных корпоративных структурах (как микро-, так и макросоциального уровня) с интересом обсуждается тема духовности – или бездуховности - действий и атмосферы корпоративной общности. Данность же СТАНОВЯЩЕЙСЯ корпоративности - материя, норовящая ускользнуть от попыток ее "одухотворения", а если и внемлющая им, то, как правило, "задним числом". Биографии состоявшихся лидеров корпоративных структур обязательно описывают, как их состояние сопрягалось с высокими моральными максимумами, связывая тем самым "дух" удавшегося им дела с его моральной оправданностью. И даже "Протестантская этика" М. Вебера появляется после того, как экономическая эффективность капиталистического способа производства уже не требует дополнительных доказательств.

Случайно ли это? Означает ли, что обсуждение духа становящейся корпорации возможно не благодаря, а вопреки воле непосредственных носителей этого духа? Предположим такую объясняющую зависимость: если речь идет о структуре, не утвердившей себя в качестве ЛЕГИТИМНОЙ во всех значениях этого слова, весьма сложно вырвать из легитимизирующего контекста одну сторону - например, духовную составляющую. И - судя по "сопротивлению материала" - делать этого не нужно.

Но, конечно, сказанное не означает, что становящимся корпорациям, озабоченным достижением своей экономической эффективности и успешности, совершенно чужда проблема морального оправдания своей деятельности. А трактуется эта проблема в контексте достижения общей рациональной легитимности и потому акцентируется особым, "прикладным способом".

Речь идет о легитимности в самом классическом варианте: как авторитетности и признанности действующей структуры. Понятие легитимности легко укладывается в объясняющие схемы корпоративных систем, хотя накладывается здесь не на всеобщее-властную, а на самодостаточно-организованную реальность. Оно охватывает собой общественное

признание успешной деятельности корпорации и предполагает презумпцию ее экономической надежности, правомерности и моральности.

Выделю три фактора, легитимизирующие корпоративную деятельность. Во-первых, очевидный критерий формальной легальности, законности образования и действий корпорации. В данном случае он предполагает санкционированность и контроль за их деятельностью не только со стороны государства, но - в первую очередь - со стороны общества. Во-вторых, критерий непротивоправной эффективности корпораций. Он предполагает, что экономическая результативность согласуется с требованиями права (а не только закона) на уровне внутренней целеориентации деятельности. В-третьих, критерий авторитетности, респектабельности экономической структуры, определяемый морально-этической составляющей корпоративного духа. Все вместе эти взаимодополнительные критерии выражают однонаправленность экономического, правового и морального векторов деятельности корпорации, и эта однонаправленность, по сути дела, лежит в основе любой легитимности.

Каждый аспект реальной деятельности корпорации может быть исследован на предмет обнаружения легитимизирующей однонаправленности. Например, в основании корпоративной общности лежит свой маленький общественный договор: он определяет права и обязанности участвующих в нем лиц и способы распределения их тягот и льгот. Иначе говоря, первоначально на конвенциональной основе определяются принципы корпоративной справедливости. По своему значению это соглашение - не просто юридический договор. Оно представляет собой соглашение о корпоративном гражданстве, где каждый преследует индивидуальную цель, но надеется, что ее осуществление в корпоративном режиме будет более эффективным. Поэтому корпорация не может жестоко обмануть ожидания включенных в нее людей без ущерба для своей легитимности.

Получается, что язык правовых документов, на которых говорит корпоративная структура, морален "поневоле": он рождается и существует как межиндивидуальная правовая конвенция, подспудно заключающая в себе "минимум морали". Мораль входит в дух становящейся корпорации через конвенциональное право и, таким образом, присваивается ею в виде собственного рационализованного кредо. И когда это присваивание завершается полностью, подтвердившись в процессах легитимизации, собственно моральная "составляющая" уже легко выделима из синкретического комплекса, объединенного в характеристике легитимности.

* * *

А.В. Филипенко (Глава администрации Ханты-Мансийского автономного округа).
ПРАВИЛА ИГРЫ МЕЖДУ ГОСУДАРСТВОМ И КОРПОРАЦИЕЙ.

Я бы начал говорить о проблеме взаимодействия государственных интересов (здесь я отождествляю государственный и общественный интерес) и корпоративных интересов с проблемы защиты интересов общества в кодексах (уставах и проч.) самих корпораций. Например, современная нефтяная корпорация в нашем округе, естественно стремящаяся *прежде всего* к получению своей прибыли, вынуждена - иначе не выиграть в конкурентной борьбе - согласовывать свои действия с интересами аборигенного населения. И потому закладывает нормы взаимоотношений с аборигенным населением в условия корпоративной жизни. У руководства корпорации появляется дополнительный механизм - это и моральный "пряник", и моральный "кнут"- влияния на работников в виде целенаправленно формируемого корпоративного духа, преодолевающего "чистый" корпоративный эгоизм. А государство прямо заинтересовано в подлинном духе корпоративности, который прозорливо и стратегически, а не сиюминутно и крохоборчески, относится к тому большому делу, под которое и создается корпорация.

Ограничения на деятельность все тех же нефтяных корпораций – это не просто "рамки" от государства, но и внутренне осознанная необходимость для самих членов корпора-

ций, становящаяся ее идеологией. Сургутнефтегаз, например, не просто принял к исполнению распоряжение окружной власти о принципах, нормах и методах освоения новых нефтяных месторождений, но и сам участвовал в выработке этих ограничений и заложил их в свои нормы деятельности. Без такого самоограничения и в следующие пять лет корпорация не пришла бы на новые территории.

Пока я говорю скорее о правилах игры, иницируемых и контролируемых от имени государства - до гражданского общества нам еще шагать и шагать. Когда еще общественное мнение станет зрелым и сильным настолько, чтобы и государственная власть, и корпорация согласовывали свою мотивацию с гласом народным. И прежде всего именно государство, "слуги народа", а не "слуги корпорации".

Конкретизируя тему "правил игры", обращаюсь к роли Наблюдательного совета корпорации. Пока его задача скорее в том, чтобы минимизировать субъективизм в управлении деятельностью корпорации. Разумеется, роль Наблюдательного совета ЧИФ "Титул" и ФИК "Югра" различна: в последнем случае мы рискуем скорее экономически, а в первом - еще и политически, ведь это фонд социальной защиты аборигенного населения.

Сегодня я вновь пытаюсь понять роль Наблюдательного совета в иницируемых властью округа корпорациях: "совет старейшин", почетных академиков? разработчик и контролер "правил игры", гарант защиты общественных интересов? Кстати, предстоит подумать и о том, чтобы Наблюдательный совет непосредственно в своем составе включал носителей позиций общественного мнения.

Наблюдательный совет должен отвечать за "человеческое лицо" корпорации. Тем более таких корпораций, которые определяют лицо региона, лицо новой региональной политики - не забываем мы и о роли такого региона в судьбах всей страны.

Вот и предстоит сформировать такую модель этого Совета, в которой бы были спланы интересы государства и корпорации, выработаны были бы правила игра, в которых сбалансированы корпоративный "эгоизм" и общественная солидарность.

Может быть, наш круглый стол каким-то образом направит эту работу.

* * *

М.В. Богданова. (Центр прикладной этики). ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИЙ РАЦИОНАЛИЗМ И КОРПОРАТИВНОСТЬ.

Если бы перед нами вдруг была поставлена задача организации мониторинга за процессом становления духа корпорации, то начать, естественно, пришлось бы с операционализации самого понятия "дух корпорации". Ассоциативные ряды, которые незамедлительно выстраиваются в сознании исследователя, включали бы, с одной стороны, такие характеристики, как "дух капитализма" и связанный с ним "предпринимательский дух", а еще и "рациональность", может быть, "этос" и т.п. С другой - "объединение", "коллектив", "общность", "команда", "организация" и т.п.

"Этика ответственности" и "этика убеждения" связывают, на мой взгляд, оба этих ряда. Полагаю, что адекватность операционализации можно было бы хотя отчасти повысить, если исходить из предположительной данности в исследуемом объекте характеристик, присущих данным этическим стилям, образам нравственной жизни. Соответственно, исследование предьявляет становящемуся "духу корпорации" вопрос: исходя из чего оценивается этическая ценность действий каждого члена корпорации? Из ориентации на успех и сопряженной с этим ответственности, которую он принимает, действуя на свой страх и риск? Или из ориентации на самооценку самого действия индивида?

Если гипотетично квалифицировать создание корпорации как деловое предприятие, разумея под этим осуществление дальневидного плана, требующего длительных усилий нескольких субъектов, объединенных единой волей (В.Зомбарт), то, с одной стороны, поведение члена корпорации можно характеризовать как целерациональное (с т.з. экономических интересов). Он принимает на себя риск и ответственность, устремляясь к получению большей прибыли. С другой стороны, корпоративность, вероятно, предполагает и

некоторое подчинение единой воле, воплощенной в одном или нескольких лицах, может рассматриваться как некое мыслимое единство. Исходя из этого поведение члена корпорации характеризуется и элементами долженствования, основывается на доверии и солидности по отношению к лидеру и другим членам корпорации. Какая из этих характеристик: целее- или ценностно-рациональная преобладает в поведении индивида на этапе становления корпорации? Каково при этом влияние традиционных для индивида норм в их взаимодействии с формирующимся нормами корпоративности?

* * *

В.И.Шпильман. (Научно-аналитический центр рационального недропользования Ханты-Мансийского автономного округа). **ТИПОЛОГИЯ КОРПОРАТИВНОСТИ**.

Что толкает людей в различные товарищества, команды? Почему человеку плохо, когда он один, и комфортно, когда он принадлежит сообществу? Миллионы ответов могут быть даны на эти вопросы, также как существуют и миллионы различных форм кооперации людей. Но вот что интересно: некоторые основные формы, основные побудительные мотивы соединения людей, основные механизмы, порождающие внутри таких объединений особый дух взаимодействия, взаимопонимания, остаются неизменными в течение тысячелетий.

Наиболее часто встречаются, пожалуй, следующие мотивы:

- получение некоторых экономических, физических преимуществ внутри корпорации, по сравнению с условиями за ее пределами;
- создание чего-то, проведение каких-то действий, требующих нескольких исполнителей, изучение нового, реализация творческого потенциала;
- объединение на основании единичной духовной или физической особенностей личностей.

Корпорации, созданные на основании первого, второго или третьего мотивов встречаются редко, но зато почти в каждой корпорации без труда обнаруживается дополнительный мотив, предопределяющий ее лицо, ее дух.

Корпорации, в которых доминирует **п е р в ы й м о т и в**, это: религиозное объединение, дающие члену общины преимущества в условиях загробной жизни; некоторые партии, особенно "господствующие", дающие своим членам преимущественный доступ к власти и лучшим условиям земной жизни; мафии, дающие своему члену преимущества в защите от закона и в получении жизненных благ; сельские общины в России, позволяющие общинникам надеяться на выживание в трудные годы и т.п.

Корпорации первого типа удивительно однообразны, они объединяют людей независимо от их способностей, развития, навыков, умений, а только лишь по безусловной преданности человека некоторому набору декларированных принципов. Дух такой корпорации, независимо от существа самих принципов, так же весьма характерный: почитание вождей, пророков, крестных отцов; скрупулезное следование (хотя бы внешне) каждой букве, каждой запятой основополагающих принципов, трудов и высказываний основоположников, категорическое табу на любую, даже малейшую их трансформацию; упорная вера в доступность любых благ, независимо от личных качеств субъекта, а лишь в зависимости от крепости его веры. Более того, подчеркивается обратное: "Блаженны нищие духом" - проповедует Иисус, "каждая кухарка будет управлять государством" – утверждает Ленин.

Технологию формирования таких корпораций прекрасно показал Маяковский: "Если же в партию сгрудилась малые...". Это действительно "малые", они, действительно, не договорились, не объединились, а "с г р у д и л и с ь". Нет никаких оснований корпорацию первого типа оценивать знаком плюс или знаком минус, так же, как и фундаментальные стремления человека лучше питаться или надеяться на бесконечность своего существования, пусть даже в бестелесной форме или "в памяти народа". Подобные религи-

озные, партийные, мафиозные объединения не возникают в вакууме, именно предшествующие им обстоятельства, или условия, в которых функционируют эти корпорации, разделили людей на "больших" и "малых", на "чистых" и "нечистых" и т.п. Когда новая корпорация объединяет людей, отнесенных предыдущей системой к "малым", поднимает их дух, всегда среди этих бывших "малых" оказывается много талантов, героев, гениев, которые были бы потеряны для истории человечества. Но когда сменяются поколения, бывших "малых" остается все меньше, зато все больше - новых "малых", отнесенных к "нечистым" по канонам новой корпорации, и тогда все в большей мере проявляется дух корпорации этого типа, дух, тормозящий развитие индивидуальностей.

Дух корпорации первого типа всегда отстраняет, держит на некоторой дистанции, под надзором, "спецов", интеллектуалов, справедливо полагая, что они склонны к стремлению поскрести, хотя бы ногтем, святые основы - делать этого категорически нельзя. С другой стороны, "спецы" иногда нужны, но лучше - дистанцированные во времени или пространстве. Христианство тысячелетие эксплуатировало Аристотеля, умершего за три века до его появления; нашим атомщикам и ракетчикам позволялось иметь весьма смелые и свободные обо всем суждения, все равно они были надежно изолированы от правоверной общественности.

"Спецы" - лакмусовая бумажка для определения корпораций первого типа. С одной стороны, спецы, интеллектуалы, художники нужны, с другой - корпорация лучше самих "спецов" знает (почему-то сама и не делает) как им надлежит свои функции исполнять и какие результаты получать, поэтому просто вынуждена указывать Галилею, Вавилову и пр.и пр. на их заблуждения. Юмор ситуации усиливается еще от того, что сами спецы обычно полагают себя вполне правоверными членами корпорации, поэтому коперников сжигают, инженеров-вредителей расстреливают.

Корпорации первого типа удивительно устойчивы к внешнему воздействию и существенно агрессивны. Я не знаю ни одного случая, чтобы их уничтожили силой извне. Но попытка членом корпорации хотя бы в малейшей степени изменить основы, каноны приводит к взрыву корпорации, она разлетается на куски. Так образовались корпорации большевиков и меньшевиков, католиков и протестантов, социал-демократов и коммунистов, сунитов и шиитов. Так же, на враждующие группировки, за счет действия изнутри самих членов сообщества, раскалываются мощные мафиозные кланы.

Корпорации второго типа - это объединение индивидуальностей. Главную роль здесь играют те функции, которые может выполнять тот или иной член сообщества. Эти функции всегда возникают вокруг дела. Притом такого дела, которое каждый в одиночку исполнить не может. Один футболист не может провести футбольный матч. Вы, конечно, можете любоваться только игрой нападающего или игрой защитника, но когда разыгрывается сложная красивая комбинация, вы ощущаете, что произошло нечто большее, чем простая сумма независимых действий трех-четырех игроков. Так создается почти все в этом мире: спектакль и автомобиль, дом и геологическая карта. Такие корпорации соединяют людей с примерно одинаковым уровнем развития тех или иных навыков, не обращая практически внимания на бесконечное разнообразие других свойств члена общества. Я говорю не об объединении одинаковых людей и не об объединении людей какого-то элитарного слоя, а об объединении людей, способных играть свои роли - большие или маленькие, на одинаковом примерно уровне. Чтобы изготовить хороший автомобиль нужны хороший конструктор и хороший слесарь; новичок, третий раз вышедший на футбольное поле, не впишется в команду мастеров. Но иерархичность таких корпораций не является костной, человек "от рождения" не закрепляется за каким-то определенным уровнем - учишься, тренируйся, и ты можешь занять любой. Показателем того, что перед нами корпорация второго типа, является определенное удовольствие, даже самодовольство членов сообщества от сделанной совместной работы. Над сложным геологическим исследованием работают сотни человек. Геофизики интерпретируют материалы полевых и скважинных исследований; программисты составляют программы для таких ин-

терпретаций, для построения карт, профилей, подсчета запасов, осваивают приобретенные программные комплексы; в лабораториях проводятся анализы керна; геологи реконструируют события, удаленные от нас на миллионы лет. Но результаты каждой группы влияют на работу, на выводы других. Механизм скрипит, дает сбой, но наконец критический порог перейден, взаимодействие достигнуто и рождается карта, показывающая строение пласта, залежи на территории в сотни квадратных километров, для исследования которой ей сделано лишь несколько тончайших "булавочных" уколов в виде пробуренных разведочных скважин. Обычно этим результатом довольны все, его нельзя приписать кому-нибудь одному. Такое же заключение я слышал от японца, работающего на конвейере: он гордится, когда видит на улице "свой" мотоцикл.

Людей в корпорациях второго типа объединяет именно взаимодействие. Убрать это взаимодействие, удовольствие от общего результата - получится подневольный малоэффективный труд. Это тоже самое, что точно расписать футболистам на какой секунде, с какой точки поля и на сколько метров вперед он должен пробить мяч. Скукота. В основе объединения людей в такие корпорации лежит столь же фундаментальное свойство человеческой природы, как и в первом случае - стремление к реализации творческого потенциала человека.

Корпорации второго типа неустойчивы и уязвимы. Исчезновение "дела" ведет к исчезновению корпорации. Холодные сапожники, назначенцы, выдвигенцы и "надзор за спецами" превращают казалось бы ту же самую работу в подневольный, тяжелый, малоэффективный труд, корпорация сотворчества исчезает.

Корпорации второго типа обладают огромным потенциалом. Корпоративный дух, который преобладает здесь: стремление к профессиональному совершенству, высокая оценка образования, стремление ознакомиться со своими достижениями других членов общества - такая своеобразная конкуренция, индивидуализм, понятия о профессиональной этике, профессиональная гордость. Известны эти корпорации уже много веков и один ее член говаривал: "Ты, Каштанка, супротив человека тоже самое, что плотник против столяра".

В корпорации т р е т ь е г о типа объединяются люди "с отклонениями". Человек делающий что-то не так, как все, чувствует дискомфорт. Ему нужны сотоварищи, делающие как он. Все наклеивают марки на конверт и отправляют письма, а он отклеивает их и коллекционирует. Возникает корпорация филателистов. Вероятно по такой же схеме организуются фанаты, толстяки и т.п.

ВОПРОС: *Какова вероятность модификации корпораций, смены их типа?*

ОТВЕТ: Каждый человек может входить в различные группы, сообщества, корпорации. Между ценностями различных объединений происходит борьба, конкуренция. Иисус так упорядочивает национальные и религиозные ценности: "Нет для меня ни греха, ни иудея". В результате корпоративный дух одних образований укрепляется, других - становится для людей менее значим. Меняются и пропорции в доминантных мотивациях совместного сосуществования. В результате корпорация второго типа может преобразоваться в корпорацию первого типа, что характерно для различных "творческих союзов". Обратные трансформации маловероятны.

* * *

Ю.В. Казаков (Фонд защиты гласности). "MENS SANA": КОРПОРАЦИЯ КАК ВЗРЫВНОЕ УСТРОЙСТВО?

Видит Бог, я уже приготовился к выступлению, когда базовую, несущую часть в слове "корпорация" впервые расслышал переключкой "корпора" - "корпоре": со всплывшим рядом с "теловым", "корпусным" - "здоровым".

Полез в привычный набор словарей. Огорчился, не найдя ожидаемого. (Словари разводили "<лат. *corpus*, тело >, - один, впрочем, дал выход и на "единое целое", - с "<лат. *corporatio*, объединение, сообщество>". Выручил, спасибо ему, немецкий толковый словарь "Wahrig". Связав "Korporation" с "Korperschaft" (особой закваски студенческое сообщество, смысл которого, пожалуй, точнее всего передает пушкинское лицейское: "Друзья мои, прекрасен наш союз!", он напрямую замкнул "Korperlichkeit" на корневые, односмысловые "corpus" - "Корпер"...

"Затравочная" заготовка выступления до сбоя (с закапыванием в корни слов) была псевдосказочной - по контрасту с голым реализмом темы.

Жили-были, дескать, в былые времена, две сестрички-велички, любимые и "верхами" и "низами". Одну, Армию, - чтити: за мощь, выносливость; за то, что всегда не на параде, так в наряде. Под ногами не путается, но нет беды - урожай соберет, беда придет - повоюет.

Другую, Прессу, почитали: "низы" - за совестливость, "верхи" - за понятливую невыносливость, при известной силе. И в самом деле: спина в мыле, руки в пене. Но лицо чистое, глаза добрые, речи про хорошее. Всегда - "с "лейкой" и блокнотом", со светлым будущим наперевес. Коли худо - "то и с пулеметом". А достоинство осанки? Ее складывают, а она - спину держит, будто сама такая складная.

И где теперь они, те времена, когда одну "сестру" от другой с трудом отличали: особенно после команды "Равняйся!""? Ныне в блокнотно-пулеметной правые-левые, правые-виноватые, правые-неправые: голова кругом. И все настаивают: именно они - с народом. Но одни при этом помнят правильный пароль: народ и армия едины. А другие и к армии лезут с щепочками: поковыряться. Понять им, видите ли, хочется, как это она там, "верхам" уже вроде бы не очень интересная, мерзнет, мокнет, гниет, обирается. Кому это понимание нужно: народу? Самой армии? Но народ молчит. А сама армия командным голосом диагноз ставит: клевета, чужаки, антиармейский заговор. Намекает на "спецзаказ". Ату?

Рано или поздно, но они должны были пересечься: две версии *профессионального долга*. Два начала. Одно - воплощение государственности, квинтэссенция воли как кулака. Другое - воплощение начала гражданского, гражданского: воля как свобода. Одна сила - центробежная. Другая - центростремительная. Скажем так: две крайние, противостоящие модели *корпорации*, принадлежащие одному *многомасштабному* целому.

Приглядеться - за одной стояла (и ныне стоит) "граница на замке" как символ веры. "Защита Отечества" - как оправдание цели и смысла существования, единственно допустимое мерило правильного, главного, нравственного в жизни окружающих. Достоинство дома, в том числе как отсутствие видимых "противнику" щелей; "невынесение сора" как нечто большее, чем способ маскировки штабного блиндажа. Как ни крути - корпорация, но «*полугулаговского*» типа. С неосвоенным мировым опытом (в том числе в самонавейшее время, за что вина - и на Западе тоже) перехода Армией самой охраняемой, труднопреодолимой внутренней границы - к демократии: через опыт бундесверовского «*Гражданина в военной форме*», другим ли путем и образом. (Бундесверовский "*Гражданин*", уточним, вряд ли стал бы реальностью, не появись в немецком законе пункт, *предписывающий* солдату не выполнять подпадающего под категорию "преступлений против человечности" приказа старшего по званию). "Полугулаговский" тип означает, помимо прочего, потенциальную способность какого-то слоя (или слоев) "корпорации" превращаться из «*корпуса*», несущего мужскую нагрузку, в легально вооруженный «*синдикат*».

А за другой профессиональной группой, на новом этапе также испытывающей муки диверсификации, (потерявшей однородность, нащупывающей «*новую корпоративность*» в это же время стоит: земля как теннисный мяч, единое информационное пространство как вектор, перекрывающий границы. *Выметание сора из избы* - как неприятная, но важная, своя работа.

Оказался ли на пересечении путей именно этих двух корпораций Дмитрий Холодов из "МК" (по всем статьям - настоящий член «корпорации» новых российских журналистов) подорванный подло, из засады? Сделала ли свой страшный ход таким образом некая "третья сила", просчитавшая цепную реакцию взаимопоражения в том числе именно корпоративных целей, интересов профессионалов, поражения их корпоративного духа ?

Мы пока не знаем ответов. Но заметили некий промежуточный результат: возросший скачком потенциал корпоративности обеих профессиональных групп. Поначалу - еще больше автономизировавший их . Но означает ли это - не потрясший до основания каждую? Если нет - то почему? Если да, то как именно это может сказаться на профессиональной этике каждой из корпораций , их перспективах? Перспективах страны, для которой каждая из этих корпораций на настоящем этапе приоритетна?

Возвращаюсь к объединяемой субстанции, именуемой "корпорация", "связи тела и духа " : в "Сатирах" Ювенала, среди рассуждений о праведности, есть и такое: "Orandum est ut sit mens sana in corpore sano". "*Надо молить, чтобы ум был здоровым в теле здоровом*». Не привычное - "в здоровом теле - здоровый дух". Именно: надо молить. Кому?

М. В. МАССАРСКИЙ

"... ВЛИЯТЬ НА ХОД И ИСХОД СОБЫТИЙ"

Этика успеха? В сущности наша - национально-ориентированного частного капитала - этика уходит историческими корнями в этику протестантизма. Этику производственного накопления, этику труда как отца богатства, этику богатства как инструмента создания рабочих мест, самоутверждения личностного и Благого Дела - с точки зрения Божьего. И потому мы говорим о своей этике предполагая свод предписаний, который нормативно обеспечивает совпадение экономической эффективности и этической обоснованности практического поведения.

Сегодня встал вопрос: следует ли власти опираться на богатых. Я полагаю, что вообще надо говорить не о богатых, а о частном капитале, при этом национально-ориентированный капитал ведет себя иначе, чем компрадорский. Он создает инфраструктуру, следовательно, экономит на личном потреблении, не нуворишествует, не оскорбляет пышными презентациями своих современников. В пользу производственных накоплений ограничивает свои повседневные нужды, блокирует собственные хватательные рефлексы. А компрадорская буржуазия правит бал в сфере спекуляции, вывоза капитала, создания рабочих мест за рубежом. Именно такие предприниматели могут на ночь снять казино в Монте-Карло. Именно они заказывают пышные банкеты, форсят на мерседесах, неумеренны в потреблении, не считают себя обязанными думать о том, как их воспринимает другая часть населения...

Естественно, что наша компрадорская буржуазия не озабочена никакими этическими соображениями, у нее не включены моральные механизмы самоограничения. Она полагает, что достаточно внешних факторов безопасности: нужен сильный государь, который бы охранял в случае чего. И поэтому такие предприниматели, как правило, противники демократии и свободного состязания. Им нужны эксклюзивы, нужны преференции, квоты, статус спецэкспортера и т.п. Именно они вывезли десятки миллиардов долларов. Как правило, подвизаются они не в сфере производства - производство сегодня является делом подвижников, - а в сфере обращения, в торгово-посреднической и, в какой-то степени, в банковской деятельности, либо в тех финансовых корпорациях, которые собирают у населения деньги под сомнительные проекты.

И нам - я воспринимаюсь как идеолог национально-ориентированной буржуазии, в основном производственной - не по пути. Хотя понимаю, что без союза с банковским и торгово-посредническим капиталом нам не выжить. Поэтому, говоря об успехе, я не допускаю успеха любой ценой.

Нельзя не видеть, что к неэтичному поведению многих моих коллег по классу - по классу мы едины, хотя есть и разновидности этого класса - "приглашает" само правительство, которое ведет себя неэтично, нарушает свои обязательства, поступает как разбойник. Это, вообще говоря, природа российского государства, которое родилось как семейно-дружинное, разбойничье, которое торговало, воевало, грабило, вело переговоры - почти одновременно. Плохая школа и дурная наследственность. Дурная наследственность у государства, а государство, в свою очередь, деформирует всех. Вспомним, как Дракон в сказке Евгения Шварца предрекал Ланселоту: когда рыцарь убьет Дракона, в наследство ему для управления достанутся кривые, хромые, горбатые, в конечном итоге - аморальные души...

Искаженная мотивация экономической деятельности, искаженная система нравственных ориентиров, которые не совпадали с официальной философией - человек должен был думать одно, говорить другое, а делать третье. Теневой характер успеха - человек не мог похвалиться своим успехом, ибо, как в тогдашнем анекдоте, довольными занимается

ОБХСС, недовольными - КГБ. Из "тени" вышли далеко не лучшие представители бизнеса и очень многие добились внешнего успеха неправыми средствами - достаточно посмотреть на тех, кто сейчас у нас самый богатый.

Является ли сегодня богатство показателем успеха, подлинного успеха? Я работал с Вадимом Тумановым. В начале 80-х, тем более – конце 70-х годов это был один из самых богатых людей в нашей стране. Теперь, я уверен, он не в сотни, а в тысячи раз беднее каких-нибудь юных спекулянтов. Так ситуация сделала образцом бизнесмена А. Тарасова и отодвинула в тень производственника Туманова. Получилось, что богатство измеряется не тем, сколько рабочих мест создал человек, сколько он произвел реальных ценностей, а тем, сколько денег он может потратить.

И все мы наблюдаем парад-алле, агрессивную явку на статус через вложение средств в потребление, в долгосрочное либо в краткосрочное: банкеты, презентации, квартиры, дачи, зарубежная собственность. Все эти внешние признаки успеха охватили, что особенно меня тревожит, молодежь. Потому что идет генерация "молодых волков", как их определяет Жириновский. Молодых волков, говорил он, обратно в НИИ не загонишь. Следовательно, считает он, "волк" - это то, что нам нужно. Но где есть волк, там есть овцы. Значит снова "либо всех грызи, либо лежи в грязи" как в "Фоме Гордееве" у Горького? Это - нравственная максима, повеление, категорический императив любого человека, который хочет добиться успеха?

Состязательность, которая на Западе регулируется не только законом, но и культурой, у нас вылилась в расталкивание конкурентов. Цивилизованное состязание предполагает честные условия - дается одинаковый старт, никто не срывается раньше выстрела стартового пистолета, никому в перчатки не подкладывают свинцовые пластины. Никто не может считать свой успех устойчивым, если он нарушил какие-то заповеди. Цивилизованные политики подают пример: стреляется бывший премьер-министр Франции - от того, что только заподозрили в неэтичных деяниях. Уходят в отставку японский мэр, японский премьер, японские руководители при малейших подозрениях: рухнул мост - истэблешмент рушится вместе с этим мостом.

У нас же критерии оценки человека по этическому измерению настолько размыты, стандарты настолько занижены, что, например, вполне могут человека в печати назвать прилюдно вором, а он утирается и продолжает исполнять свои обязанности. Могут создать комиссию по борьбе с коррупцией, эта комиссия накапывает горы компромата, даже кое-кто отстраняется, но потом снова возвращается к исполнению своих обязанностей. Принцип этического релятивизма, который пронизывает поведение наших политиков, отражает низкий уровень морали всего общества. Конечно, ссылка на низкую мораль - это всегда удобная ссылка, но можно парировать эту ссылку следующим аргументом: мы все учились в этой школе; зачем же быть первым учеником в школе аморализма?

Все объяснить - не значит еще все оправдать. Должны быть некие приоритеты, поведения, императивы. Если ты бежишь на длинную дистанцию, то тебе выгодно соблюдать некие ограничения. Например, создаешь ты семейное дело - беспокойся о репутации. Репутация, особенно сейчас, становится капиталом. Потом ты капитализируешь свои связи, свое реноме, фамильную честь, репутацию корпоративную, незапятнанность перед налоговыми службами, государственными правоохранительными органами. В долгосрочной перспективе это еще и выгодно. Критерий долгосрочности - это второй критерий. Напомню первый: главное - быть, а не казаться, главное - не демонстрировать богатство, а быть богатым.

Что такое, например, по американским критериям, богатый человек? Это человек, которому доверяют в долг, который держит свое честное слово, то есть человек с репутацией. Считается признаком дурного тона, когда человек сорит деньгами. Не случайно из французского в русский пришло слово "нувориш". "Нуворишки" или "прихватизаторы" - народная оценка скороспелых богатеев.

В былые - застойные - времена успех измерялся пайкой, причастностью к правящей элите. Потому что можно было иметь много денег, но не иметь возможности их потратить. Успех измерялся должностью, связями с властью имущими. Внешние признаки успеха - сколько у тебя телефонов, есть ли у тебя "вертушка", на какой машине ты едешь, каков размер "лечебных" и т.д. - все было ранжировано. Ведь в истории России отношения человека и государства строились по трем основаниям - кормление, тягло и служба. Сейчас вроде бы эти основания исчезли. Хотя снова восстанавливают корпорацию чиновников и там, конечно, служба, корпорация иерархизирована и легко обозначить ту ступень, на которую человек поднялся.

А в нашей - предпринимательской - сфере? Публикуют рейтинги и мы знаем условность занятого места: ведь, в сущности, оно определяется по цитируемости, по шумной рекламе. Кто ты на самом деле - трудно сказать. У меня нет претензий к тем экспертам и в "Независимой газете", и в других изданиях, которые публикуют, например рейтинг политических деятелей из 100 фамилий или из 50 фамилий - список элиты российского бизнеса, где я каждый раз нахожу свою фамилию. Но я уверен, что не по тем основаниям оценивают. Ведь можно быть и не столь богатым и даже не контролировать большой капитал в сфере производства, а быть богатым в сфере потребления.

Я, например, себя богатым в сфере потребления вообще не считаю. Я самая обычная, верхняя, может быть, часть среднего класса, не вхожу в элиту потребления, весьма скромная. И мой коллега, председатель правления АО "Волхов", который много весит в нашей экономике, тоже скромный в своем потреблении. Но можно влиять на ход и исход событий, как, предположим, ритуал предписывал китайскому императору: сидеть лицом к югу и единственно силой взгляда приводить в движение 10 тысяч вещей. Можно влиять на ставку рефинансирования, путем организации спекулятивных акций на бирже, что и сделали в октябре на наших глазах. Можно влиять на принятие крупных экономических решений выступлениями в парламенте или прессе. Можно, наконец, влиять на бюрократические процедуры решения: в нужный момент нужное слово сказать. Я вспоминаю, как 3 июля 1988 года всего лишь несколько человек, поименно известных: академик Тихонов, академик Абалкин, Вадим Туманов, Ю.П.Баталин, заместитель Рыжкова, и сам Н. Рыжков, включая Вашего покорного слугу, фактически остановили бандитское, удушающее налогообложение кооперативов, которое представил Минфин и чуть-чуть не приняли на Президиуме Совета Министров СССР и послали в Парламент. Нужный порядок выступлений повлиял на окончательное принятие решения: те, которые могли бы выступить в пользу удушения кооперативов, не выступили вовремя. Прошел год, захотели удушить в 1989 году, но уже было поздно - кооперативный сектор состоялся.

И это коррелирует с общим законом, общей теорией систем, которая гласит: чем сложнее система, тем меньшее количество системных элементов может повлиять на ее устойчивость критическим образом. Я верю в активное меньшинство и считаю, что стратегия больших батальонов - Наполеон говорил, что настало время, когда политику делают только большие батальоны - в очень сложно иерархически организованном обществе уже не действует. Действительно, чем проще общество, тем нужно больше физических усилий, энергетических затрат на достижение какого-то результата - необходимо сдвинуть эту инертную массу. Но если это сложная система, то решения принимаются в сфере истеблишмента.

Принадлежность к культурной, экономической, политической элите сейчас все чаще является предметом общественного внимания. "Элита" - я считаю, вовсе не оценочная категория, это, если угодно, просто диагноз. Если человек действует по правилам истеблишмента, то, действительно, общество реформируется спокойно: от элиты очень многое зависит. Когда в истории России раскалывался истеблишмент (тогда он по другому назывался - боярство, дворянство, приказные) наступала смута. А у нас и сегодня нет гражданского общества, общество не структурировано в достаточной степени, нет стабилизаторов, амортизаторов, нет компенсаторных механизмов в экономике.

У нас еще все развитие во многом зависит от тех, кого китайцы называют *ганьбу*. Их там 20 миллионов человек - люди с высшим образованием, с определенным статусом, с положением. У нас соизмеримые величины. И ничего плохого в этой иерархизации общества я не вижу: путь наверх - это естественное желание честолюбивых людей. Бисмарк писал, что если во главе государства находятся достаточно честолюбивые, а не тщеславные, люди, государство процветает. Ведь что такое честолюбие - это замкнутость на некие ценности за пределами сиюминутных потребностей, за пределами витальных потребностей, даже за пределами дела. Это действительно служение некоей идее, некоей трансцендентной ценности - это может быть и реализация некоего этического постулата.

На мой взгляд, тот факт, что интеллигенция в значительной мере сформировала нашу бизнес-элиту, облегчает положительный ответ на вопрос: насколько этичен наш бизнес, большой, крупный, стратегический бизнес, который действительно "бежит на длинную дистанцию". Вы посмотрите на классовый состав бизнесменов: где-то процентов 15 - техническая интеллигенция, 16 % - это тоже не самые худшие, не самые аморальные люди - аппаратчики комсомольские, где-то столько же - партийная и советская элита, больше советская, чем партийная. Я не знаю среди партийных лидеров успешных бизнесменов, скажем, первого секретаря обкома партии, или секретаря ЦК, просто их нет. Заведующих отделами - сколько угодно, или, скажем, вторых секретарей обкома комсомола. Много самородков - 5%; это люди, которые пробились сквозь толщу асфальта, и не из уголовной среды, а благодаря таланту, капитализировав свой личный потенциал: цеховики, например, не были преступниками с точки зрения современной этики предпринимательства.

Когда я говорю об этике успеха, как видите, все время обращаюсь в сферу экономическую, хотя, быть может, можно было бы нам заглянуть в сферу смежную. У Пушкина мы читаем: "Я новым для себя желанием томим, желаю славы я, чтоб именем моим был твой слух был поражен всечасно...". У Паскаля читаем, что человек может быть богат, красив, здоров, но чувствовать себя неудовлетворительно, если не занимает выгодного места в умах других людей. Очевидно, что общественное одобрение или неодобрение - это важный критерий. Хотя, конечно, есть люди, которые живут на горных высотах; это они "хвалу и клевету приемлют равнодушно". У того же Пушкина мы находим, что слава - "яркая заплата на ветхом рубище певца". И он же хотел этой славы. У 57-летнего Льва Толстого в дневнике записано: "... мне снится один и тот же сон: меня окружают незнакомые люди и за что-то благодарят...", или, скажем, его зять вспоминает, что Толстой любил, прочитав какое-то произведение, звучно, со вкусом произнести: "подпись - "Лев Толстой".

Я думаю, что наше социалистическое общество десятилетиями было сориентировано на то, чтобы честолюбивых людей было как можно меньше - "скромность украшает человека", "большевик должен быть скромным", "человек - винтик общественного механизма и его заменяемость есть благо". Но без дерзкого индивидуализма не бывает Возрождения. "Скамеечковая" педагогика в духе Макаренко, где коллектив всегда прав, выше личности, в сущности, не ориентирует на успех, ибо видит его лишь как успех коллективный. "Своим успехом, товарищи, я обязан всем вам", "любой другой на моем месте поступил бы также" - это была конечно мимикрия, способ защищаться от агрессивности среды, но, все-таки, стратегическая установка была на коллективизм, это, действительно, философия больших батальонов, а не личностей.

Если теперь перейти от размышлений о своем сообществе и обществе в целом к индивидуальной судьбе, к собственному жизненному пути и усилить экзистенциальную составляющую моего рассуждения "о биографии побед и поражений" то, видимо, придется говорить в терминах "выигрыш"- "проигрыш". Всю мою жизнь можно разбить на три этапа. И каждый этап начинался по вертикали и заканчивался либо стабилизацией на недостаточно высокой отметке, либо резким снижением социального статуса.

Первый этап - этап познания. В 1963 году этот этап резко прекратился исключением меня из МГУ - и из комсомола. И я поехал строить Братскую ГРЭС в качестве грузчика, а потом автослесаря. Резкое снижение моего социального ранга - этого я был студентом философского факультета и лектором ЦК комсомола - воспринято было моими близкими, друзьями, моей матерью, в частности, как крах. Я же, уезжая туда, конечно несколько эпатурируя публику и понимая, что за мной следит КГБ, говорил тем, кто мне сочувствовал, строками Пушкина: "оплачьте, милые, мой жребий - в тишине, страшитесь возбудить слезами подозренье, в наш век, вы знаете, и слезы - преступленье...". Я был уверен, что вернусь скоро, хотя провожали меня лет на 5-7. Крах Хрущева, письмо из МГУ, восстановление триумфальное, удачное распределение - я стал преподавателем института, потом - целевиком аспирантуры, секретарем комитета комсомола по идеологии МГУ.

Я был очень активным комсомольцем и прошел всю иерархию комсомольских, а до этого - пионерских должностей. Я был очень ангажированный в этом смысле человек. И меня спасли от партийной карьеры два обстоятельства: во-первых, подозрение на мою национальность, хотя я русский по паспорту, второе - моя гуманитарность, потому что партийную комсомольскую карьеру, как правило, делали экономисты, а чаще всего - инженеры. Это было время инженеров, хозяйственников. И, тем не менее, на комсомольскую карьеру я был сориентирован по особому, на такую странную карьеру - карьеру советника. И так, это был этап познания.

Когда я вернулся в университет - как отрезало: я действительно продолжал заниматься общественной работой, но уже в плане просветительства. Не буду детализовать взлеты и падения - во всяком случае стал вопрос о моем исключении из аспирантуры, с третьего курса, накануне представления диссертации к защите. В 1972 году успешно защитил диссертацию, а через месяц она была аннулирована. Затем я отказался вообще от идеи защиты диссертации, работал старшим преподавателем кафедры философии Хабаровского политехнического. Написал книгу и опубликовал ее в 79-ом году в издательстве "Молодая гвардия" - это было центральное политическое издательство и это тоже можно было характеризовать как успех, равно, как приглашение работать в журнале "Молодой коммунист". И пять лет я в нем работал - 77-82 годы. Многие мои друзья тогда воспринимали это время как возврат на прежний уровень. Это был период попыток социального действия. И не просто с точки зрения "успеха", а с точки зрения реализации некоего личностного потенциала.

Я считаю, что успех на самом деле измеряется тем, влияешь ли ты на ход или исход событий, с одной стороны, а с другой - каково твое самочувствие при этом. С большими ли издержками ты это делаешь? Принимаешь ли ты эти издержки личностные? Реализуешь, например, два твоих безусловных рефлекса, один из них - рефлекс свободы? То есть на самом деле сначала интуитивно, а потом осознанно я искал свободу. Я даже диссертацию я писал на эту тему. Дипломная работа у меня называлась: "Концепция свободы у французских экзистенциалистов", а кандидатская диссертация посвящена концепции личности у Сартра, где тоже главной является проблема свободы. Стержнем свободы и началом, первым этапом свободы является, по Сартру, "нет", то есть, социальный негативизм.

С такой установкой карьеру не делают, следовательно, я стал себя утверждать в сфере духа. Я обнаружил, что эта сфера не подвержена чужим притязаниям, я легко могу ее оборонить, могу держать круговую оборону против всех. И это от меня не отнимешь: как я писал в одном своем эссе, я могу вручать шпагу гражданского неповиновения эфесом вперед, элегантно жестом. Я на самом деле свободен даже когда меня ведут в тюрьму. Я обнаружил, что могу вести интенсивную духовную деятельность наедине с книгами, с узким кругом друзей, кто разделяет иллюзии моего самовосприятия, а других-то мне не нужно. Это моя референтная группа - кто важен для самооценки, для душевного комфорта.

И, наконец, 1982 год - начался этап, который длится до сих пор. Этап прямого действия в избранной сфере, в сфере экономики. Потому что здесь сегодня герои нашего времени, люди, которые создают себе биографию, не только состояние, свою судьбу куют. Здесь ты зависишь прежде всего от самого себя. В сфере политики этого нет. Политик современный, профессиональный политик - это публичный мужчина, человек несвободный, ибо он домогается любви людей, которых сам не любит, наоборот, все посягают на его свободу, на его частную жизнь.

Сфера экономики - та сфера, где можно реализовать свой личностный потенциал без нравственных издержек, без личностных потерь, без посягательства на твою частную жизнь. Ты защищен. И тем, что ты сам себе создал свое рабочее место (и другим, разумеется, создал) и тебя уволить не могут. И тем, что ты на расстоянии держишь притязания государства, откупаешься от него налогами. И тем, что ты сферу сервиса можешь на дистанции держать, можешь не общаться с людьми, которые тебе неприятны. Вспомним, как Набоков в "Других берегах" говорил, что революция, социальные потрясения начинаются с того момента, когда надо вступать в объяснения с хамами. А ты вообще не объясняйся с хамами, держи дистанцию, например, вежливостью, например, благотворительностью, либо, например, законопослушием. Фактически, создаешь вокруг себя ауру доброжелательных людей. Предприниматели создают средний класс - и живи в родственной тебе социальной среде. Не иди туда, где тебя не понимают, не иди, например, в Фронт национального спасения, где точно тебя забросают камнями.

Капсулирование многих людей - это частный случай структурирования общества. Слава богу, мы сейчас живем не в коммуналках и нас не заставляют маршировать в общих колоннах, то есть вести псевдопубличную жизнь. И все это у меня коррелируется с теми интеллигентскими установками, которые мы прочитываем, например, у Тютчева. Ты должен для себя определить шкалу приоритетов, то, что для тебя важно. Когда меня исключали из университета, то некоторые знакомые предлагали: сбежал бы в партком, покаялся, ну "заложил" бы парочку людей. Я отвечал: "Знаете, я каждый день бреюсь, у меня очень густая щетина, и каждый раз я буду на себя смотреть в зеркало и каждый раз будет побуждение плюнуть в себя". Душевный комфорт - это чрезвычайно важно. Я думаю, что с годами, мне 54 года, больше думаешь о душе. Думаешь о том, а как о тебе будут думать твои дети, будущие внуки, твои друзья, твои любимые - та референтная группа, которая и формирует Личность. Выготский говорил, что личность - это наши связи, наши отношения, а не только информация, которую мы набрали наедине с книгой. И книга - это общение с автором.

Если бы я оценивал сам себя: состоялся ли я как социальная величина, доволен ли я своей жизнью? Некое недовольство должно быть всегда. Человек должен ставить перед собой задачу чуть-чуть превышающую его сегодняшние возможности, но чуть-чуть. Душевный комфорт, а, следовательно, ощущение успеха, возникает тогда, когда твои возможности совпадают с твоими желаниями. У французов есть прекрасная поговорка: "Если не можешь жить как тебе нравится, пусть тебе нравится как ты живешь". Пойти по пути стоиков и сказать, что чем меньше потребностей, тем больше свободы? Наоборот, потребности расширяют и личностный потенциал. "Смирение наипаче гордости" - это не наше, не для предпринимателя. С такой философией в предприниматели не идут: предприниматель - это экспансионист. Личностную экспансию он видит в том, чтобы в деле продолжить свою личность, обессмертить ее в мостах, в пароходах, в книгах и т.д.

Есть понятие власти, есть испытание властью, есть испытание влиянием. Что предпочитает человек, заботящийся о душевном комфорте - влияние или власть? Влияние. Власть - это часто внешние признаки влияния. Власть - система принуждения, ограничения свободы другого человека. И нельзя управлять невинно, ибо ты, фактически, ограничил свободу человека, а власть - это ограничение с помощью инструментов принуждения. Влияние? Ты можешь влиять на ход событий, на действия других людей, а свободу

их не ограничивать. Ты предоставляешь варианты, веер возможностей, помогаешь принять решение.

Я только что пришел с Экспертно-аналитического совета при Президенте. Много времени отдаю этому делу, при том, что у меня нет избытка свободного времени, время я краду у бизнеса. И вот, например, сейчас, во время работы над этим интервью, у меня должен быть Совет директоров. И тем не менее я это делаю. Для чего я беседую с редактором Вестника, почему я объясняюсь с современниками? Я тем самым хочу влиять, но не на собственный имидж, хочу влиять на имидж своих коллег, своего класса.

Вспоминаю, как-то спросила учительница у моего сына: "Чем занимается твой папа?" - она анкету составляла. "Мой папа создает средний класс"- ответил сын. Так часто это слышал семилетний сыночек. А для чего? Класс - это демпфер социальный; в случае посягательства на нас, он нас оборонит. Поэтому нельзя жить близоруко, как поступила русская буржуазия, которую уничтожили в одночасье люмпены, вооруженные трехлинейками, и никто не выступил на защиту. Я уверен, что если бы в Америке принялись убивать Рокфеллера, его бы миллионы защищали. Каждый американец хочет быть Рокфеллером.

Э.А. ПАМФИЛОВА

" ... ОСТАЮСЬ РОМАНТИКОМ В ПОЛИТИКЕ "

Стремление редакторов Вестника в этом выпуске придать уже привычной рубрике "Биография побед и поражений" новое звучание, фактически превращающее рубрику в "Мастерскую профессионализма", требует от автора дополнительного риска.

Относясь к себе всегда с определенной долей иронии, я, естественно, не могу не понимать, что между заводским мастером по ремонту электронной аппаратуры, которым я когда-то была после окончания института, и Мастером с большой буквы - будь то в политике или в иной профессиональной сфере - лежит огромная пропасть, но хоть не каждому дано преодолеть ее, стоит попробовать.

Так уж получилось, что решением социальных проблем я начала заниматься давно, особенно - в бытность заводским профсоюзным лидером, когда в моем ведении было огромное хозяйство в виде многочисленных социально-бытовых объектов. Занимаясь в заводском масштабе решением множества вопросов - жилищных, финансовых, заработной платы, охраны труда, коллективными договорами, организацией отдыха и лечения, разрешением трудовых споров, социальным страхованием, льготным пенсионным обслуживанием и многим другим - приходилось параллельно много учиться. Сколько шишек пришлось набить, ведь энергетики - народ крутой, и добиться уважения от этих суровых мужиков не так-то просто.

Став депутатом, членом Верховного Совета СССР, мне пришлось столкнуться с иной социальной гранью - проблемами, связанными с привилегиями и социальной справедливостью, взаимосвязью между должностными привилегиями, злоупотреблением служебным положением и коррупцией. Но с изменением политической конъюнктуры наши наработки остались невостребованными, и, как следствие, все эти проблемы вновь расцвели пышным цветом. В свое время с таким трудом удалось отвоевать часть привилегированных объектов для использования их в интересах детей, инвалидов и стариков, и мне очень больно наблюдать, что все возвращается на круги своя. Но это так, грустное нелирическое отступление...

Министром социальной защиты в "правительстве реформ" я стала на первый взгляд неожиданно. Когда мне было 5 лет, отец бросил меня в воду и сказал: "Плыви". И я поплыла. Вот так же меня взяли за "шкирку" и бросили в океан реформ, где меня тут же накрыли волны разбушевавшихся социальных невзгод. С той лишь разницей, что когда я ребенком барахталась в воде, рядом всегда была верная собака Рэкс, готовая придти на помощь в любую минуту. Став же министром, я оказалась одна, в ситуации, когда едва успевала "штопать", "латать", "тушить", пока не пришла к выводу, что без системного надведомственного подхода, без продуманной социальной политики, взаимоувязанной с макроэкономической стратегией, без четкой координации действий в социальной сфере, невозможно правильно прогнозировать и предотвращать все возрастающие социальные беды.

Конечно, не все было так плохо, за эти годы удалось не только укрепить ослабшую традиционную систему социального обеспечения, но и дать импульс развитию новых форм социальной помощи и социальной поддержки, содействовать становлению региональных служб социальной защиты.

Пройдя все адские круги в должности министра, зная социальные проблемы и "снизу" и "сверху", совместными усилиями со своими коллегами из министерства мы попытались предложить пакет документов, закладывающих основу системного подхода в решении социальных проблем.

Первая попытка оказалась "пустыми хлопотами" - пакет документов был успешно "похоронен" аппаратом Правительства в ноябре-декабре 1993 года. Именно это, а также

осознание того, что на протяжении всего 1993 года Правительство занималось профанацией реформ при все возрастающих социальных издержках непонятно во имя чего, заставило меня подать в отставку и выйти из Правительства.

Для меня это было невероятно трудное решение, но и оставаться, не веря и не поддерживая это Правительство, было бы нечестно.

Но нет худа без добра. Последующие месяцы стали для меня крайне плодотворными - появилась возможность, отойдя от суеты ежедневных решений, заняться с группой единомышленников разработкой основ современной динамичной системы социальной поддержки, формированием стратегии социальной политики. Не знаю, увенчается ли успехом моя вторая попытка, но очень надеюсь, что наши наработки будут востребованы.

"Профессиональный стратег"? На мой взгляд, в социальной сфере профессионал обязан, более чем где-либо, блюсти кодекс чести, проецировать глобальные проблемы на судьбу конкретного человека, пропускать через себя человеческую боль.

Я постоянно чувствую людские импульсы, ощущаю эмоциональное беспокойство, и это во многом определяет мои действия.

Можно ли эту особенность считать чисто женской? Полагаю, что это индивидуальное свойство и зависит оно скорее от личности политика, чем от пола. Конечно у женщин-политиков, например, более развит инстинкт самосохранения, а мужчины более легко принимают силовые решения. Возьмем "запланированный", допустимый процесс смертности в армии - он абстрактен. С ним мирятся как с неизбежным злом. Уверена, что будь министром обороны женщина, она бы прежде, чем принимать то или иное решение, в 10 раз больше подумала бы о том, что стоит за этими "малыми потерями" и с чем соизмеримо горе матери, потерявшей своего сына, и как это предотвратить.

Вероятно можно различать не столько мужские и женские профессии, сколько ситуации, в которых женщина, например, проявляет больше воли для того, чтобы перебрать буквально все варианты в целях недопущения крайностей; а мужчина, наоборот, действует более решительно и прямолинейно, "проскакывая" какие-то "мирные" варианты.

Мы живем в таких обстоятельствах, когда элементарные, нормальные поступки на общем фоне воспринимаются чуть ли не как геройство. Это отразилось и на моей судьбе. Некоторые мои поступки, казавшиеся мне самой естественными, обычными, воспринимались как смелые и необычные. На мой взгляд, меня несколько идеализировали, думали обо мне лучше, чем я была на самом деле. Я стала чувствовать, что становлюсь не то чтобы заложником, но не имею права подвести людей, которые поверили в меня, ждут конкретной помощи, конкретных действий. Я стала буквально физически ощущать огромную ответственность перед всеми, кто мне верил и разглядел во мне нечто такое, что я сама в себе не замечала. Именно вера этих людей сделала меня сильной и я просто не могу их предавать.

Если говорить об успехах и поражениях современной социальной политике, то следует прежде всего отметить: профессионалов в этой сфере применительно к особенностям нынешней ситуации очень мало. Мало, потому что сегодня почти не применимы те подходы, стереотипы мышления, которые перешли вместе с самими профессионалами из прошлой системы в нынешнюю. Прошлый опыт, критерии, методики чаще идут не на пользу, а во вред. И в этом драма прежних специалистов, крупных авторитетов, пытающихся разобраться в динамичной современной социальной обстановке.

Профессиональная стратегия заключается в формировании политики, например, политики доходов, во встраивании такой политики в экономическую ситуацию и т.д. Нужен - неважно, как это будет переведено на бюрократический язык - Центр стратегического анализа и стратегических решений, сочетающий в своих функциях стратегические наработки и механизмы их реализации.

Затрагивая тему правил игры на политической сцене, должна сказать, что трудно навязать чуждые мне по духу правила - если они меня не устраивают, если я с ними не согласна. Я выбиваюсь из этой колеи постоянно. Да, может быть, это смешно, но я оста-

юсь в чем-то наивным человеком в политике и политическим романтиком. И если у меня эта особенность пропадет, то мне вообще в политике больше делать будет нечего. Если я перестану верить в то, что политику можно делать чистыми руками, что профессионализм в политике - как и в любой профессии - не совместимы с "грязными руками", я просто не смогу существовать в политической жизни. Для меня в том и ценность политика, что он - личность, яркая, индивидуальная, нестандартная. Естественно, какие-то общепрофессиональные требования нельзя не учитывать, но этот минимум приемлем для каждого политика и не бросается в глаза.

Можно ли, размышляя о своем профессиональном успехе, не задать самому себе вопрос о том, как связаны успех деловой и жизненный? Для меня невозможно различить две "жизни"- личную и другую, все "перемешано". Я, как и многие, большой любитель жизни, маленьких радостей и удовольствий, но когда увлечена работой, когда Дело полностью поглотило, все остальное уходит на второй план. И это нормальное состояние: Дело - главное для Тебя, для твоей жизни, и ты не сухарь, но некоторые вещи как бы оставляешь на потом, и в этом нет трагедии. Состояние моей души во многом определяет предчувствие и ожидание того, что может даже и не состояться, но я мечтаю и надеюсь, а это облегчает жизненную ситуацию. Что значит - "состоялся"? Жизнь полна - значит ты состоялся.

Состоялся при всех неизбежных - и вчера, и сегодня, и завтра - взлетах и падениях, выигрышах и проигрышах, победах и поражениях. Состоялся, ибо твой внутренний кодекс строится на принципе самодостаточности. Что рассматривать в качестве поражения? Несчастен человек, который в качестве поражения оценивает потерю "кресла" и положения в служебной иерархии. Я с детства не разбалована, все умею делать - держать в руке и молоток, и фуганок, и рубанок - меня мой дед-сибиряк научил, с лопатой справлюсь, розетку почину, дом дранкой обобью. Я могу работать не только головой, но и руками - и находить в этом радость. Если ты вольно или невольно уходишь с достигнутой тобой ступеньки, но не чувствуешь себя несчастным, - значит, можешь легко реализоваться и в другом деле.

Конечно, это не просто, побывав во власти, почувствовав свое призвание, отказаться от всего и, например, уйти в дворники или мыть подъезды - для заработка, для простого выживания. Но ведь и такой, пока, надеюсь, гипотетический, вариант - разумеется, вынужденный обстоятельствами - тоже акт выражения собственной жизненной позиции, борьбы за свою идею, точку зрения, а кроме того - возможность зализать свои раны, задуматься о прошлых и последующих действиях, осмыслить ситуацию со стороны.

Мне кажется это очень важным: найти в себе силы и остановиться в своем стремлении ввысь, взглянуть на себя со стороны, воспринять себя адекватно в меняющейся ситуации, внешне кажущееся поражение не воспринимать как трагедию, а как необходимую паузу перед тем, как решиться на следующий шаг.

Этика успеха. Вестник исследователей, консультантов, ЛПР,
Выпуск 3. – Тюмень: Центр прикладной этики, 1995 год. – 236 с.

Научно-организационная работа – М.В.Богданова

Обложка – М.М. Гардубей, Н.П. Пискулин

Научные редакторы – Н.И. Романенко, К.А. Щадилова

Оригинал-макет изготовлен компьютерным центром
Редакции газеты «Тюменский курьер». Тюмень, 625036,
Ул.Первомайская, 20, блок «Б». Тел. 24-78-13.

Дизайн – С. Логинов, Л. Покручина.

Корректурa – С. Согина, Е. Ткачук, Н. Тиунова

Технический руководитель проекта – Р.Гольдберг

Формат издания: 60x84/16.

Гарнитура TextBook. Печать офсетная. Объем усл.п.л. -15

Подписано в печать 31.01.1995 г. Тираж 999 экз. Заказ №

Цена договорная.

**Отпечатано в ИПП «Тюмень».
625002, Тюмень, ул.Осипенко, 81**

ОТКЛИКИ НА ВЫХОД ВЕСТНИКА N2 НА СТРАНИЦАХ ПРЕССЫ

"РИСК УСПЕХА"

"В достаточно академическом названии Вестника все-таки чувствуется острота проблемы. Ведь столько говорилось : в российском менталитете как бы запрограммировано сочувствие к неудачникам...".

("Сегодня", 23.09.94)

"ПРАВИЛА ИГРЫ БЕЗ ПРАВИЛ"

В N18 "Утра России" за нынешний год был опубликован газетный вариант статьи Л. Аннинского из подготовленного в Тюмени Вестника "Этика успеха". Сейчас вышел второй выпуск и мы предлагаем вниманию читателей сокращенный вариант работы философа Бориса Капустина.

("Утро России". N40. 1994)

"ИЗДАНИЕ, О КОТОРОМ МНОГО ГОВОРЯТ, НО МАЛО КТО ВИДИТ"

Вновь громкие, знакомые многим россиянам имена, в оглавлении издания..., и вновь россыпь порой парадоксальных, но блестящих идей". В этом главный плюс "Этики успеха": большая часть отобранных редколлегией статей побуждает читателей размышлять, заставляет думать. Чего невозможно добиться, публикуя очень правильные или очень нужные банальности".

("Тюменские известия", 23.09.94)

"МЕЖДУМЬЕ"

Так что же делать в непростой ситуации, в которой оказались будущие Прохоровы, Третьяковы и Морозовы? Столь актуальным вопросом задаются авторы второго выпуска Вестника "Этика успеха".

("Наше время". 11.10.94)

"Меня настолько порадовало появление Вестника, что я решила вести за его работой пристальное журналистское наблюдение. Мне очень интересно следить за успехами журнала об успехе"

**(Е.Полякова. Радио России.
Авторский канал "От первого лица". 29.10.94.)**

